

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ЦАРЬ-МУЧЕНИК

ЗА ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ЗАКОНА И ГРЕХИ НАРОДА ПОСЫЛАЮТСЯ БЕДСТВИЯ ВСЕМУ ГОСУДАРСТВУ

Писания Божественная известуют должника быти сего, иже сам что приемши туне от Господа, иным сего не изъявляет: зане аки нечто украде от Церкви, егда утаивает могущее пользовати иных*. Это и меня заставило взять перо, написать то, что мне известно, дабы не ответить пред Богом за малодушное молчание.

Признаки последних времен выявляются все яснее и яснее. Заволокли некогда светлый горизонт Православной России грозные, стихийные черные тучи. Шумят сильные волны, бушует жестокая буря, стремясь сокрушить корабль Православия, водимый Духом Святым. Но до тех пор, пока в Предвечном Совете не будет решено отнять от России, принявшей на себя обязанность блюсти Православие, невидимую Божественную силу, бессильна жестокая буря разбить корабль Православия, носящийся в безбрежном просторе вечности к определенной цели.

Когда внимательно будешь вникать в исторические примеры, непосредственное действие Божие с особенною ясною обнаруживается: царствование Божие простирается над царством человеческим, ибо «не изнеможет у Бога всяк глагол» (Лк. 1, 37).

По Всевышним судьбам Божиим Церкви Христовой, с самого начала христианства, пришлось терпеть от мира вражду и гонение, дабы доказать, что она зиждется, утверждается и возвышается не человеческой силой, но Божией. Она страдала и страданием победила своих врагов. На крови мучеников созидался самый прочный фундамент, который врата ада не в силах разрушить. Когда же достаточно укрепился этот политый кровью мучеников церковный фундамент, тогда Господь послал видимую справедливость, торжество правды Божией на земле,

«Ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил он из среды нечестивых».

(Прем. 4, 14)

«Я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они несли. И возопиоши они громким гласом говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судиши и не мстиши живущим на земле за кровь нашу?»

И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и соотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число».

(Отк. 6, 9—11)

чтобы, по слову Пророка: «одержала правда покой» (Ис. 32, 17), чтобы Церковь Христова, после стольких царей гонителей, имела царя покровителя в лице Константина, сначала язычника, но чудом Божиим сделавшегося христианином.

Так и ныне, Господь, отнимая от Церкви покровителя, в лице благочестивого Православного Царя, попуская ему мученическую смерть, как первому сыну ее, так и многим верным чадам ее, тем самым скрепляет святою мученическою кровью, как самым крепким цементом, расшатанные устои ее, а грозной бурей раздувает еле-еле мерцающий свет церковной лампы.

Мановением Божественной Десницы до тех пор укрепляются государства, пока в них соблюдается в чистоте и святости святая вера, имеется послушание закону Божию, ибо в руке Божией все, и у Него все пути каждого народа земли (Дан. 5, 23).

С каждым годом благочестие народов охлаждается, нравственность падает, как сказано: «Ибо после больше будет бедствий, нежели сколько ты видел ныне. Сколько будет слабеть век от старости, столько будет умножаться зло для живущих. Еще дальше удалится истина, и приблизится ложь...» (3 Езд. 14, 15–17). Забудется завет Божественного Учителя: «О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин. 13, 35). Тогда по слову Св. Пророка наступит грозное время: «Горе веку и тем, которые живут в нем, ибо приблизился меч и истребление их, и восстанет народ на народ для войны, и мечи в руках их. Люди сделаются непостоянными и, одни других одолевая, вознерадят о царе своем, и начальники — о ходе дел своих в пределах своей власти. Пожелает человек идти в город, и не сможет, ибо, по причине их гордости, города возмутятся, дома будут разорены, на людей нападет страх. Не сжалится человек над ближним своим, предавая дома их на разорение оружием, расхищая имущество их по причине голода и многих бед» (3 Езд. 15, 14–19); «Вот, голод и язва, и скорбь и теснота посланы как бичи для исправления: но при всем этом люди не обратятся от беззаконий своих и о бичах не всегда будут помнить. Вот, на земле будет дешевизна во всем, и подумают, что настал мир; но тогда-то и постигнут землю бедствия — меч, голод и великое смятение. От голода погибнут очень многие жители земли, а прочие, которые перенесут голод, падут от меча. И трупы, как навоз, будут выбрасываемы, и некому будет оплакивать их, ибо земля опустеет, и города ее будут разрушены. Не останется никого, кто возделывал бы землю и сеял на ней. Деревя дадут плоды,

и кто будет собирать их? Виноград созреет, и кто будет топтать его? Ибо повсюду будет великое запустение» (3 Езд. 16, 20–27). Тоже говорит и св. пророк Иеремия: «И сказал мне Господь: хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил, душа Моя не приклонится к народу сему; отгони их от лица Моего, пусть они отойдут. Если же скажут тебе: «куда нам идти?», то скажи им: так говорит Господь: кто обречен на смерть, иди на смерть; и кто под меч, — под меч; и кто на голод, — на голод; и кто в плен, — в плен» (Иер. 15, 1–2).

Таковы последствия отступления от отеческих преданий и плоды беззакония народа. Грех — главный виновник внешних и внутренних войн, всех бед и несчастий народных, ибо ясно и определенно об этом сказано Самим Христом: «И по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф. 24, 12).

Господь отнимет от беззаконных людей здравый разум и для них ложный путь будет казаться правым и прямым, но конец их — путь печали и к смерти. «Так беззаконие опустошит всю землю, и злодеяние ниспровергнет престолы сильных» (Прем. 5, 24).

Затем слово Божие говорит о дальнейших последствиях беззакония народа: отниму «храброго вождя и воина, судью и прозорливца и старца, пятидесятника и вельможу и советника, и мудрого художника, и искусного в слове. И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними. И в народе один будет угнетаем другим, и каждый — ближним своим; юноша будет нагло превозноситься над старцем, и простолоудин над вельможею» (Ис. 3, 2–5). «Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников; а при разумном и знающем муже она долговечна. Человек бедный и притесняющий слабых то же, что проливной дождь, смывающий хлеб. Отступники от закона хвалят нечестивых, а соблюдающие закон негодуют на них. Злые люди не понимают справедливости, а ищущие Господа понимают все. [...] Когда торжествуют праведники, великая слава, но когда возвышаются нечестивые, люди укрываются. [...] Как рыкающий лев и голодный медведь, так нечестивый властелин над бедным народом. [...] Когда умножаются праведники, веселится народ, а когда господствует нечестивый, народ стенает. [...] Кровожадные люди ненавидят непорочного, а праведные заботятся о его жизни. [...] Мерзость для нечестивого — идущий прямым путем» (Притч. Гл. 28–29). «При умножении нечестивых умножается беззаконие, но праведники увидят падение их» (Притч. 29, 16).

Таковы по слову Святого Писания свойства нечестивых людей, захвативших власть в руки свои. Напрасны и суетны надежды на них, ибо по тому же слову Божию, что сломанный зуб и расслабленная нога, то надежда на этих ненадежных в день бедствия. Эти возмутители ищут только зла и в заключение жестокий ангел будет послан против них (Притч. 17, 11).

Таковы откровения в Святом Писании о причинах и последствиях народных бедствий. Но погрязшие в пороках люди не хотят этого видеть и сознать своей роковой ошибки; для сознающих же это благоразумных людей наступило время весьма опасное и печальное: гордые люди греха и беззакония стремятся кроваво-жестокими мерами заставить умолкнуть язык говорить о законе Единого Истинного Бога. Этим людей, как преступников, бросают в темные сырые тюрьмы, подвергают нечеловеческим пыткам и предают на мученическую жестокую смерть. Это козни сатаны против последователей Господа Бога, творимые людьми беззакония, заживо отдавшими себя во власть начальника ада, этого мирового преступника и возмутителя.

При виде переживаемых великих страданий, невольно закрадывается в сердце мысль о близости «дня Господня», о наступлении того тяжкого времени, когда последователей Христа будут предавать на мучения, убивать, ненавидеть и презирать (Лк. 21, 12–19; 2 Тим. 3, 1).

Русский народ, вступая в новый XX век, начал попирает заветы прошлого, насильно принуждая забыть их и простой верующий народ; только в великих заветах прошлого и были заложены зерно той жизни и знания, которыми доселе пользовалась Россия на страх врагам. Попирались устои духовной жизни, велись подкопы под Православие и законную власть. Разрушались семейные начала, осквернялось таинство брака, попирались и осмеивались вера отцов и дедов, этим ускоряли надвигающиеся грозы роковых бедствий.

Бог явил русскому народу нового праведника преподобного Серафима, внушив Помазаннику Своему быть на Саровском торжестве веры¹, давая этим понять народу тайну величия и мощи России, тайну, заключенную в единении со Христом и Его Помазанником, ибо без Бога ничто в мире не совершается.

Преподобный Серафим часто при жизни говорил приходящему народу слова верного слуги царе-пророка Давида Авессы:

¹ Комментарий см. в конце книги. — С. Ф.

«Нас много у тебя, а ты, Государь, у нас один. Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты был жив, Израиль цель и непобедим. Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?»...

Этот великий праведник-прозорливец предсказал и о нашем времени, говоря о замыслах врагов России, стремящихся покончить с Помазанником Божиим и Великой Православной Россией: «Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое время, но болезнь их обратится на главу их, и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля Русская обогрится реками крови, и много дворян побиено будет за великого Государя и целость самодержавия его; но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца Земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского».

Из выше приведенного Святого Писания и Божественного откровения для нас представляется ясным, что за грехи народа, безнравственную жизнь, оставление отеческих заветов Бог отнимает от народа благочестивых царей, мудрых начальников, храбрых вождей и воинов, попуская господствовать злу, безбожию, жестокому гонению на веру, братоубийственному кровопролитию и всякой неправде.

II

ТОРЖЕСТВО ПОПРАВШИХ ЗАКОН БОЖИЙ ЛЮДЕЙ ЕСТЬ ПОПУЩЕНИЕ БОЖИЕ В НАКАЗАНИЕ НАРОДУ ЗА ИХ НЕРАСКАЯННУЮ ЗЛОБУ К БОЖЕСТВЕННОМУ УС- ТАНОВЛЕНИЮ

Ничего под солнцем не совершается без воли Божией. Господь живет и мертвит, возвышает и унижает; без воли Его даже волос с головы человеческой не спадает, а тем более без Его воли не может ничего совершиться в целом государстве (Лк. 12, 6–7). Еще апостол Павел писал: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2, 7). По толкованию Святых Отцов и современных праведников, под удерживающим

подразумевается Помазанник Божий, благоверный Православный Царь, поэтому ни в каком случае не может совершиться никакое событие в жизни Царя без воли Божией на то; Господь заранее предопределяет людей для выполнения Его, неисповедимых уму человеческому, Божественных предначертаний. Бог попускает диаволу действовать тайно для людей, внушая свое злоторное, враждебное Христу и пагубное для человеческого рода учение, направленное к ниспровержению благочестия и благосостояния не отдельных только лиц, но целого царства Христова и всего человеческого рода. Он внушает свои коварно-вероломные козни тайно под личиной добра, пока порочность людей дойдет до глубины падения так, что они будут делать зло открыто, не стыдясь людей, не боясь Бога, нахально и дерзко, с похвальбою и насмешками над добродетелью, осмеивая, гоня, муча и жестоко убивая добродетельных людей. Люди, прельщенные диаволом, будут гнать веру и верующих людей с тонкой змеиной хитростью: ложью, насмешкой, подделками и другими вероломными поступками. Вековая непрестанная борьба между добром и злом, царством Божиим и царством диавола, по поущению Божию, за «отступление» человечества, склонится на сторону зла, которое будет господствовать до тех пор, пока народ не придет в сознание. Тогда будет страшный эгоизм, развращение нравов, легкомыслие, разнузданность страстей, отсутствие благоговения к Богу, потеря страха пред законами и властью, извращение всяких здоровых отношений потрясут троны, подорвут благо народа, расшатывают семейные узы, вековые порядки и весь общественный строй, зажгут кровавый огонь внутренних и внешних войн. Появятся многие властители, низвергая друг друга, подвергаясь и сами той же участи; рабы будут вырывать власть у своих властителей, но и сами вскоре сделаются жертвами других честолюбивых людей. Бедствия народа будут увеличиваться и только прекратятся тогда, когда народ придет в сознание и покаяние, как сказано Самим Богом чрез Пророка: *«Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему»* (Иер. 18, 7-8).

Господь всячески приводит человечество в сознание, *«долго терпит, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию»* (2 Петр. 3, 6). Св. Иоанн Златоуст писал, что до тех пор царство народа крепко и непобедимо, пока на нем почивает

благословение Божие, а признак сего, если еще не оскудело то святое семя, которым скрепляются устои и скрепы народного благосостояния, которым стоят и держатся царства и народы. Это святое семя есть те праведники и молитвенники, ради которых Бог милует целые города и государства: *«лучшие един праведник нежелали тысяща грешник»* (Сир. 16, 3).

Сам Господь открыл Аврааму, что если бы было десять праведников, то не погибли бы незаконные содомские города. Если бы было достаточно праведников при Ное, то не было бы всемирного потопа, посланного для спаения рода человеческого. Другого выхода не было. Весь народ отступил от закона Божия и развратился, за исключением Ноя и его семьи. Оставить этот развращенный народ, он развратит и молодое поколение Ноя, а Спаситель еще не явился на землю спасти род человеческий от законной клятвы. Вот почему и было решено в Предвечном Небесном Совете послать мировое бедствие в виде потопа, дабы стереть греховную заразу с лица земли, обновить окружающую атмосферу для немногих и этим дать возможность продолжить благочестивый род людей и тем спасти все человечество от проклятия и вечной смерти. Так посылает Господь бедствия неисправимому народу, попуская им друг друга истреблять, дабы вконец уничтожить нечестивый род неисправимых, как негодную закваску, дабы они и для последующих родов не сделались учителями нечестия.

За прошедшие века проносились над православной Россией грозные бури, от которых приходилось содрогаться русскому православному народу в трепетном ожидании своей гибели, но за сознание своих ошибок получали от Бога помилование. Но вот вновь разразилась жестокая буря, какой еще не видела Россия за все свое многовековое существование. Пред этой кровавой грозой были страшные знамения Божия гнева на отступников закона Божия; Бог прославил небывалое число новых праведников, как бы посылая вестников с неба, но все было напрасно, ибо большинство народа попало в коварную ловушку диавола, не замечая грядущего Божия гнева. Сам народ, не сознавая, вел под свое благосостояние подкоп разрушения и морального и материального, сбрасывая с себя оковы властей и начальств, приличий и обычаев. Грядущее царство тьмы сломило последний оплот Православной России. В Православной Церкви свет веры едва светится, а мрак неверия, дерзко-хульного вольнодумства и нового язычества, превосходящего делами

своими древнее язычество, всюду проникает все больше и больше. Наступило страшное время, небывалое бедственное положение Православной Церкви и верующего народа. Но все это Господь Вседержитель заранее открыл избранным святым мужам, просветив их светом Своего Божественного познания, которые поучались о судьбах человечества не из простых человеческих книг, но из книг мужей Богодухновенных и просвещенных свыше светом Божественного познания. По их откровению Бог наказывает за беззаконие не только отцов, но детей и внуков. Эти праведные люди зрят судьбы Божии времен ненародившихся, говорят о будущем, как о настоящем, предсказывают грядущие события как гнева, так и милости Божией, ибо для них завеса над будущим Рукой Всеведущего приоткрывается в нужной мере для пользы и вразумления человечества.

Так, о настоящем бедствии России, залитой кровью и слезами, и о мученической кончине Императора Николая Александровича было Богом открыто еще за несколько лет до мученической кончины Августейшего деда его — Императора Александра II.

Великий современный старец, схиархимандрит Илиодор², подвизавшийся в Глинской пустыне, почивший в конце семидесятых годов прошлого столетия, незадолго до блаженной его кончины, за несколько лет до злодейского убийства Государя Александра Николаевича, в присутствии собравшихся своих учеников, сидя в своей келье, при горевшей лампадке пред святыми иконами, глубоко задумался, склонив свою главу. Ученики не смели нарушить его великой думы и размышления, с трепетом ожидая [от] своего старца чего-то необыкновенного. И вот восклонил старец голову, перекрестился, вздохнул и сказал: «Видите вы меня, чадца, скорбна... Читал я, чадца, в дни сии Апокалипсис св. апостола и Тайнозрителя Иоанна Богослова. И возжелала душа моя увидеть, доколе же Господу угодно будет долготерпеть все умножающимся беззакониям мира. И был я, чадца, в душе; и, се вижу: восходит от востока на небе звезда великая и пресветлая, и вокруг нее звезды яркие и великие. Прошла эта звезда по небосклону и склонилась к своему западу. И был ко мне голос: «Се звезда Императора Благословенного!» И другую звезду, еще светлее, еще величавее увидел я восходящей на восток, и вокруг нее звезды светлые. Прошла и эта

звезда путь свой и тоже склонилась к своему западу. И тот же голос сказал мне: «Се звезда Императора Николая I». И посем взошла с востока звезда яркая; и был цвет ее как цвет крови; вокруг же той звезды в спутниках ее были звезды тоже цвета кровавого. И не дошла звезда та до своего запада. Устрашилось сердце мое. И голос возвестил мне: «Се звезда ныне царствующего Государя Александра Николаевича. Насилием сокращены будут дни его: убит будет Царь рукой освобожденного им раба среди бела дня, на стогнах верноподданной ему столицы». И опять увидел я звезду, восходящую с востока, и была та звезда ярче и величественнее всех прежде виденных мною звезд. Но и этой звезды дни сокращены будут. «Се звезда Императора Александра III, сказал мне голос... И после узрел я иную звезду»...

И не кончил старец речи своей, прервал ее и заплакал. Потом, по малом времени, восклонил старец свою главу и такое молвил великое и страшное слово: «Бдите и молитесь, чадца! Неции от zde стоящих возжелают смерти, но смерть убежит от них».

Так в Предвечном Небесном Совете было предопределено за много лет о той мученической кончине, следующего за Императором Александром III, многоскорбного и благочестивого Императора Николая II. Если бы на это не было воли Божией, то никакие враги сделать ничего бы не могли, ибо сказано: *«Восхищен, чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его»* (Прем. 4, 11).

Какие бы добрые дела ни делал человек, падение его мало действует на людей с эгоистическими склонностями. Они подобны путешественникам, сбившимся с дороги, но надеющимся попасть на нее как можно скорее. Они заражены страстью к перемене, мечтая найти в ней какие-то личные выгоды, и, закрыв глаза и зажав уши, пускаются без души разыгрывать безумную лотерею слепого счастья.

Как по попущению Божию враги распяли Небесного Царя для славы Распятого, и вечной погибели распинателей, так Бог попускает нечестивым людям убивать земных благочестивых царей для славы убитых и вечной погибели убийц и вдохновителей. Цари земные, не только православные и благочестивые, но и язычники, находятся под особым покровом и попечением Божиим, как Его избранныки и помазанныки, о чем Сам Господь сказал чрез пророка помазаннику Своему

царю Киру-язычнику (Ис. 45, 1–19), а потому ни малейшего события в их жизни не совершается без воли Божией. Об этом ясно и определенно говорит Святое Божественное Писание: «Мною цари царствуют» (Притч. 8, 15); «Господь низлагает царей и поставляет царей» (Дан. 2, 21); «Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет» (Дан. 4, 14, 22); «Слушайте, цари, и разумеите [...] От Господа дана вам держава, и сила — от Вышнего» (Прем. 6, 1–3); «Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его» (Притч. 21, 1); «В руке Господа власть над землею, и человека потребного Он вовремя воздвигнет на ней» (Сир. 10, 4).

Так же единодушно об этом говорят Святые Отцы Церкви и современные подвижники благочестия. В более ясных словах предсказывал преподобный Серафим Саровский о предназначенной Богом тяжелой судьбе тому царю, которому небесным предопределением назначено быть на саровском торжестве веры, когда среди лета запоют Пасху. По его предсказанию, если будет покаяние у русского народа, то Бог еще помилует Россию, но прежде попустит на время восторжествовать беззаконным людям, которые насилем свергнут и убьют царя, дабы народ опытом познал: как жилось ему при помазаннике Божиим царем, и как при управлении людей, поправших закон Божий и отеческие заветы.

Преподобным Серафимом, еще при жизни, по откровению Божию собственноручно было написано письмо к тому царю, которому будет суждено приехать в Саров и Дивеево; передано оно было его другу Мотовилову³; последний [же] передал это письмо покойной игумении Марии⁴, которая вручила его лично Государю Николаю II в Дивеево 20 июля 1903 года. Что было написано в письме, осталось тайной. Только можно предполагать, что Святой прозорливец ясно видел все грядущее, а потому предохранял от какой-либо ошибки и предупреждал о грядущих грозных событиях, укрепляя в вере, [говоря,] что все это совершится не случайно, а по предопределению Предвечного Небесного Совета, дабы в трудные минуты тяжелых испытаний Государь не пал духом и донес свой тяжелый мученический крест до конца.

Своим провидящим духом чувствовал мученическую кончину Царя и современный великий праведник батюшка о. Иоанн Кронштадтский, говоривший: Царь у нас праведной и

благочестивой жизни, Богом послан ему тяжелый крест страданий, как Своему избраннику и любимому чаду, как сказано Тайновидцем Судеб Божиих: «Кого Я люблю, тех отличаю и наказываю» (Отк. 3, 19). Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок; Бог отнимет у них благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых жестоких самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами.

Современная великая подвижница-прозорливица «Саровская Парасковья Ивановна»⁵, жившая в последние годы жизни в Дивееве, а до сего несколько десятков лет в лесу, начавшая свои подвиги еще при жизни преподобного Серафима; та, которая предсказала Государю и Государыне за год рождение сына (но не на радость, а на скорбь родится этот царственный птенчик, невинная святая кровь которого будет вопиять на небо); она в последние дни земной жизни в своих условных, но ясных поступках и словах предсказывала надвигающуюся грозу на Россию. Портреты Царя, Царицы и Семьи она ставила в передний угол с иконами и молилась на них наравне с иконами, взывая: «Святые Царственные мученики, молитесь Бога о нас». В 1915 году, в августе, я приезжал с фронта в Москву, а затем в Саров и Дивеево, где сам лично в этом убедился. Помню, как я служил Литургию в праздник Успения Божией Матери в Дивееве, а затем прямо из церкви зашел к старице Парасковье Ивановне, пробыв у нее больше часа, внимательно слушая ее грядущие грозные предсказания, хотя выражаемые притчами, но все мы с ее келейницей хорошо понимали и расшифровывали неясное. Многие она мне тогда открыла (что я понимал не так, как нужно было) в совершающихся мировых событиях. Она мне еще тогда сказала, что войну затеяли наши враги с целью свергнуть Царя и разорвать Россию на части. За кого сражались и на кого надеялись, те нам изменят и будут радоваться нашему горю, но радость их будет не надолго, ибо у самих будет то же горе.

Прозорливица при мне несколько раз целовала портреты Царя и Семьи, ставила их с иконами, молясь им как святым мученикам. Потом горько заплакала. Эти иносказательные поступки понимались мною тогда, как переживаемые великие скорби Царя и Семьи, связанные с войной, ибо, хотя они не были растерзаны гранатой и ранены свинцовой пулей, но их любящие сердца были истерзаны безпримерными скорбями и

истекали кровью. Они были действительно безкровные мученики. Как Божия Матерь не была изъязвлена орудиями пытки, но при виде страданий Своего Божественного Сына, по слову праведного Симеона, в сердце Ее прошло оружие. Затем старица взяла иконки Умиления Божией Матери, пред которой скончался преподобный Серафим, заочно благословила Государя и Семью, передала их мне и просила переслать. Благословила она иконки: Государю, Государыне, Цесаревичу, Великим Княжнам Ольге, Татиане, Марии и Анастасии, Великой Княгине Елисавете Феодоровне и А. А. Вырубовой. Просил я благословить иконку Великому Князю Николаю Николаевичу⁶, она благословила, но не Умиление Божией Матери, а преподобного Серафима. Больше никому иконок не благословила, хотя я даже сам просил для некоторых, но и мои просьбы не повлияли, ибо она действовала самостоятельно. Иконки были тотчас же посланы по принадлежности, где и были получены своевременно. После этого, я пробыл в Дивееве еще несколько дней, по желанию старицы, ежедневно ходя к ней, поучаясь от нее высокой духовной мудрости и запечатлевая в сердце своем многое, тогда мне еще непонятное. Только теперь мне представляется более ясным, как Богом было открыто этой праведнице все грядущее грозное испытание уклонившемуся от истины русскому народу. Непонятно было для меня тогда, почему она благословила всем, кроме Великого Князя Николая Николаевича, иконки не преподобного Серафима, а Умиления Божией Матери, пред которой скончался преподобный Серафим. В настоящее время для меня это ясно: она знала вперед, что все они кончат жизнь кончиной праведников-мучеников, как кончил жизнь и преподобный Серафим, и наследуют жизнь вечную в обителях рая вместе с ним. Целую портреты Царя и Семьи, прозорливица говорила, что это ее родные, милые, с которыми скоро будет вместе жить. И это предсказание исполнилось. Она через месяц скончалась, перейдя в вечность, а ныне вместе с Царственными мучениками живет в небесном тихом пристанище.

Как преподобный Серафим принимал всех грешников кающихся, но прогонял, не давая благословения, нарушителей долга присяги, так поступила и эта праведница. Она жестоко таковых била палкой и прогоняла от себя, ибо ее чистая святая душа видела все тайны сердца человеческого.

Еще более ясно Бог открыл в необыкновенном видении юной девочке Оле Бойко, послушнице одного из Киевских монастырей⁷, о предстоящей мученической кончине Царя. Эта девочка после приобщения Св. Христовых Таин уснула необыкновенным сном, спала 40 дней, не просыпаясь и не принимая пищи. Проснувшись 3 марта 1917 года, она говорила, что была взята ангелами на небо и видела там светлый хрустальный стол, за которым сидели пророки, апостолы, мученики. Выше этого стола стоял чудный неизреченно светлый престол, за которым сидел Господь Иисус Христос, а по правую сторону Его сидел Государь Николай II Александрович в белой царской порфире и светлой золотой короне с крестом наверху. Оле было сказано, что за грехи и беззакония народа, по попущению Божию, Царь будет свергнут с престола. Его, как Небесного Царя Христа, нечестивые люди оклеветают, оплюют, опозорят, унижат, отвергнется от него почти большинство и убьют. За это весь народ жестоко будет Богом наказан. Царь будет царствовать на небе с мучениками и всеми святыми и дастся ему власть судить своих врагов. Окружавшие проснувшуюся девочку монахини со слезами говорили ей, что Царь уже отказался от престола и, жалея его, сказали: какой он милый несчастный, бедный страдалец. Оля, улыбаясь на это, сказала: «Вы только теперь об этом узнали, а мне уже несколько дней тому назад было сказано об этом. Царь же не несчастный, как вы говорите, но самый счастливейший из счастливых человек, ибо он святой мученик, уже сидит на небе с Небесным Царем Христом. Он здесь временно страдает, а там на небе вечно радоваться будет: *«Ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил Он из среды нечестия»* (Прем. 4, 14).

Есть много еще и других Божественных откровений, свидетельствующих о не случайном торжестве нечестивых людей, но по попущению Божию за нераскаянную злобу их, дабы болезнь их обратилась на главу их, и на верх их снизошла неправда пагубных замыслов их.

Во всем этом видится безпредельная сила Создателя и то, что всем видимым Он управляет по Своей воле. Когда нужно Творцу, то во всем подчиняются Ему даже все стихии и без Его воли самая смерть коснуться не может никого. Получая приказ от Творца, не коснулась чудных отроков ни огненная

сила, ни самая смерть (Дан. Гл. 3). Господь Творец и Владыка, и все устрояет по Своей воле.

III

ПОЧЕМУ ЗДЕСЬ НА ЗЕМЛЕ ПРАВЕДНИКИ ИНОГДА БЕДСТВУЮТ, А НЕЧЕСТИВЫЕ БЛАГОДЕНСТВУЮТ?

Невольно напрашивается пытливая мысль: почему же здесь, на земле, приходится на долю праведников больше страданий и скорбей, тогда как нечестивые благоденствуют? Господь сказал: *«Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы»* (Лк. 8. 17). Так и в этом вопросе постараемся разобраться по тем же Божественным откровениям. В Своей последней беседе пред голгофскими страданиями Спаситель говорил Своим ученикам, а в лице их и всем верным Его последователям: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих[...] Сие заповедую вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня знали, будут гнать и вас»* (Ин. 15, 13, 17–20). «Как нет праведника, который бы не имел греха, так и нет грешника, который бы не имел хоть какого-нибудь добра. А как есть воздаяние за все, то бывает, что грешник получает за добрые свои дела соответствующее воздаяние, как бы ни было маловажно его добро (т. е. в наслаждение временным счастьем на земле), и праведник воспринимает за грех свой соразмерное осуждение (т. е. перенесение временных скорбей и напастей) — хотя бы он сделал и не важное зло» (Св. Иоанн Златоуст). Что бывает источником греха, то служит и бичом наказания. Большинство благочестивых терпят зло от людей по причине грехов последних; ибо как больной глаз не может смотреть на солнечный свет, так и порочный человек не выносит правдивого и благочестивого. Невинный Иосиф терпел нападение не от чужих, а от своих братьев, не за свои грехи, которых еще не имел, а по причине их братской зависти. Иов терпел бедствия не за грехи свои; как свидетельствует

Сам Бог, он имел все добродетели, доступные человеку. Страдания праведников в этом мире предуказаны Господом и установлены неизследимую Божественною Премудростью для блага человека, ибо сказано: *«его же любит Господь, наказует, бьет же всякого сына его же приемлет»* (Евр. 12, 6). Нечестивый, хотя бы обладал богатством и благоденствием, находится в числе ненавидимых Богом; благочестивый, хотя бы терпел великие скорби и бедствия, находится в числе любимых Им чад. Так бывает и в житейских делах, что любимые правителями особенно и прежде всех подвергаются опасности. Не здесь ведь воздаяние за труды наши; здесь подвиги, а награды и венцы после. Иногда Бог для немощных духом дает возможность некоторым праведникам пользоваться благополучием еще здесь, не для них самих, а для немощных, которые соблазняются этим. Бывает и так, что иной грешник терпит здесь наказания, а другой наслаждается удовольствиями. Последний получит большее наказание там, а первый меньшее, если здесь не воздаст всего, как сказано в Евангелии: *«восприял еси благая твоя, сей же злая: ныне же сей утешается, ты же страждеши»* (Лк. 16, 25).

Вот основная причина тому, что последователям Христа Жизнодавца приходится терпеть преследование от грешного мира. Главная цель праведников не земное благополучие, а вечное. Здесь все временно, а там за гробом вечно. Что на самом деле значит все земное благополучие нечестивых, как не одна призрачная суета и томление духа? Одно дуновение ветра смерти и все их временное благополучие уничтожится. Останется одна безпредельная вечность, суд и воздаяние. Истинно слово Господа: *«Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною. Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить, или повредить себе?»* (Лк. 9, 22–24). *«Мир возрадуется, вы же всегда печальни будете»* (Ин. 16, 20). *«Праведники живут во веки; награда их — в Господе, и попечение о них — у Вышнего»* (Прем. 5, 15). Что может быть дороже сего? Какое земное счастье в силах сравниться с небесной славой? Конечно, истинные счастливы не те, которые, будучи неправедными, здесь на земле благоденствуют, а те, которые записаны в книге вечного живота на небе, обязанные идти не широким пространным путем, а узким, скорбным, тернистым, по которому прошел Сам Начальник жизни Христос. Он, будучи Творцом

всего видимого и невидимого, нашел необходимым пройти этим узким путем и прославиться чрез крестную мучительную смерть. Не была ли вся Его земная жизнь усеяна сплошными скорбями и лишениями, а люди нечестивые в Его время благоденствовали? Разве Он не мог дать возможность Своей Пречистой Матери быть в покое и славе земной? Но Он предпочел временные скорби земному благоденствию. Все праведники от начала бытия мира шли скорбным путем, к тихому небесному пристанищу, не завидуя нечестивым, благоденствующим здесь на земле. За это они, пришедшие «от великой скорби», «омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них» (Отк. 7, 14–15). Они будут вечно праздновать Пасху Господню в торжествующей Церкви на небеси. Тогда погибнут гонители их от лица Божия, а они возвеселятся. Мученическая смерть праведников от руки нечестивых приведет их от смерти к жизни, и от земли к небеси. Тогда возликуют праведные и восплачут горько нечестивые. Страдальцы мученики будут праздновать смерти умерщвление, иного жития вечного начало, приобщение Царствия Христова, ликуя и веселясь со всеми святыми.

Нечестивые, пользуясь временным земным благоденствием, лишаются вечного благоденствия в загробной жизни, а потому являются самыми несчастными людьми. Здесь на земле, какое бы несчастье не постигло, оно временно, но там за гробом, если постигнет несчастье, то оно вечно и не будет ему конца.

Теперь для нас становится понятным, почему здесь на земле приходится праведникам скорбеть, а грешникам радоваться; а там за гробом будет наоборот: праведники будут радоваться, а грешники скорбеть и плакать. Спихватятся тогда они, да будет поздно.

Не должно скорбеть и о том, если бы кому из праведников пришлось кончить земную жизнь на чужбине. Не он достоин сожаления, а тот, кто умирает во грехах, хотя бы он кончил жизнь на своем мягком ложе, в собственном доме, хотя бы в присутствии своих родных и друзей. Безумные слова, когда говорят, что забыт Богом тот, кто умер без друзей и лишен насильем злодеев христианского погребения. Нет, он не лишен, его погребали невидимо для грешников ангелы в присутствии святых небожителей, прежде их отшедших туда. Несчастен тот нечестивый, которого грешное тело одели в богатую одежду, а душа не имела прикрытия одежды добродетели. Большая часть

праведников, пророков, апостолов, мучеников, за исключением немногих, неизвестно где и погребены: одни были усечены в главу, другие, будучи побиты камнями, таким образом покончили жизнь; иные, предавши себя самих безчисленным и разнообразным наказаниям, пострадали за Христа и правду Его. Но кто дерзнет сказать о них, что смерть их была безцельна? Но скажет вслед за Божественным Писанием: «Честна пред Господом смерть преподобных Его» (Пс. 115, 6). То же Писание называет смерть нечестивых: «смерть грешника люта» (Пс. 33, 22). Бог скрыл тело св. пророка Моисея, но явление его на Фаворе говорит о существовании его бессмертного духа. Хотя нет дорогой могилки праведника, но его бессмертный дух витает среди живущих на земле, а душевный и телесный образы, первый изображенный пером писателя, а второй кистью художника, будут видимы от рода в род, от века в век⁸. Жизнь и дела их будут, как светлые светильники, верными путеводителями последующим поколениям. Не видели мы пророков и апостолов, но дела и писания их говорят нам о их жизни; чрез чтение их книг мы беседуем с ними как с живыми. Многие мученики были сожжены и прах их развеян по воздушному пространству, но описания их жизни и страдания связывают нас неразрывной духовной связью с ними. Не при нас был взят живым славный пророк Илия, но он явился во плоти на Фаворе и поныне дает о себе знать, что он жив и еще с большей ревностью ревнует о славе Бога Вседержителя. Одним словом дела, жизнь и писания праведников являются верными памятниками, которые безильны уничтожить не только люди, но и стихии и даже самое время.

Св. Иоанн Златоуст писал: «Скажи мне: сын Захарии не во главу ли был усечен? А Стефан, первый украсившийся венцом мученичества, не скончался ли, будучи побит камнями? А Павел и Петр, не преставились ли от настоящей жизни, первый будучи усечен, второй противоположным Господу образом приняв крестное мучение? И не за то ли особенно они и прославляются и воспеваются по всей вселенной? Не будем считать жалкими умирающих на чужбине, ни ублажать разлучающихся с жизнью в собственном доме; но, последуя правилу Божественного Писания, поживших в добродетели и так преставившихся будем ублажать, а умирающих во грехах признавать несчастными. Как добродетельный преставляется в лучшую жизнь, получая воздаяние за свои труды, так не имеющий добродетели, умирая,

уже испытывает начатки мучений, и, отдавая отчет в делах своих, подвергается невыносимым страданиям».

И действительно, похвала от людей мира сего не есть доказательство добродетели, а поношение праведных не есть доказательство негодности Богу этих людей. Не сказано ли: «горе вам, егда добре рекут вам вси человецы» (Лк. 6, 26). Добродетельному человеку, идущему тесным и скорбным путем и исполняющему заповеди Христовы, невозможно заслужить от всех людей похвалу и удивление, потому что велика сила зла и вражда к добродетели. Несчастливы те, кто из похвалы людской небрегут о добродетели. Похвала от всех может служить, по слову Златоуста, величайшим доказательством того, что хвалимые немного заботятся о добродетели. Да и как будут все хвалить добродетельного, если он станет исхищать обижаемых от обижающих, терпящих зло от желающих делать зло? Опять, если он захочет исправлять согрешающих и хвалить живущих добродетельно, то не естественно ли, что одни будут его хвалить, а другие порицать.

Поэтому благочестивым людям, зная это, не должно ослабевать в искушениях и роптать в скорбях, напротив, нужно еще радоваться, подобно Апостолу: «ныне радуюся в страданиях моих» (Кол. 1, 24). Нельзя получить обещанных небесных благ и сподобиться Царства небесного, если не пройти настоящую жизнь путем скорбей. Господь не оставит без Своей помощи, сказавши: «но дерзайте. Аз победих мир» (Ин. 16, 34). Он облегчит печаль страдальцев, не попустит погибнуть под бременем искушений, подаст в трудные минуты облегчение и не наведет бедствий сверх силы каждого человека. Он предшествует праведникам, уничтожает препятствия; уравнивает все и делает трудное легким, как сказано: «Аз с вами есмь до скончания века» (Мф. 28, 20). В самом деле, не смеялся ли гордый мир над бедными рыбаками — неучеными, простыми, незнатными, оставившими отечество, но при помощи Господа победившими гордых и надменных вершителей судеб человеческих. Нет ничего слабее человека, живущего порочно. Нечестивые так будут поражены, так скоро погибнут, отойдут в ад так удобно, легко, быстро, немедленно, как погибающие от мора козлища. Они, после такой кончины, подвергнутся смерти вечной; они отойдут не в лоно Авраама и не в другое какое-нибудь место, но в ад, место осуждения, наказания и конечной гибели. И здешняя кончина их будет унижительна и безотраднa, а будущая жизнь

исполнена мучений. Как жили они подобно безсловесным животным, так и погибнут подобно безсловесным животным, не имея благой надежды на будущее; и не только так, но еще к большему бедствию.

Кажется теперь ясна нам причина бедствий праведников, благоденствие нечестивых и дальнейшие последствия как тех, так и других.

IV

РОЖДЕНИЕ, ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОШЕСТВО

Предпосылаю своему труду три вступительные главы, как светильники, светящие светом Божественных глаголов, сквозь которые яснее можно видеть истинную правду, закиданную грязью вероломного коварства и затемненную туманом клеветы, лжи и обмана. Моя задача написать истинную подлинную правду о том благочестивейшем и любвеобильнейшем человеке, которого оклеветали, унизили, опозорили, измучили, истерзали и зверски убили нечестивые люди, залившие всю Русскую землю кровью и слезами. По силе возможности восстановить подлинный душевный портрет Великого страстотерпца труда непростого, мученика своего величайшего долга, праведного человека, которого образ исказили и подменили враги и продажные люди. Мой труд будет о Православном Царе-Мученике, Его Императорском Величестве Государе Императоре Николае Александровиче и Его Августейшем Семействе.

Приснопамятный среди православного христианского мира и незабвенный в летописях Церкви Христовой Император Николай II Александрович был первый сын Царя-Миротворца Александра III и матери Императрицы Марии Феодоровны, дочери Датского короля Христиана IX.

Этот благодетельный и безпримерно добрый Царь запечатлел свой тяжелый 22-летний царский труд страданием и мученической кончиной, заслужив в истории Церкви редкое и славное наименование «Православного Царя-Мученика». Без Него только познали ослепленные и обманутые люди, как Россия наслаждалась истинным благоденствием и пользовалась уважением всех народов при Нем, и как мучится истинным несчастьем и попирается многими народами без Него.

Император Николай II родился 6 мая 1868 года в Петербурге, в Аничковском дворце, когда Отец Его был Наследником Престола; царствовал же тогда в России лебвеобильный дед Его, Царь-Освободитель Александр Николаевич. Новорожденный Великий Князь получил свое имя в честь могущественного прадеда Императора Николая Павловича, остановившего грозную бурю еще тогда начавшегося бурного государственного смятения. О рождении Первенца Наследника Престола жители северной столицы узнали по сигналу трехсот одного пушечного выстрела со стен Петропавловской крепости. Православный народ с радостью принял эту благую весть; но мудрые старцы говорили, что Царственный младенец, родившийся в день памяти праведного многострадального Иова, обречен Провидением на многие страдания и муки. Когда впоследствии, спустя сорок девять лет, Всевышний судил Своему Помазаннику, как праведному Иову, вступить в полосу голгофского страдания, тогда невольно приходится обратить внимание на знаменательное совпадение, указующее во всем волю Всевышнего.

По случаю рождения Августейшего младенца было совершено благодарственное Господу Богу молебствие и христианское милосердие к страждущим и заключенным. Царствующим Царем-Освободителем издан был Высочайший манифест, в котором Государь призывал всех своих верноподданных вознести вместе с Ним к Богу теплые молитвы о благополучном возрастании и преуспевании новорожденного Великого Князя.

Крещение было совершено в присутствии особ Царской Фамилии, главных сановников, иноземных послов и избранных лиц из разных сословий русского народа. По совершении таинства крещения, хор певчих воспел благодарственную песнь «Тебе Бога хвалим», колокольный звон всех церквей и гром пушек с крепостных бастионов вторили пению певцов. Была отслужена Божественная литургия и новокрещенный Царственный младенец был приобщен Святых Христовых Таин.

Светло и радостно праздновали рождение и крещение Державного младенца, которому по неисповедимым судьбам Промысла суждено было закончить свою земную жизнь тем, чем заканчивали великие работники священного своего долга и праведники. Мог ли кто-либо тогда подумать, что этот младенец, Сын Наследника полсветной Державы, уже до своего рождения предопределен Богом на страдание и мученическую смерть за грехи народа. Особенно был рад рождению Сына Отец,

сознавая, что передает потомству и свои благие намерения, которые отныне будут драгоценнее, потому что их теперь можно передать своему родному Наследнику, который является продолжателем Отца. Так новорожденный Царственный младенец Николай внес с собой в дом Родителей радость и утешение, по наружному виду не предвещая будущего, таинственного, рокового.

Возрастал Великий Князь бодрым, но серьезным, впечатлительным и задумчивым. Когда Он достиг школьного возраста, то удивлял своих преподавателей необычайной памятью и отличными способностями. Все ожидали от этого исключительно мальчика будущего Православного Царя с истинно русскими идеями, с благодатной силой, с христианской любовью. Августейшими родителями было обращено тщательное внимание на воспитание и образование своего Первенца; они подбирали воспитателей и учителей с истинно русским закалом, дабы мальчик процветал среди душевной национально-русской атмосферы. Он удивлял своих воспитателей разумными, меткими, практическими суждениями в разных вопросах науки, не любя мечтательных увлечений. Этот юный Царственный отрок от ранних лет проявлял кристально чистую честность, поразительную искренность, твердость своих убеждений и глубокую религиозность. Августейший отец зорко следил за образованием Сына, дабы оно шло в строгом национально-русском православном духе. Его воля выражалась, главным образом [в том, чтобы] воспитать не только ученого, но человека добра и чести, верного сына России, способного горячо принимать к сердцу в судьбах ее все, что относится к ее славе, верного хранителя в душе своей святой веры и преданности Церкви, как драгоценнейшему залогоу блага народного, при убежденном сознании, что государства и церкви сохраняются и поддерживаются только избранными ради. Все необычайные для простого смертного его дарования говорили за то, что Десница Господня изначально отметила его, как Своего избранника и вела особыми, таинственными путями к венцу и служению царскому.

Юный Великий Князь не любил лжи и лести, которые помрачают ум, усыпляют совесть, ослабляют чувство долга; предохранял себя от разных соблазнов и искушений, чем в целости сберег свои Богом данные душевные сокровища и оградил свое чистое сердце от приражений порока. Преподавание закона Божия выполнялось искренним и твердым в своих убеждениях

духовным отцом, вложившим в добрую детскую душу высокие святые чувства миролюбия, милосердия и любви к ближним. Августейший отрок любил читать книги религиозно-нравственного содержания и научные, в то же время отвергая пустые и бесполезные книги, разрушающие чистоту и невинность храма душевного. Опытный духовный отец провидел в этом необычайном Августейшем отроке не рядового человека, но особого избранника Божия.

Так пути Провидения от ранней юности готовили Августейшего отрока на великое царственное служение в безпримерно тяжелое время мировых волнений и смут, производимых по наущению того красного адского зверя, про которого сказано у тайновидца судеб Божиих: *«И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю»* (Отк. 12, 3). Это красное чудовище, уже не раз оскаливавшее зубы, есть политические и коммунистические стремления нашего времени. Во всем, что совершается не только в отдельности в каждом человеке, но и в целом государстве, есть воля Божия, а Господь ведет судьбы народа к лучшему, а не к худшему, если сам народ, конечно, не заслужил полного гнева Его.

Достигнув юношеского возраста, Великий Князь, несмотря на то, что жил в век господства роскоши, удивлял всех простотой жизни, особенно любя скромность во всем и довольство малым, прямо-таки не вынося внешнего блеска, ненужной роскоши и бесполезной пышности. В комнате своей он имел скромную обстановку, ведя по примеру своего отца самый простой образ жизни; в то же время в своих занятиях строго следуя заведенному порядку, любя проводить время уединенно, как юноша первых времен христианства. При его глубокой религиозности в нем преобладала горячая беззаветная любовь к России, как истинно русского юноши, глубокого патриота, преисполненного любовью ко всему родному, отечественному. В этом Царственном юноше сказывалась чисто-русская черта: тяга ко всему русскому, даже к русскому столу, к национальным кушаньям. Чистое сердце юного Великого Князя особенно отличалось любовью к людям, всякое горе человеческое и всякая нужда глубоко отзывались в его сердце, а его чрезвычайно ласковый и ясный взгляд добрых глаз и приятная улыбка невольно привлекали к себе. Он, как древний индийский святой царевич Иоасаф,

находил себе развлечение в уединенном чтении книг, в духовном размышлении, молитве, избегая веселого общества, не гордясь своим высоким положением, не желая славы земной и Царского трона, которого мечтал всячески избежать. Его впечатлительный, глубокий и чистый ум провидел, что крест царский чрезвычайно тяжел и непосилен ему. Не ускользнуло от его наблюдательного ума и то, что еще великому его прадеду Императору Николаю Павловичу пришлось вступить на престол в смутное время, когда в умах так называемых образованных классов царил густой туман, осадок разнообразных иноземных влияний, от самого крайнего материализма до самого крайнего мистицизма. Еще тогда под влиянием этой путаницы в понятиях потрясены были нравственные основы жизни, и в обществе вместе с эгоизмом царила распущенность нравов; тем более все исшаталось за время царствования Царя-Освободителя. Дело доходило тогда до того, что отуманенные головы посягали на самые основы исторического бытия исконно-русского государственного строя. Если тогда могучему богатырю, с грозной железной волей, глубокой верой в вековые устои Земли Русской, безпредельной преданностью святой вере предков, с трудом удалось отвлечь на время все то, что противоречило святым заветам нашей великой страны⁹, то какая же была нужна стальная воля и богатырский дух для заместителя трона в наше, разменявшееся на мелкие монеты, время, когда неверие, составлявшее прежде монополию интеллигентных классов, проникло в массы, которые не знают истории, но всегда готовы на дело разрушения, в особенности когда Божие долготерпение истощится.

Еще тогда фантазеры-мечтатели стремились привить в России бессмысленные новшества в духе и смысле западно-европейских рецептов, высмеивая и унижая испытанные потребности жизни народной, в соответствии с нашими коренными русскими историческими основами. Тогдашняя неудачная война за освобождение христиан против Турции преждевременно свела в могилу могучего богатыря, неусыпного царственного труженика Императора Николая I, а подпольная буря вновь начала развиваться и бить своими волнами в подорванный вероломной войной государственный корабль. Не замедлили главные двигатели этой политической бури обратить меч доселе наших союзников Англии и Франции вместе с нашим врагом Турцией против России, нанеся ей

ряд жестоких ударов, зарывших многих отечественных героев в сырую землю севастопольских стогов. В довершение всего Россия в своем национальном чувстве была унижена унизительным Берлинским миром, который навязан был враждебными нам в ту пору англичанами, во главе коих стоял лорд Биконсфильд; этот мир лишил нас плодов наших побед и поставил Россию в тяжкую зависимость от Лондона, Берлина и Вены. В то же время, пользуясь этим трагическим актом, уронившим авторитет России, усилили и внутренние враги свою двухвековую борьбу, начав более открыто пропаганду чужеземного, западного против родного, русского. Проницательность тогдашнего великого патриота М. И. Каткова¹⁰ провидела это, он еще тогда много раз повторял: *«Колблется власть и появляются призраки хаоса; появляются его призраки, значит, колеблется власть».*

Люди, зараженные чужедумством и оторванные от народной исторической почвы, не ослабляли своего стремления наградить Россию новыми основами жизни, чуждыми национально-исторического характера, с непригодными теориями на практике. Наиболее рьяные фанатики нового течения с демократическими и социалистическими тенденциями и теориями, ниспровергающими исторические устои государственной и общественной жизни, еще в то время замыслили учредить в России республику «Восточно-Европейских Соединенных Штатов»; другие, более умеренные, но не менее чужедумные, хотели наделить Россию конституционализмом и парламентаризмом, являющимися сделкой между монархией и демократией, и заменить чистую монархию полу-монархией, полу-республикой. Царь-Освободитель производил обширные либеральные реформы, но утописты были и этим недовольны, проникая в школы, захватывая печать, беспрепятственно распространяясь всюду, даже и в простом народе, выставляя Августейшего Освободителя и благодетеля народа мрачным реакционером, деспотом, помехой прогрессу России. Эти разрушительные тенденции проводились отчасти и чрез правящий класс, чрез сложившуюся по западным образцам бюрократию, постепенно отравляя своим ядом все словесия народа.

Самоуправления: земское, городское, университетское и другие, — добивались неограниченного для себя простора, вырождаясь во враждебное самоуправство [применительно] к национально-русскому положению. В конце концов на практике

оказалось, что вместо здорового государственного механизма появились многие пагубные разъединенные механизмы без объединяющей силы, принося народу вместо благоденствия и мирного жития многобедствие и тревожное житие. Государство беднело, бюджеты давали дефицит, долги увеличивались, европейские биржи сковывали все крепче и крепче своими железными ковами в союзе с космополитическими мнимыми друзьями бедного народа. Все стремилось в раздел: окраины угрожали единству русского государственного целого. Молодежь, вместо упорного труда в науках, занималась таковыми поверхностно, тратя дорогое время на демонстрации, забастовки и волнения.

Окружавшие Императора-Преобразователя сановники, с Лорис-Меликовым¹¹ во главе, склонили его подписать акт о вступлении на западноевропейский конституционный путь, уверяя, что в нем будто единственный спасительный выход для якобы уже совсем погибающей России. Утром 1 марта 1881 года этот акт был подписан. Затем Император поехал в манеж, предполагая скоро вернуться во дворец и вручить подписанный акт сановникам во главе с Лорис-Меликовым. Но судьбы Божии неисповедимы: человек предполагает, а Бог располагает. На обратном пути из манежа во дворец Государь падает в своей столице, среди своего преданного народа от руки гнусного убийцы-социалиста; этот великий благодетель своих подданных, освободивший от крепостной зависимости, с наделением земель, 20 миллионов крестьян — Император-Освободитель Александр II Николаевич. Русская земля обагрилась царственной кровью не от руки озлобленного помещика, а от руки космополитического наемника, т. е. от руки тех, которым была нужна не свободная великая Россия, а свои личные интересы за счет русского народа.

Кажется этот Венценосец и рожден был только для добра и мира всего мира, с безпримерным самопожертвованием посвятивший всего себя благу человечества; но искатели народных потрясений, вопреки благу народному, делают свое кровавое дело по своему заранее обдуманному тайному плану.

По поводу смерти Царя-Освободителя и смерти Царя-Миротворца писал известный французский писатель Франсуа Коппе на страницах своего журнала: «История скажет, что, имея самодержавную власть, Александр III отдал ее на служение праву; что он, будучи самым сильным, стремился быть самым справедливым и Его имя будет занесено в число великих исторических

имен, прославившихся мудростью и добрыми делами. Как прекрасна власть, когда она понимает и исполняет свое назначение! Сколько величия в этом Царе, которому повиновался и вместе с тем которого обожал многомиллионный народ; в этом Царе, бросившем грозный взгляд на Европу! Возмущенный безнравственным и недостойным союзом трех против одного, Он громовым своим голосом сказал: «Довольно!», — и бросив свой меч на чашу весов, наиболее легкую, установил равновесие и обезпечил мир мира.

Излагая подобные мысли, я отнюдь не забываю той опасности, какой может угрожать неограниченная власть интересам наций при неправильном пользовании; но, с другой стороны, я не могу замалчивать о том жестоком заблуждении, в котором мы уже давно пребываем, благодаря правительству, созданному самим же народом.

Я с грустью наблюдаю бесплодную болтовню, напрасную суету наших собраний, в которых участвуют самые посредственные, недостойные люди, попавшие в число депутатов по глупому капризу избирательного большинства. С меньшим сокрушением смотрю я и на представителей нашей власти, представителей почти безответственных, в большинстве случаев не умеющих желать и не знающих, чего собственно следует им добиваться.

Сколько смут, раздоров, беспорядков! Какой во всем недосмотр! Какое безсилие власти!

Среди наших опасений и неуверенности, как не удивляться великой непреклонной и притом безусловно свободной воле, воле определенной, твердой, не знающей никаких преград, воле, какую явил собою Император Александр III, создавший франко-русское соглашение, поставившее народы тройственного союза как бы в крепкие железные тиски. Совершив это великое деяние, он сразу приобрел всеобщую благодарность. Мощной рукой поддерживал он мир, правда мир вооруженный, но в наше еще слишком варварское время другой и невозможен; вместе с тем он не потерпел вопиющей несправедливости и позволил Франции вновь занять подобающее ей место среди великих народов. *Об этом покланемся никогда не забывать».*

Последствия показали, что прав был Император Александр III, когда увидел неправильный доселе путь и безповорот-но наметил совсем иной путь, путь твердый, путь национально-русский и этим укротил разбушевавшуюся грозную бурю.

Как интересную историческую справку о этих печальных днях, когда Мученик-Царь еще лежал на столе, привожу [отрывок] из записок К. П. Победоносцева¹², близко стоявшего к Государю: «2 марта было назначено быть у Государя совету министров для окончательного решения, а между тем Лорис-Меликов уже заготовил торжественную публикацию об этом, которая должна была появиться в «Правительственном вестнике» 5 числа. И вдруг катастрофа... Журналы со 2 марта начали по поводу цареубийства требовать конституции. Лорис-Меликов послал просить их, чтобы помолчали только 15 дней. И вот нас собрали в совет министров к Государю, в воскресенье, в 2 часа пополудни. Пригласили меня, старика (С. Г.) Строганова¹³, Великих Князей. Государь, объявив в чем дело, прибавил, что оно не решено еще покойным, что оно сомнительно и что просит всех говорить, не стесняясь. Лорис-Меликов стал читать протокол и проект объявления, заготовленный уже от имени нового Государя, который считает якобы священным долгом исполнить завет отца своего. И представьте, что они имели безстыдство в этом объявлении *теперь* оставить все те же мотивы, которые были помещены в прежнем: что всюду водворено-де спокойствие, вся *крамола подавлена*, ссыльные возвращены и проч. Нет времени описать подробно. Первый против высказался Строганов кратко, но энергично. Затем Валуев¹⁴, Абаза¹⁵, Милютин¹⁶ сказали напыщенные отвратительные речи о том, что вся Россия ждет этого благодеяния. Милютин при этом обмолвился о народе, как о *неразумной массе*. Говорили дальше Набоков¹⁷, Сабуров¹⁸ и проч. Только Посьет¹⁹ и Маков²⁰ высказались против. Но, когда обратились ко мне, я не мог уже сдерживать волнения и негодования. Объяснив всю фальшь учреждения нового строя, я сказал, что стыд и позор покрывают лицо, когда подумашь, в какие минуты мы об этом рассуждаем, когда лежит еще непогребенным тело нашего Государя. А кто виноват в том? Кровь Его на нас и на чадах наших. Мы все повинны в Его смерти. Что мы делали все это время и в Его царствование? Мы говорили, говорили, слушали себя и друг друга, и всякое из Его учреждений превратилось у нас под руками в ложь, и дарованная Им свобода стала ложью. А в последние годы, в годы взрывов и мин, что мы делали, чтобы охранить Его? Мы говорили — и только. Все чувство у нас должно было сосредоточиться в страхе, как бы не убили Его, а мы напустили себе в душу столько подлых, низких страхов и стали трепетать

общественного мнения, т. е. мнения презрительных журналистов, и того, что скажет Европа? А ее-то знали лишь по журналам.

Вы можете себе представить, каким громом упали слова мои. Соседи мои, Абаза и Лорис-Меликов, едва сдерживали свою ярость на меня.

Государь, который на словах моих: «*Кровь Его на нас*», прервал меня восклицанием: «*Это — правда*», — поддержал меня, сказавши, что подлинно все виноваты и что из этих всех он не исключает и Себя.

Государь решил, что дело это слишком сложное, чтобы решить его теперь: надобно еще рассмотреть подробно в особой комиссии, а потом в комитете министров, но только с тем, чтобы учреждение не имело политического характера.

В то же утро, после заседания, Государь принимал (Н. М.) Баранова²¹ и назначил его петербургским градоначальником... Он теперь кипит день и ночь в работе. Лорис-Меликов в ярости.

На 15 марта, когда было назначено погребение Императора Александра II, готовилось покушение на нового Государя и на прибывшего на похороны наследного Принца Прусского: в одном месте, на Невском проспекте, должны были собраться люди, переодетые извозчиками, чтобы открыть перекрестные выстрелы. Но Н. М. Баранов из 48 заговорщиков успел захватить 19 и покушение не состоялось. После нового совещания 21 марта нас позвали в Гатчину, где сторонники конституции продолжали свои прежние речи и распространили по Петербургу слухи, будто Государь склонился на их сторону.

Неожиданно для мятущихся раздалось царское решающее слово в манифесте 29 апреля 1881 года. «Глас Божий, — говорит в этом историческом акте Император Александр III, — повелевает нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный Промысл, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений...

Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных наших подданных, всех любящих отечество и преданных из рода в род наследственной Царской власти. Под сению ее и в неразрывном с нею союзе земля наша переживала не раз великие смуты и приходила в силу и славу, посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ее. Посвящая себя великому нашему служению, мы призываем всех

верных подданных наших служить нам и государству верой и правдой к искоренению крамолы, позорящей Русскую Землю, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению правды в действии учреждений, дарованных России благодетелем ее, возлюбленным нашим Родителем».

Так легко нашел ключ Император к решению того, казалось, трудного вопроса о спасении России от разъедавшей ее смуты, для возрождения ее величия и мощи, для удовлетворения чаяний и желаний большинства народа. Тьма смуты быстро начала рассеиваться. Крамола, казавшаяся неодолимой, таяла как воск пред лицом огня, исчезала как дым от сильного ветра. Взбалмученные умы приходили в здравомыслие; распушенность и своеволие заменяли порядок и дисциплина. Вольномыслие уже потеряло силу открыто и безцеремонно попирать Православие и клеветать на нашу родную Церковь, как клерикализм. Авторитет бесспорной и наследственной национальной верховной власти стал опять на свою историческую традиционную высоту.

Бывшее накануне разложение, готовое погубить все государство, исчезло и вновь государственное тело стало здоровым и закипела в нем здоровая жизнь.

Здесь помогла не современная утонченная хитрость Бисмарка и Gladstone, но вера в Бога и сознание верного и прочного родного девиза: «*Россия для русских и по-русски*».

Все это, а особенно гнусное царубийство и новое покушение, сильно отражалось на душе юного Великого Князя, Николая Александровича, вступившего в положение Наследника престола. Его доброе сердце не могло хладнокровно переживать такое неблагоприятное отношение человечества к милостивому и сердобольному своему вождю. Он думал: где же тут правда и благородство людей, если убивают такого человека, который, проводя бессонные ночи, работал на благо народа, идя на такие безпримерные подвиги, как освобождение 20 миллионов крестьян от рабства, которым и дал свободу одним росчерком пера. Эта мученическая смерть Царственного деда так запечатлелась в сердце юного Цесаревича, что он тайно в душе решил уклониться от Царского трона, имея в виду передать его следующему своему брату Георгию Александровичу. Цесаревич с этого момента еще более серьезно начал размышлять о том, как бы ему избежать ответственного тяжелого будущего

царственного бремени, убеждаясь в непостоянстве всего на этой грешной, как свирепое волнующееся море, земле; лучше быть простым смертным человеком. Он усилил свое стремление искать удовлетворение в духовных размышлениях, в молитве, в учении и труде. Хотя Цесаревич был в это тяжелое время юным, но его глубокий ум все видел и понимал, что творилось и делалось кругом.

Под влиянием прошедших грозных событий Цесаревич бывал по временам грустным, задумчивым; душа его искала утешения в чтении духовных книг, в которых он отыскивал то, что ему не говорили. Близкие родные, видя такую скромность Царственного юноши, нередко говорили между собой: «У Николая душа чистая, как хрусталь, и горячо всех любящая».

С младшим братом²² Цесаревич жил очень дружно, а также и с сестрами²³; между ними была редкая крепкая дружеская связь и самая искренняя родственная любовь. Вся Августейшая Семья отличалась скромностью, искренней простотой и глубокой религиозной настроенностью. Они делились между собою своими впечатлениями и полученными научными сведениями. Августейшая мать сама руководила делом воспитания своих детей, желая видеть в них прежде всего верных сынов Православной Церкви, пропитанных духом любви и милосердия.

Так шли годы воспитания Цесаревича в кругу глубоко верующей среды под теплым крылышком безпредельно любящей матери.

Но вот новый грозный удар разразился над Царской Семей. По вероломным козням тайных врагов 17 октября 1888 года было устроено крушение поезда на курско-харьковско-азовской железной дороге, в котором ехал Государь со всем Семейством²⁴. Только Провидением Божиим чудесно спасена была жизнь Императора и всей Царской Семей, а вместе с сим и покой отечества. Крушение было ужасное. Весь поезд представлял не поддающуюся описанию картину. Вагоны с адским шумом и треском лезли один на другой, падали с высокой насыпи под откос. Вагон же с Царской Семей приподняло вверх, сплющило, крыша разрушилась и навалилась. По человеческому соображению казалось все конченным. Но вот здесь-то и проявилось явное Божие попечение о Царе, которого Десница Господня исхитила от смерти. Всевышний как бы напомнил народу Свое пророчесственное слово: «*Не прикасайтесь к Помазанному Моим*», — и засвидетельствовал, что в Его власти цари

и царства всего мира. Те железные громады, которые должны были быть орудием смерти, по повелению Божию, сделались спасительными преградами от смерти. При виде всего этого ужаса разрушения и смерти Государь с благоговением перекрестился и сказал: «Бог Один спас нас и проявил над нами чудо». В императорском вагоне сохранился в полной неприкосновенности образ Спаса Нерукотворенного.

Так, неисповедимыми путями Промысла Божия совершилось чудо. Там, где не оставалось надежды на спасение человеческое, Господу Богу угодно было дивным образом сохранить жизнь Царя, который в своем манифесте сам засвидетельствовал об этом: «В трепетном благоговении пред дивными судьбами Всевышнего мы веруем, что явленная нам и народу нашему милость Божия отвечает горячим молитвам, которые ежедневно возносят о нас тысячи верных сынов России всюду, где стоит Святая Церковь и славится имя Христово». Истинно слово Божие: «*Бог, Царь наш, прежде века содела спасение посреде земли*» (Пс. 73, 12). Когда нужно Всевышнему, то Он проявляет Свою непосредственную силу для охраны царей. Мы знаем, как явившийся из загробного мира преподобный Трифон Кольский предупредил Царя Феодора Иоанновича от грозившей ему смерти. При осаде Нарвы, в сонном видении, Царь услышал голос небесного старца: «Встань, Государь, и выйди из шатра, иначе будешь убит. Я тот Трифон, которому ты подал свою одежду, чтобы твоя милостыня предварила другие. Господь Бог мой теперь и послал меня к тебе». Царь после сего пробудился от сна и немедленно вышел из шатра, а снаряд ударил в шатер и разорвал на части и шатер и царскую кровать. Также преподобный Савва Сторожевский спас от неминуемой смерти Царя Алексея Михайловича, отведя от него кровожадного медведя. А сколько раз был спасаем от неминуемой смерти Император Александр II: в Париже и в Петербурге, у Летнего сада, от выпущенных в него выстрелов; от взрывов, под Москвой — поезда и в Зимнем дворце — зала, пока Господня воля не предназначила ему смерть мученика, возложив на главу его, несравненно высший царского венца, нетленный венец мученика. Это событие еще сильнее укрепило и без того глубокую веру в Царской Семей, а в особенности веру в Промысл Божий юного Цесаревича.

Так Господь Бог постепенно готовил Своего особого избранника на грядущие великие труды, скорби, страдания, муки

и мученическую смерть, закаляя его веру, как несокрушимую сталь.

В 1890 году было закончено научное образование Наследника Цесаревича. Поручается ему Августейшим отцом дело постройки Великого железнодорожного пути чрез Сибирь к берегам Великого океана. Его Высочество направил свой путь на Дальний Восток морем, посетив Италию, Грецию, Египет, Индию, Японию и Китай. В этом далеком путешествии вновь воочию совершилось чудо, спасшее Цесаревича от холодных чешуестей смерти в Японии в городе Отсу 29 апреля 1891 года²⁵. Шаг за шагом Бог давал Цесаревичу возможность убеждаться, что жизнь и смерть каждого человека, а тем более избранника Его, находится «в руке Божию».

19 мая 1891 года Наследник Цесаревич Николай Александрович своей рукой положил первое основание во Владивостоке Уссурийского участка Великого сибирского рельсового пути, который служил и впредь сослужит большую службу делу мира и просветительной задаче России на Дальнем Востоке. Уже тогда юный Цесаревич высказывал свои мнения [о том], что необходимо на Дальнем Востоке главным образом позаботиться о подъеме Православной Церкви, которая является глубочайшей и главнейшей основой мощи и мирной жизни России²⁶.

V

СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ, КОНЧИНА ОТЦА И ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ

Выполнив поручение Августейшего отца, Цесаревич вернулся из своего трудного путешествия на Дальний Восток сухопутным путем, проехал тысячи верст по необъятной Сибири на лошадях. Радостна была встреча после долгой разлуки Сына с Родителями, с непоколебимой верой молившими Всевышнего о его благополучном путешествии и о ниспослании успеха в порученном ему деле.

Отдохнув после такого трудного путешествия, Наследник продолжал самообразование и вместе с сим выполнял разные поручения Отца, готовясь к царствованию, ибо брат его Великий Князь Георгий Александрович заболел легочной болезнью, предвещавшей роковой конец²⁷, а потому у

Цесаревича терялась надежда передать свое право престолонаследия своему брату, о чем он так мечтал. Он начал интересоваться историей прошедшей и текущей жизни России, а любовь его к родной старине и отечественной истории оживляла истинно-русский дух самосознания. Заграничная поездка отчасти развлекала доселе замкнутого в своем уединении Первенца Царева, повлияв в сторону житейских попечений, но воспитание в строго религиозных рамках помогло ему в борьбе с соблазнами мира сего. Мирская среда друзей со всем своим усилием завлекала его в свою веселую жизнь, но он, хотя в это время и не чуждался мирских увлечений, присущих молодости, умел себя держать на должной высоте, учитывая свое положение. Молодые годы берут свою дань и весьма редкие избегают этого по присущей каждому человеку слабости природы.

Цесаревич при всех своих разнообразных делах и занятиях, не ослаблял любви к русским древностям и к русской церковной старине. Доступ к Наследнику друзей и людей разных сословий был возможен и не затруднен, оставляя всегда доброе воспоминание от искренности и простоты Августейшего собеседника. Подготавливая к предстоящему тяжелому служению, мудрый Отец поручал своему Сыну постепенно дела государственной важности, круг которых время от времени расширялся. Помимо общеобразовательных и государственных наук, Цесаревич прошел строевую школу военного образования в рядах войск.

Не долго пришлось отдыхать Цесаревичу после трудного путешествия на Дальний Восток, ибо тяжелые народные бедствия 1891 и 1892 годов, когда 23 губернии изнемогали от голода, вызвали его на служение страждущему. На него была возложена Государем обязанность председателя комитета по оказанию помощи народу. Здесь сердобольный Цесаревич во всей полноте увидел то великое горе и страдание народа от беспощадного бича человечества — голода. При виде всего этого, он и сам много пережил. Также он состоял председателем в комитете по постройке Великого сибирского железнодорожного пути.

Такими многосложными и разнообразными делами и делами милосердия подготавливая себя Первенец предстоящим ему трудом в будущем. Но ни он, ни кто-либо другой и не помышлял о том, что близится время, когда на неокрепшие еще плечи падет то тяжелое бремя, под тяжестью которого изнемогали такие великие богатыри духа, как его могучий отец, который от природы

обладал не только крепким духом и стальной силой воли, но и могучим телосложением и необыкновенною физическою силою. Но в Небесном Предвечном Совете, видимо, было это решено безповоротно. Император Александр III, этот могучий богатырь, спокойный и миролюбивый по своему характеру, ведя правильный образ семейной жизни, всех обнадеживал в долгоденствии. Посторонний глаз не видел да и не понимал, сколько пришлось ему, умножившему могущество, богатство и благосостояние отчизны, испытать чрезмерных трудов, душевных невзгод, главными следствиями которых явились подрыв здоровья и преждевременная смерть. Хотя помимо сего были некоторые данные, набрасывающие тень на вероломное тайное злоупотребление со стороны врагов, но все это ушло в могилу и только в день Страшного Суда станет явным для всех²⁸.

Вообще жизнь царей с юных лет представляет собой тяжкий и тернистый путь, тяжесть которого не многие знают. А сколько пришлось Государю пережить тревог и волнений вследствие развития волнений в государстве, многократных покушений на жизнь Отца и, наконец, переживание всего ужаса страшного кровавого события 1 марта 1881 года. Вообще все эти душевные волнения, сердечные страдания и чрезмерные труды подточили здоровье Августейшего неусыпного работника, и неумолимая смерть приближалась все ближе и ближе. Даже сам Государь чувствовал приближение смерти, но, всецело полагаясь на Промысл Божий, не подавал вида о своем душевном предчувствии.

Государь сильно беспокоился и заботился о достойной невесте своему преемнику, которая уже была избрана самым сыном по сердечному влечению уже много лет, но находились коварные люди, стремившиеся всеми вероломными путями расторгнуть этот брак. Мудрый Отец после долгого и всестороннего узнавания воли и характера невесты, принимая во внимание, что прежде всего должна она быть истинно преданной любящей спутницей жизни, облегчающей тяжесть великого служения Супруга и достойной матерью Семьи, дал свое отеческое благословение Сыну на вступление в законный брак с той, которую он полюбил истинной чистой любовью. Это была родная внучка покойной Государыни Марии Александровны²⁹, супруги Царя-Освободителя Александра II, принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская; внучка той любвеобильной и сострадательной Государыни, в жилах которой по женской линии текла кровь от предков Царственного Рода Рюриковичей, искренне любившей

Россию; той русской Царицы, которая, опасно заболев за границей, просила немедленно возить ее в Россию, сказав, что она после Бога больше всего любит Россию.

Она родилась в г. Дармштадте в Германии 25 мая 1872 года, будучи младшей дочерью великого герцога³⁰ и герцогини³¹ Гессенских. Старшая сестра ее Виктория³² была за прицем Людвигом Баттенбергским³³, вторая сестра Елисавета³⁴ за Великим Князем Сергием Александровичем³⁵, а третья сестра Ирена³⁶ за принцем Генрихом Прусским³⁷, родным братом германского Императора Вильгельма II³⁸, стоявшим во главе германского флота. Мать ее была принцесса Алиса Английская, вторая дочь королевы Виктории³⁹ и сестра Английского короля Эдуарда VII⁴⁰. Она имела в живых одного брата великого герцога Гессенского. Родители принцессы Алисы, хотя имели большие родственные связи, но не обладали богатством, были сравнительно их положению бедными людьми, ведя образ жизни простой и трудовой. Дочери их с малых лет работали по домашнему хозяйству и сами шили все нужное для себя. Семья эта по своей простоте и трудолюбию не отличалась от трудолюбивой семьи среднего класса. Вообще финансовое положение было скудно и дети не знали даже той роскоши и удовольствий, какими пользуются обычные богатые люди.

Шестилетним ребенком принцесса Алиса лишилась горячо любящей и доброй матери, потеря которой нанесла большую скорбь этому всеми любимому ребенку с очаровательными чудными глазками, с глубокой при улыбке ямочкой на одной щеке. Горька была для нее потеря и она своими детскими слезами оплакивала свою милую маму. Только Одному Богу ведомо, сколько пришлось пережить детского горя этой сиротке. При воспитании без любящей матери она более и более углублялась в себя и старалась быть ото всех подальше, что стало одной из черт ее характера.

Когда в 1884 году в Дармштадт за своей невестой Елисаветой отправился Великий Князь Сергей Александрович, с ним приехал, будучи 16-летним юношей, Цесаревич Николай Александрович; бедной сиротке Алисе было тогда 12 лет. Состоялось первое знакомство и они впервые ощутили искру чистой святой любви. Эта сиротка-девочка не верила, что за ней искренно ухаживает Наследник могущественного государства, но сердце трепетало и чувствовало теплоту взаимной любви без слов. На самом деле Цесаревич так полюбил эту скромную

обладал не только крепким духом и стальной силой воли, но и могучим телосложением и необыкновенною физическою силою. Но в Небесном Предвечном Совете, видимо, было это решено безповоротно. Император Александр III, этот могучий богатырь, спокойный и миролюбивый по своему характеру, ведя правильный образ семейной жизни, всех обнадеживал в долгоденствии. Посторонний глаз не видел да и не понимал, сколько пришлось ему, умножившему могущество, богатство и благосостояние отчизны, испытать чрезмерных трудов, душевных невзгод, главными следствиями которых явились подрыв здоровья и преждевременная смерть. Хотя помимо сего были некоторые данные, набрасывающие тень на вероломное тайное злоупотребление со стороны врагов, но все это ушло в могилу и только в день Страшного Суда станет явным для всех²⁸.

Вообще жизнь царей с юных лет представляет собой тяжкий и тернистый путь, тяжесть которого не многие знают. А сколько пришлось Государю пережить тревог и волнений вследствие развития волнений в государстве, многократных покушений на жизнь Отца и, наконец, переживание всего ужаса страшного кровавого события 1 марта 1881 года. Вообще все эти душевные волнения, сердечные страдания и чрезмерные труды подточили здоровье Августейшего неусыпного работника, и неумолимая смерть приближалась все ближе и ближе. Даже сам Государь чувствовал приближение смерти, но, всецело полагаясь на Промысл Божий, не подавал вида о своем душевном предчувствии.

Государь сильно беспокоился и заботился о достойной невесте своему преемнику, которая уже была избрана самим сыном по сердечному влечению уже много лет, но находились коварные люди, стремившиеся всеми вероломными путями расстроить этот брак. Мудрый Отец после долгого и всестороннего узнавания воли и характера невесты, принимая во внимание, что прежде всего должна она быть истинно преданной любящей спутницей жизни, облегчающей тяжесть великого служения Супруга и достойной матерью Семьи, дал свое отеческое благословение Сыну на вступление в законный брак с той, которую он полюбил истинной чистой любовью. Это была родная внучка покойной Государыни Марии Александровны²⁹, супруги Царя-Освободителя Александра II, принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская; внучка той любвеобильной и сострадательной Государыни, в жилах которой по женской линии текла кровь от предков Царственного Рода Рюриковичей, искренне любившей

Россию; той русской Царицы, которая, опасно заболев за границей, просила немедленно возить ее в Россию, сказав, что она после Бога больше всего любит Россию.

Она родилась в г. Дармштадте в Германии 25 мая 1872 года, будучи младшей дочерью великого герцога³⁰ и герцогини³¹ Гессенских. Старшая сестра ее Виктория³² была за прицем Людвигом Баттенбергским³³, вторая сестра Елисавета³⁴ за Великим Князем Сергием Александровичем³⁵, а третья сестра Ирена³⁶ за принцем Генрихом Прусским³⁷, родным братом германского Императора Вильгельма II³⁸, стоявшим во главе германского флота. Мать ее была принцесса Алиса Английская, вторая дочь королевы Виктории³⁹ и сестра Английского короля Эдуарда VII⁴⁰. Она имела в живых одного брата великого герцога Гессенского. Родители принцессы Алисы, хотя имели большие родственные связи, но не обладали богатством, были сравнительно их положению бедными людьми, ведя образ жизни простой и трудовой. Дочери их с малых лет работали по домашнему хозяйству и сами шили все нужное для себя. Семья эта по своей простоте и трудолюбию не отличалась от трудолюбивой семьи среднего класса. Вообще финансовое положение было скудно и дети не знали даже той роскоши и удовольствий, какими пользуются обычные богатые люди.

Шестилетним ребенком принцесса Алиса лишилась горячо любящей и доброй матери, потеря которой нанесла большую скорбь этому всеми любимому ребенку с очаровательными чудными глазками, с глубокой при улыбке ямочкой на одной щеке. Горька была для нее потеря и она своими детскими слезами оплакивала свою милую маму. Только Одному Богу ведомо, сколько пришлось пережить детского горя этой сиротке. При воспитании без любящей матери она более и более углублялась в себя и старалась быть ото всех подалше, что стало одной из черт ее характера.

Когда в 1884 году в Дармштадт за своей невестой Елисаветой отправился Великий Князь Сергей Александрович, с ним приехал, будучи 16-летним юношей, Цесаревич Николай Александрович; бедной сиротке Алисе было тогда 12 лет. Состоялось первое знакомство и они впервые ощутили искру чистой святой любви. Эта сиротка-девочка не верила, что за ней искренно ухаживает Наследник могущественного государства, но сердце трепетало и чувствовало теплоту взаимной любви без слов. На самом деле Цесаревич так полюбил эту скромную

июную как цветочек принцессу, что образ ее всегда был в его сердце и эта чистая любовь сохранилась во все дни семейной их жизни.

При первом знакомстве они в своей любви не объяснялись, а без слов понимали и горячо любили друг друга, друг о друге страдали. Только уже будучи в жениховском возрасте Цесаревич был вторично в Дармштадте, где они объяснились в своей давнишней чистой любви и дали слово быть верными друг другу до гроба. Вообще царский брак по любви есть исключительный случай, а завистники бедной принцессы и здесь хотели помешать будущему семейному счастью, но мудрый Император благословил любимому своему Первенцу сочетаться браком с девицей по сердцу своему, к которой не временным увлечением, а святой законной любовью привязался еще с 16-летнего возраста. Отец своим чутким сердцем искренно полюбил свою будущую дочь, которая с 12 лет отдала свое сердце будущему другу жизни и никому больше его не отдавала. Это была ее первая и последняя любовь.

Можно сказать это было редкое исключение среди царских браков, которые больше преследуют внешние государственные цели, чем семейные узы любви. Принцесса Алиса с 12 лет, с первого знакомства, все время мечтала и думала о Цесаревиче только как о своем любимом человеке, а не как Наследнике Престола, ибо любовь ее была искренней чистой любовью женщины, а не по расчету. Человек, имеющий любимого друга, не ищет других обществ и знакомств; так поступала и принцесса, ведя себя скромно, а для посторонних глаз казалась застенчивой, спесивой и гордой. Она умела искренно любить своего друга в юности и быть верной своему слову до гроба. Одиночество детства без матери, жгучая искра чистой любви к обожаемому человеку научила эту редкую по красоте юную принцессу углубляться в свои мысли, много читать, изучать разные науки, заниматься рукоделием, размышлять и избегать всякого внешнего веселья, которое без любимого человека не бывает истинным весельем. Вообще невидимым руководством Промысла Божия из этой девочки-сироты выработался стойкий женский характер с качествами будущей истинной матери, свойственными любящей супруге. Хотя она далека была от пышных придворных этикетов, но, когда нужно было, умела себя держать с властным и гордым достоинством.

Не зная подлинного ее душевного настроения и завидуя ее будущему высокому положению, некоторые коварные люди

всячески старались унизить ее достоинство в глазах Наследника, презирая ее за бедное состояние, называя ее характер заносчивым, гордым, непослушным и нетактичным, но Цесаревич не верил всем этим вероломным сплетням, любви к ней не охлаждал, а, наоборот, она становилась для него дороже и милее. Также, в свою очередь, и принцессу расстраивали эти вероломные языки, заставляя грядущими скорбями в беспокойной Империи. Но ее горячая любовь не боялась страха, она за счастье считала даже страдать и умереть с любимым человеком. Даже бабушка королева Виктория отговаривала свою любимую внучку от этого брака, говоря, что в России Царский престол доставляет обладателям его безпримерные скорби и преждевременную насильственную смерть от вероломного крамольного народа. Но, верная своему слову, принцесса не послушалась совета бабушки, а безвозвратно решила никому своего сердца не отдавать, кроме того любимого человека, который его пленил с 12-летнего возраста. И на самом деле, как же можно было вырвать из сердца огонь любви, который целых 9 лет в нем разгорался, терпеливо ожидая светлого и радостного праздника любви. Наконец наступил и давно желанный час, когда она услышала благую весть из уст самого приехавшего любимого человека, что на брак их дано согласие отца и бабушки королевы Виктории. Радость влюбленных была в эти минуты безгранична.

Принцесса Алиса, хотя и была с малых лет преданной своей лютеранской вере, но любовь ее к человеку Православной веры первое время заставляла вообще знакомиться с догматами Православия, а со временем она постепенно начала убежденно сознать неправоту своей веры и неприкосновенную чистоту Православной греко-российской веры. По поводу вопросов веры она вела большую переписку с своим женихом и только после твердого убеждения она решила принять Православие, которому была верна до гроба.

В английской прессе эту будущую русскую Царицу считали второй самой красивой царицей в Европе после английской королевы. Подлинно она была редкой красоты девицей: высокого роста с величественным видом; волосы густые, красивые, светло-русые, каштанового оттенка; глаза весьма красивые темно-серо-голубые, редко улыбающиеся из под выдающихся длинных густых ресниц, в которых отражалась привлекательная очаровательная задумчивость и временами печальная грусть. Правда,

она была скромная, но вместе с сим властная и малодоступная для людей праздных и бездельных. Она сама не любила пустой праздности и не выносила праздных людей. Как только стало известно о предстоящей помолвке, как в России, так и в Европе начали много писать о ее красоте, умственных способностях, твердости характера, о ее ученой степени доктора философии, вознося ей хвалу, как достойной невесте Наследника русского престола. В апреле состоялась помолвка. Когда Император Александр III серьезно заболел, то приказал вызвать невесту Сына в Россию, желая отпраздновать свадьбу своего Первенца при себе. В Варшаве она была встречена своей сестрой Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной. Это был уже второй приезд ее в Россию; первый раз она приезжала в Петербург в гости к своей сестре.

Между тем болезнь Государя осложнялась. По совету врачей он из Спалы выехал в Ливадию, одновременно повторяя вызов из-за границы высоконазванной невесты, желая лично видеть свою избранницу и благословить ее своим отеческим благословением.

9 октября 1894 года прибыл в Ливадию к больному Государю великий современный праведник и молитвенник о. Иоанн Кронштадтский, встреченный Наследником Цесаревичем. Батюшка о. Иоанн писал в дневнике по поводу посещения больного Государя: «Идучи к Высокому Больному, я думал: как бы мне лучше, сердечнее приветствовать Царя, тяжело больного? А незадолго пред тем я читал послание святого апостола Павла к ученику его Тимофею, и в нем особенно мне показались пригодными в моем положении для первого привета Царю слова, выражающие величие Господа, Царя царей, от Которого все цари получают свою державу и власть над народами (1 Тим. 6, 15–16). Я и запомнил эти слова. Вхожу в кабинет Его Величества. Государь встретил меня стоя, в шинели, хотя отек в ногах не позволял ему стоять. И я так приветствовал его: «Государь! Да благословит тебя Всеблагословенный Бог, блаженный и Единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, Единый, имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может, Которому честь и держава вечная. Аминь».

В этот же день больной Государь приобщился Св. Христовых Таин. Об этих минутах жизни писал духовник Государя о. протопресвитер Яньшев⁴¹: «О возможности близкой кончины

Государь Император помышлял еще 9 октября и весьма определенно говорил об этом, когда принимал меня в этот день после обедни. Когда я позволил себе при этом просить Его Величество совершенно успокоиться от государственных дел и забот и, предав себя всецело в волю Божию, приобщиться Св. Таин, он с радостью и неоднократно повторной благодарностью принял это предложение и сожалел только, что не мог так подготовиться к этому великому таинству, как он вместе с Августейшей Семей своей делал это, когда был здоров, в Великом посту.

Среди молитв, к которым я тотчас же приступил, Государь, одетый по-обыкновенному, как здоровый, преклонил колена и делал земные поклоны. В таком положении он оставался до окончания исповеди. Святых Таин он приобщился в присутствии Государыни Императрицы, которая сама вместе со мною помогала Государю подняться на диван, сидя на котором, Государь и сподобился Святого Приобщения».

Вечером 10 октября прибыла в Ливадию высоконазначенная невеста Наследника Цесаревича принцесса Алиса Гессенская в сопровождении своей Августейшей сестры Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. По приказанию Государя была устроена торжественная встреча. Больной Император, несмотря на свою тяжелую болезнь, показывал вид бодрый и спокойный. Он одел мундир и, не взирая на тяжесть недуга и затруднения от отека ног, пошел на встречу невесты Первенца-сына и сердечным любящим отеческим приемом при встрече показал, что встречает не чужую, а родную, дорогую его сердцу дочь. Государь с нетерпением ждал этого свидания и при радости он забыл даже о тяжести болезни. На следующий день о. Иоанном Кронштадтским был совершен чин присоединения к Православной Церкви чрез муропомазание принцессы Алисы, с провозглашением ее Великой Княжной Александрой Феодоровной. После присоединения приобщились Св. Таин как вновь присоединенная высоконазначенная невеста, так и ее Августейший жених. День свадьбы был уже назначен на следующую неделю, но в виду ухудшения здоровья Государя был отложен.

Больной Государь почти ежедневно вел свои задушевные беседы с Первенцем-сыном и Невестой, давая свои указания как в делах государственных, так и в семейной жизни. Государь в одной из этих предсмертных бесед коснулся мученической смерти своего покойного Отца и ошибки его против Соборного постановления, которую Бог помог ему своевременно не допустить к

осуществлению, и тем освободить покойного от вины пред постановлением Собора⁴². Царь-Миротворец строго заповедал своему Сыну свято и нерушимо хранить Соборное постановление, хотя бы пришлось за это пострадать и умереть, одновременно прося будущую Супругу Сына быть в этом единокорной, в трудные минуты колебаний напоминать себе завет Собора и Отца.

Какое же это Соборное постановление? Это постановление того Всероссийского народно-духовного земского Собора, скрепленное подписью Патриарха, который по особому указанию Божию избрал невинного Отрока, чуждого интриг политических во главу погибающей России по слову пророка: *«отрока мало поведет я, и на нещеры аспидов возложит руку свою»* (Ис. 11, 6–8), — в котором сказано, что этот Избранник должен быть родоначальником правителей Руси из рода в род с правом единодержавной власти, с ответственностью в своих делах пред Единым Небесным Царем и Богом; а кто же пойдет против сего соборного постановления: сам ли Царь, Патриарх ли, вельможа ли и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и будущем, отлучен бо он будет от Святой Троицы. Вот в чем заключалось грозное постановление Собора, о котором напоминал умирающий Царь-Миротворец своему Сыну — преемнику власти. 17 октября о. Иоанн Кронштадтский приобщил Св. Христовых Таин больного Государя, у которого слезы умиления капали на его грудь, по отзыву отца Иоанна.

Вечером в этот день Государь в своей беседе, между прочим, сказал Цесаревичу о происходящих всюду в мире народных смятениях, страшной борьбе сословий, партий и отдельных людей, угрожающих тяжелыми последствиями даже для сильных государств, и только твердая, правдивая, честная и справедливая власть может отвратить грозящую опасность и от России. Скорбел Августейший больной, что возлагает такое тяжелое бремя и в такое бурное время на плечи не окрепшего духом и силой воли Сына, ободряя его и заповедуя в своих государственных делах руководствоваться примерами его государственной практики. Вечером накануне своей кончины Государь вновь позвал Наследника и около часа беседовал с ним наедине.

20 октября Государь вспомнил, что это день рождения Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и пожелал лично поздравить ее. При всем этом больной ни на минуту не забывал о своей душе и о Боге, пред Лицо Которого готовился предстать. Он

пожелал в третий раз приобщиться Св. Христовых Таин, что исполнил духовник отец Янышев. После приобщения с больным остались по его желанию только Государыня, Наследник с Невестой и дети. Это была последняя предсмертная беседа и последний завет Великого Миротворца. Цесаревич переживал ужасные душевные страдания, больно было на него смотреть, как говорили очевидцы. Он не отходил от умирающего Отца, а слезы безпрестанно лились на его грудь. Душа его чувствовала что-то тяжелое, грозное грядущее, но не говорила...

Наступили последние минуты. Все дети собрались вокруг умирающего Отца. Великий Князь Михаил Александрович гладил руку Отца, который, с нежностью глядя на любимого сына, сказал: «Душка», но тут же тяжело вздохнул и со стоном проговорил: «Тяжело, очень тяжело». В 2 часа 15 минут по полудни Царь-Миротворец, поддерживаемый Цесаревичем за плечи, склонил голову на плечо Государыни, стоявшей коленапреклоненно с левой стороны кресла, державшей в своих руках левую руку Супруга, закрыл глаза и тихо-тихо отдал дух свой Богу. Правая рука Государя покоилась на коленях, и к ней, в минуту кончины, склонил свою голову Цесаревич, омывая ее своими слезами, не отрываясь от нее до конца, пока с почившим прощались родные, чины Двора и придворные служители.

Присутствовавший при этом пастырь-молитвенник о. Иоанн Кронштадтский писал: «Он тихо скончался. Вся Семья Царская безмолвно, с покорностью воле Всевышнего, преклонила колени. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с головы его, на которой выступил холодный пот. Мир душе твоей, Великий Государь и верный слуга Царя царствующих! Не плачь и не сетуй Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеления своему Царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную его жизнь, а это дороже всего!»

Не судил Бог Государю при жизни увидеть своих горячо любимых Сына и Невесту сочетавшимися церковным законным браком, что особенно тяжело отражалось на Цесаревиче, преемственно воспринявшем всю полноту Царской власти.

Пусть не посетует на меня читатель, что я более подробно коснулся этих дней, когда угасала жизнь Великого Миротворца, державшего мир в мире и его предсмертных дней и часов, дабы было более ясным туманное и понятным непонятное в жизни и делах «Православного Царя-мученика» и его любимой

Супруги, избранной и горячо любимой покойным Царем-Миротворцем.

Преждевременная смерть Государя сильно поразила Наследника-Сына скорбью и печалью в сердце. Кто выразит сердечную муку, которую чувствовал он, и страх при вступлении на царство, сознавая, что, хотя скрытно, но сильно бурлила и шипела злоба недовольных и врагов единой Великой России. Только горевшая в душе его глубокая вера и смиренная покорность воле Промысла и долгу облегчала его печаль и скорбь. В четыре часа по полудни, подписывая Высочайший Манифест о кончине Царя-Миротворца и о вступлении своем на Прародительский Престол, он прежде в горячей молитве к Богу оросил свою грудь слезами. Затем была дана присяга новому Государю особами Царской Семьи, чинами Двора и войска. Император Николай II, удрученный великой печалью, дрожащим голосом сказал, что он избегал и не желал венца, но боясь ослушаться воли Всевышнего и воли покойного Отца, принимает венец, надеясь не на свои слабые силы, а на Господа Бога, возложившего на него этот тяжелый крест, обещая следовать заветам покойного Отца, хотя бы пришлось подвергнуться участи доброго и славного Августейшего Деда.

VI

БРАКОСОЧЕТАНИЕ, КОРОНОВАНИЕ И НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ

Молодой Император в своем манифесте от 21 октября 1894 года говорил: «Богу Всевышнему угодно было в неисповедимых путях Своих прервать драгоценную жизнь горячо любимого Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болезнь не уступила ни лечению, ни благодатному климату Крыма и 20 октября Он скончался в Ливадии, окруженный Августейшей Семьей Своей, на руках Ее Императорского Величества Государыни Императрицы и Наших.

Горя Нашего не выразить словами, но его поймет каждое русское сердце, и Мы верим, что не будет места в обширном государстве Нашем, где бы не пролились горячие слезы по Государю, безвременно отошедшем в вечность и оставившем родную землю, которую Он любил всей силой Своей русской души, и на

благоденствие которой Он полагал все помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не в России только, а далеко за ее пределами никогда не перестанут чтить память Царя, олицетворявшего непоколебимую правду и мир, ни разу не нарушенный во все Его царствование.

Но да будет святая воля Всевышнего и да укрепит Нас неизблемая вера в премудрость Небесного Промысла, да утешит Нас сознание, что скорбь Наша — скорбь всего возлюбленного народа Нашего, и да не забудет он, что сила и крепость Святой Руси в ее единении с Нами и в безпредельной Нам преданности. Мы же, в этот скорбный, но торжественный час вступления Нашего на Прародительский Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского вспоминаем заветы усопшего Родителя Нашего и, проникшись ими, приемлем священный обет, пред лицом Всевышнего, всегда иметь единой целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех Наших верноподданных.

Всемогущий Бог, Ему же угодно было призвать Нас к сему великому служению, да поможет Нам. Вознося горячие молитвы к Престолу Вседержителя об упокоении чистой души незабвенного Родителя Нашего, повелеваем всем Нашим подданным учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгию Александровичу, Которому быть и именоваться Наследником Цесаревичем, доколе Богу угодно будет благословить рождением сына предстоящий брак Наш с принцессою Алисою Гессен-Дармштадтскою».

От избытка сердца говорили уста скорбящего молодого Государя. Затем последовал второй манифест, в котором Государь извещал народ о принятии Православия Его нареченной Невестой. В нем говорилось: «Совершилось Священное Мвропомазание над нареченной Невестой Нашей. Прияв имя Александры, она стала Дщерью Православной нашей Церкви, к великому утешению Нашему и всей России.

Посреди скорбного испытания, которое всем Нам послано по неисповедимым судьбам Всевышнего, веруем со всем народом Нашим, что душа возлюбленного Родителя Нашего в селениях Небесных благословит избранную по сердцу Его и Нашему разделять с Нами верующей и любящей душой непрестанные заботы о благе и преуспеянии Нашего Отечества.

Все верные подданные Наши соединятся с Нами в молитве, да ниспошлет Господь благословение на судьбы Наши и вверенного Нам волею Его народа.

Возвещая всем Нашим верным подданным о сем желанном событии, повелеваем Высоконареченную Невесту Нашу, Ее Великогерцогское Высочество принцессу Алису именовать Благоверной Великой Княжной Александрой Феодоровной с титулом Императорского Высочества».

Нетерпеливо ждала и Европа от молодого Монарха голоса о международных отношениях, который не замедлил дать указания министру иностранных дел, статс-секретарю Гирсу⁴³ и повелел послать 28 октября всем русским дипломатическим представителям за границую для прочтения министру иностранных дел того правительства, при котором они были аккредитованы, следующие телеграммы: «Наш Августейший Монарх, унаследовав верховную власть, возложенную на Него неисповедимыми путями Божественного Провидения, одушевлен твердой решимостью всецело приять на Себя и высокую задачу, которую предначертал себе незабвенный Родитель Его, Император Александр III. Его Величество посвятит все Свои заботы мирному развитию внутреннего благосостояния России и ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямодушной политики, мощно содействовавшей всеобщему успокоению.

Россия пребудет неизменно верной своим преданиям. Она направит свои старания к поддержанию дружественных отношений со всеми державами и будет по-прежнему усматривать в уважении прав и законного порядка наилучший залог безопасности государства.

В начале славного Царствования, сделавшегося ныне достоянием истории, предначерченные цели сводились к осуществлению идеала России, мощной и преуспевающей для ее собственного блага, а не в ущерб другим. Ныне, на заре нового царствования мы с неизменной искренностью объявляем, что будем следовать тем же началам, призывая благословение Всевышнего на плодотворное и непреложное их применение в течении долгих лет».

Из этих первых шагов своих действий Николай II выяснил свое внутреннее настроение о мирной жизни со всеми: и чужими и своими. Но, как увидим дальше, безсилен бывает и миролюбивый Царь предотвратить кровавый пожар, когда захотят его зажечь мировые зажигатели.

Помимо текущих неотложных государственных дел, немало доставило забот молодому Государю перевозка из Ливадии в Петербург и погребение в Петропавловском соборе почившего своего Отца. Вся Семья облачилась в черный траур. Только скончались заботы по похоронам, как новые хлопоты по подготовке к предстоящему бракосочетанию, назначенному на 14 ноября. На один день свадебного торжества был снят Двором черный траур. Так в черном трауре пришлось начать будущей Русской Императрице свою жизнь в России. Это как бы предвещало ей в новой жизни скорби, напасти, вероломное коварство, клевету и трагический конец...

Бракосочетание совершилось в придворном соборе Зимнего дворца. При входе в собор Государь и невеста его были встречены митрополитом Петербургским Палладием⁴⁴ с крестом и святой водой. Во время Божественной литургии в этот день Государь и его невеста исповедывались и приобщились Св. Христовых Таин. На бракосочетание прибыли, помимо особ Императорской Фамилии, Датский король, Греческий король с королевой, Великая герцогиня Саксен-Кобург-Готская и принцесса Валийская. Шаферами были Великие Князья Михаил Александрович, Кирилл Владимирович⁴⁵ и Принц греческий Георг⁴⁶.

Когда Государь встал на приготовленное место на возвышении, вдовствующая Императрица ввела туда же Невесту Государя Великую Княжну Александру Феодоровну и, оставив ее на возвышении, возвратилась на свое царское место. Таинство брака совершали протопресвитер Иоанн Янышев, протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский и придворное духовенство. После окончания бракосочетания митрополит Палладий с членами Св. Синода и придворным духовенством совершил благодарственный молебен с коленопреклонением и, когда громовым раскатом разнеслась по храму священная песнь: «Тебе Бога хвалим», — с бастионов Петропавловской крепости загремел пушечный салют из триста одного выстрела. По окончании молебна Высокопреосвященный митрополит Палладий благословил Августейших Новобрачных святыми иконами.

По поводу сего давно желанного радостного события Государь оповестил народ следующим манифестом: «Благословением Божиим совершилось сегодня в соборной церкви Зимнего дворца, в присутствии духовных и светских особ, бракосочетание Наше с Возлюбленной Невестой Нашей Благоверной

Великой Княжной Александрой Феодоровной, дочерью Великого герцога Гессенского.

Посреди глубокой скорби, коей преисполнены сердца Наши и всех верных сынов России, да будет день сей светлым вестником упований народных на продолжение к нам милости Божией в наступившее новое царствование. Помышляя о судьбах его, сочли Мы за благо не отдалять совершение сердечного желания Нашего, священного к Нам завета в Бозе почившего Родителя и радостных ожиданий всего народа, да укреплен будет таинством Святой Церкви благословенный Родителями Нашими брачный союз Наш.

Все верные подданные наши соединятся с Нами в молитве, да ниспошлет Господь благословение союзу Нашему и дарует Нам, во благо России, то же безмятежное счастье, коим благословен был в доме своем незабвенный Наш Родитель, к назиданию и утешению всего народа».

Не говорит ли все это ясно о той глубокой религиозности молодого Государя, какой он был пропитан. Он не стыдился пред маловерной Европой прослыть верующим человеком, чего многие стыдятся. Он пред вступлением на Престол и пред священным браком очистил свою совесть покаянием и соединился со Христом чрез святое приобщение Его Страшных и Животворящих Таин. Кто укажет подобный великий и святой пример не только среди царей мира, но и среди простых смертных людей! Такими были при вступлении на Престол молодые Царь и Царица. Пример и дела их говорили сами за себя, не требуя иных более слабых доказательств.

Этим молодой Царь не ограничился. Он украсил свои брачные венцы делами любви и милосердия, излив свою милость особенно русскому крестьянству. Было большое прощение долгов, а происшедшие до 1866 года были прощены сполна. Не были забыты и другие сословия. Получили облегчение и прощение несчастные и страждущие в темницах заточенные. Вложен особый фонд на выдачу вспомоществований и пенсий нуждающимся ученым, литераторам, писателям и учащимся, лицам являющимся солью земли, при правдивом печатном освещении вносящим свет правды и истины в умы и сердца народа.

Вполне сознавая важность для государства железных дорог, Государь сохранил за собой председательство в комитете по постройке Великого сибирского пути, а также разрешил постройки других дорог.

Государь заступился за Китай от внешнего к нему притязания и, сделав его искренним и преданным другом, повелел устроить русско-китайский заем. Также Государь заступился за армян, которые по вызову англичан дошли до кровавых схваток между собой и мусульманами. По отношению к Франции, союз наш с ней был подтвержден новым Государем. Так он начал свое Царствование, но недовольные делали свое дело.

Спустя немного дней после радостного бракосочетания Государь принимал депутации от разных частей Империи. В одну из этих депутатий от земства гор. Твери проникли лица, стремящиеся к государственному перевороту, которые нашли смелость об этом сказать Государю, надеясь на его доброту и неустойчивую молодость. Государь посоветовал этим людям оставить свои несмысленные мечтания, ибо он должен свято хранить долг Царской присяги и завет покойного Отца, добавив, что все изменения государственного строя требуют всестороннего и обстоятельного рассуждения, а изменение основных устоев зависит не от него, а равного по своему полномочию Собора, который их установил и всех нас связал клятвой. Пытались эти люди повлиять на Государя чрез молодую Царицу, надеясь в ней найти склонность к политическим вмешательствам. Но мудрая Императрица дала всем понять, что ее прямая задача прежде всего быть преданной во всем своему Супругу, Супругой и матерью Семьи, чуждой политическим влияниям. Любящая жена должна держаться взглядов и убеждений мужа, быть хозяйкой в доме, ценя каждую копейку, не допуская безумной роскоши. Такой взгляд Государыни на свое высокое положение многим из придворных и политических деятелей показался не по вкусу.

Молодая Государыня, родившаяся в простой обстановке, в нужде воспитанная, приученная ценить каждую копейку и не привыкшая к богатой изысканной роскоши, оставалась верна своим правилам и при своем высоком положении. Ее удивительная перемена в жизни не пленила, она была довольна и благодарна Богу за исполнение желания ее сердца соединиться с любимым человеком. Даже от иноземного глаза не ускользнуло это отношение Государыни к своему Супругу. Один англичанин писал: «Прежде чем быть Императрицей она была женщиной, и как женщина она полюбила и действительная жизнь ее в этих сферах за ее личную любовь принадлежала Государю». Он же впоследствии в 1913 году писал свою заметку о этой бедной, но

знатной принцессе, оставшейся сиротой с 6 лет, по любви вышедшей замуж и ставшей верной женой: «Кроме того, что она скромная и любящая жена Николая II, она в то же время преданная мать своим детям. Судя по ее жизни, ее всегда будут вспоминать как примерную жену и мать».

Господь благословил этот брак по любви рождением 3 ноября 1895 года дочери Ольги Николаевны.

1 января 1896 года был издан манифест о подготовке к священному коронованию Их Величеств в Москве, в котором говорилось: «При помощи Божьей вознамерились Мы, в мае месяце сего года, в первопрестольном граде Москве, по примеру Благочестивых Государей, Предков наших, возложить на Себя корону и восприять, по установленному чину муропомазание, приобщив к сему и Любезнейшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Александру Феодоровну.

Призываем всех наших подданных, в предстоящий торжественный день коронования, разделить радость нашу и вместе с нами вознести горячую молитву Подателю всех благ, да излиет на нас Дары Духа Своего Святаго, да укрепит Он державу нашу и да направит Он нас по стопам незабвенного Родителя нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогого Отечества останутся для нас навсегда светлым примером».

День коронования состоялся 14 мая 1896 года в Москве при торжественной и роскошной обстановке. Государь весьма бережливый в расходах, для этого исторического национально-духовного торжества, как говорится, не поскупился, развернулся во всю. Во время коронования с Государем произошел по видимому не заслуживающий внимания случай, но он оказался впоследствии вещим. После длинной и утомительной коронационной службы, в момент восхождения Императора на церковный помост, изнемогая под тяжестью царского одеяния и короны, он споткнулся и на время лишился чувств. Этот случай как бы предуказывал всю тяжесть ответственности и безпримерных забот и недостаточную крепость молодого Царя, чтобы не изнемогать под тяжестью царского креста.

Помимо этого фатального случая это коронационное торжество омрачилось ужасной катастрофой. Около пяти тысяч людей погибли от панической давки при раздаче подарков. Это бедствие совершилось видимо по недосмотру и неопытности распорядителей торжества, хотя как следует не было выяснено следственной комиссией.

Тяжело все это отразилось на сердце Государя, нанеся ему жестокую рану. Он, не жалея средств, желал как Отец разделить этот духовный пир веры со своими верноподданными, а тут такая ужасная кровавая драма. Люди друг друга давили как бы потеряв человеческое сознание. Мудрые духовные старцы еще тогда видели в этом грозном событии какое-то недоброе предзнаменование, глубоко сознавая, что ничто без воли Божьей не делается, а тем более не могли пять тысяч человек погибнуть без воли Всевышнего, без повеления Которого смерть не может коснуться ни одного человека. Только теперь нам становятся понятными эти фатальные события. Государь изнемог под тяжестью креста и сложил его по требованию народа, возлагая всю ответственность за последствия на тот народ, который насильно снял с него царственный крест. Что же случилось после того, как Государь при короновании изнемог? Кровавая катастрофа, народ давил и душил друг друга. Не тоже ли случилось и после того, как Царь изнемог под тяжестью креста, насильно снятого с Него частью народа? Да, случилось что-то невероятное. Народ как бы потерял свое самосознание, душил и убивает друг друга, погибая не тысячами, а целыми миллионами...

Таковы эти по видимому случайные события, случившиеся при помазании на Царство, но они оказались предохранительными вестниками; а мы не только не послушались их, но и не придали им значения.

VII

ЦАРСТВОВАНИЕ

Как я уже писал, задача моего труда прежде всего написать душевный портрет покойного Государя, как человека христианина, его же царственных дел, как человека государственного, я коснусь кратко и объективно, предоставляя этот непосильный моему перу труд людям с широким государственным и политическим кругозором.

Я сказал бы, Государь обладал рыцарским благородным достоинством, прямодушием, простотой в обхождении, безпримерной выдержкой, почти всегдашним спокойным видом и ласковым разговором со всеми всегдашним спокойным видом и ласковым разговором со всеми знатными и простыми, не умаляя своего царственного достоинства. Многие из государственных

сановников порицали его за его редкую доброту и слабовольность: что он был безпримерно добр и милостив, этого отвергать нельзя, но что он был слабовольным, то это весьма загадочный вопрос. Пусть читатель решит этот последний вопрос сам по разумению своей совести после прочтения всего настоящего труда.

В политике внешней Государь держался завета своего почившего Отца, защищая слабых от насилия сильных по долгу христианского милосердия, а не по своекорыстным побуждениям, не рассчитывая на постороннюю помощь, полагаясь на Господа Бога и на свой верный народ. Он был истинный христианин, ставя религию и добрую нравственность выше философских и ученых теорий. Его чувством вселенского покровительства Православной Церкви руководило не исключительное единственное в мире положение Православного Царя, но глубокая вера и крепкое убеждение в покровительстве Всевышнего, Который в трудную минуту просветит и направит. Его часто видели по ночам прерывавшим свой сон, стоящим на коленях, изливающим свою душу в молитве, как бы стоящим на Божественной страже.

Государь не забывал своей клятвы при вступлении на Престол, в которой он клялся не только свято соблюдать неприкосновенность основных законов государства, но и блюсти интересы Православной веры, защищать от всяких вражеских посягательств, содействовать ее торжеству и преуспеянию в целом мире. Неразрывный союз между Церковью и Престолом, эта отличительная и существенная черта русского строя, была вполне усвоена молодым Государем, хотя все силы ада в союзе с хитросплетенной европейской дипломатией вели свои козни против сего Священного союза. Только Одному Богу свойственно не ошибаться и творить чудеса, а на земле, как говорится, один в поле не воин, хотя бы то был и Царь самодержавный. Так было и в этом случае: некоторые близкие и дальние слуги Государя с хитрой ловкостью и ухищрениями пользовались возвышенностью христианского духа Государя, извлекая личные выгоды в ущерб государственному порядку. Общий закон природы: чем выше человек стоит по нравственной чистоте своей, тем менее подозревает он в порочности окружающих его. Подобное было и с Государем: он, будучи человеколюбивым и благородным человеком по чистоте своей души, не мог быть иногда

не обманутым; но когда убеждался в обмане, то возврата к услуге такого человека не было.

Насколько мог, Император Николай II стоял на страже чести и славы России долгих 22 года, а Бог ценит и благие намерения. Он в душе своей желал только одного блага народу и России, делая все, что мог, по своему крайнему разумению; но если иногда, как человек, в чем и ошибался, то не ошибается ведь только Один Бог и тот, кто ничего не делает. Его сердобольное сердце было способно сочувствовать чужому горю, понимать страдающую душу, находя утешение и истинную отраду в делах любви и милосердия. Вряд ли найдется хоть один случай, когда бы дошло до него прошение о помиловании приговоренных к смерти, чтобы он не отвел своим властным росчерком пера от «обреченного» беспощадную смерть.

Помимо всего этого Государь имел редкое среди царей смирение, всегда сознавая, что он прежде всего человек со всеми присущими смертному слабостями, стараясь исправляться в том, что за собой худого замечал, стремясь всеми мерами исполнять свой царский долг, дабы не нарушить данной присяги. Государь и Царица относились к своей дворцовой прислуге с полным уважением к их личности, а не с надменным презрением как бывает у простых смертных господ. Например, в праздник Св. Пасхи они, как родные, христосовались со всеми домашними слугами, даря их своим священным поцелуем. Император христосовался со всеми слугами во дворце и караульными войсками, а Царица христосовалась со всеми служанками. Этот религиозный пример Августейших хозяев, как смиреннейших из людей, трогал до радостного умиления и горничную, и конюха, и лакея, и вообще всякого человека.

После ниспосланной Провидением тяжелой скорби, причиненной кровавой драмой на Ходынке при коронационных празднествах, Бог ободрил и утешил в печали скорбного Государя Своим новым небесным знамением — прославлением нового чудотворца и теплого молитвенника святителя Христова Феодосия Углицкого, черниговского чудотворца, как бы давая благую весть, что Он пока еще не отнял Своего благословения от России и Государя. 9 сентября 1896 года совершилось при давно небывалом духовном подъеме редкое духовное торжество в г. Чернигове — открытие мощей нового угодника Божия и дерзновенного пред Богом молитвенника св. Феодосия.

В следующем году, 29 мая, Господь Бог благословил Царскую Чету рождением второй дочери Татьяны Николаевны.

Царская Семья с момента брака продолжала вести весьма скромный образ жизни, исключив из прежнего обычая пышные пиршества и веселые гулянья. Эти изменения совершались главным образом по желанию Царицы, которая не выносила чрезмерной роскоши и бесполезной траты денег и времени, чем многих придворных восстановила против себя. Конечно, когда нужно было по положению, устраивали в год несколько балов во Дворце, на которых Императрица представляла из себя затмевающую всех остальных своим величием и красотой даму, умея в эти часы показать себя веселой, но в то же время умело соблюдая свое царское достоинство. Один англичанин * писал в своей хронике о русской Царице: «Двор Николая II не занимается пиршеством так часто и так расточительно как предыдущие Императорские Дворы за последние сто лет. Это благодаря темпераменту Царя и уединенному характеру Императрицы, а также безпокойному положению Империи за последние несколько лет.

Однако приходится устраивать несколько балов в Императорском дворце, на которых Царица представляет из себя одну из выдающихся особ. При этом она умеет веселиться и в то же время строго соблюдать императорский этикет. Она может танцевать с государями, министрами и посланниками. Без сомнения все следят за исполнением этих Августейших танцев, а поэтому лица Государевой Семьи не должны увлекаться музыкой, а быть по возможности всегда осторожными. Когда вальсирует Императрица с кем-либо из придворных, все остальные должны остановиться тотчас же и очистить место для Императрицы и ее почтительного кавалера. Таким образом, наблюдаемая всеми, она должна стараться быть очень скромной и осторожной.

Несколько лет тому назад, когда Царица была еще принцессой Алисой Гессенской, она посетила Петербург в качестве гостьи своей сестры, которая вышла замуж за Великого Князя Сергея Александровича. Во время одного из танцев на известном балу, который был дан во время ее пребывания, принцесса Алиса поскользнулась на паркетном полу и упала. Ее кавалер, а также и многие другие офицеры бросились оказать ей помощь,

* Г-н Durland.

чтобы подняться, но Наследник, случайно проходя близко, тоже подбежал к ней. При этом тотчас же пришедший в затруднение кавалер и другие офицеры отступили. Привилегия помощи приведенной в смущение и раскрасневшейся принцессы всецело принадлежала Наследнику Цесаревичу вследствие его высокого положения.

Когда Царица участвует в общественных выходах, она все делает с величием и достоинством, как того требует сан, как бы ни намекали на холодность ее манер.

Однажды я имел привилегию быть близко к ней на одном из этих выходов. Это было 10 мая 1906 года в коронационном зале Зимнего дворца в Петербурге.

Император созывал первую Думу и члены этого первого парламента с Государственным Советом и полным составом Императорского Двора были собраны, чтобы прослушать тронную речь. Это было первое время за шестнадцать месяцев революции, когда Императорская Семья посетила столицу. Эти шестнадцать месяцев были охарактеризованы почти все время продолжающимся революционным движением, успешными бунтами как в армии, так и на флоте, обыкновенными забастовками и безпокойствами разного рода. Много думали об исходе этой встречи или совещания Царя с представителями народа. «Для нас, — заметила одна из статс-дам, принадлежащая Императрице, — для нас это подобно разрешению революции во Дворце». (Это о принятии избранной депутации от народа). Члены Двора боялись, что Царь никогда не вернется из тронной залы. Многие, если не все, из дворян пришли в ужас и присутствовали при этом только потому, что им приказал Император. Утром этого дня я встретил известного Принца и он, увидав меня, тотчас же попросил поздравить его с тем, что он был исключен от присутствия на сем собрании.

Когда музыка играла национальный гимн, извещая о приближении Императорской Четы, атмосфера в тронной зале сделалась душной и всем как-то было тяжело. Ни одна персона не осмелилась подумать, что принесет следующая минута. Когда Царь, Великие Князья, Императрица, вдовствующая Императрица и Великие Княжны собрались все перед богато одетыми в священные одежды архиереями и священниками для начального благословения, в зале не слышно было ни малейшего звука, — такая была удивительная тишина и при этом все были чрезвычайно нервно настроены. Нервность Государя была очевидна

для всех. Волнение Великих Князей казалось даже смешным; в особенности боязнь их проявилась в том, что они часто и торопливо творили крестное знамение. Даже корреспонденты газет, привыкшие равнодушно переносить все опасности и быть спокойными и без всякого стеснения на всяком месте, при этом тоже тяжело дышали и минутами показывали свою натянутость и напряженность.

Единственно Императрица явилась с полным спокойствием своих нервов и позы. Я смотрел на нее в молчаливом изумлении. Ее крепкая, недвижимая фигура навсегда запечатлелась в моей памяти. Маханье перчаткой и носовым платком с балкона вниз, я уверен, взволновало бы все собрание, несмотря на великолепную выставку военных атрибутов, пуговиц, медалей, золотых и серебряных украшений. Этот инцидент пришел мне тогда на мысль и я припомнил его потом много раз; и если бы он произошел, то только Императрица или, наконец, две сохранили бы твердость и непоколебимость духа. Превосходная уравновешенность и совершенное владение собой Императрицы произвело на всех неограниченное удивление. Холодная и равнодушная она могла быть со своими придворными, хотя при удобном случае она оправдывает себя и заслуживает редкую славу. Во всяком случае эта Государственная Дама высокого роста, статная, величественная никогда не проявляла себя с большей и лучшей пользой, как в этом случае. С ней, немного позади процессии, были четверо старших Детей».

Он же писал в начале своей заметки: «Когда я захотел заняться серьезно изучением ее жизни с детства до настоящего времени (1913 года), я обязан был поехать в Германию, а затем в Россию и должен был искать материал у ее придворных, ее фрейлин, ее друзей, принцев и принцесс государств, учителей ее детей и лиц, заведующих управлением императорского хозяйства. Так я объехал эти страны.

Я говорил со всеми этими лицами и многими кроме них, и повесть, которую я написал здесь, есть биография той, которую я изучил со слов ее приближенных, близкими ей в течение нескольких лет; они утверждают, что это личность единственная в целом мире...

Благодаря тому, что Царица большую часть своего времени посвящает своему дому, семейная жизнь Русского Двора естественно достигла высокого положения в сравнении с прочими

дворами Европы. В особенности в современные годы в нем меньше бывает приемов, чем при дворцах где-либо на материке.

Утром Царица предпочитает завтракать одна, в 12 часов, с одной из фрейлин, а Император только с одним адъютантом. Обеды по возможности бывают самые простые. Старшие дети приходят к обеду, если нет никого из гостей.

Обычно они говорят между собой по-английски, или изредка по-немецки. Царица говорит по-русски вполне правильно, но заметно с немецким акцентом. Однако это не удивительно, так как она начала серьезно заниматься этим языком после сватовства. Дома они не часто употребляют французский язык, хотя Император говорит на этом языке превосходно.

Голос Царицы тихий и низкий и в то же время не лишенный музыкальности. Ее веселый смех разливается серебристым приятным звуком, а ее лицо все еще носит выражение приятной задумчивости и красоты.

Императрица-Мать предпринимает, по сравнению с какой-либо из королев, всегда так много личных забот о своих детях; жизнь ее похожа на жизнь каждой матери, и поэтому она считается примерной матерью в свете.

Все сие вместе взятое делает жизнь Царицы очень интересной. Даже если бы она была не Императрица, ее домашняя жизнь считалась бы идеальной. Ее преданность Сыну, который наконец родился у нее, — одно из величайших событий в современной русской истории. За образованием детей Императрица следит лично сама. Она безгранично любит всех детей и все дети любят ее. В день рождения одного из своих детей она катается с ним довольно далеко куда-нибудь, и каждый из них с нетерпением ожидает этого события. Двое старших детей, Великие Княжны Ольга и Татиана, унаследовали от своей матери любовь к музыке и обе играют очень хорошо. Царю всегда их игра доставляет удовольствие.

У Государыни несколько фрейлин, но только для официальных приемов или выходов, обычно же при ней находится только одна, по ее личному выбору, временно в течение очень короткого периода»*.

Так писал о Царице один из английских работников пера.

* «Хроника из жизни Русской Царицы». Пер. с английского. 1913 г.

Мало было известно подлинной правды о Царице благодаря ее скромности, уединенному образу жизни; не понявшие ее внутреннего настроения, считали это недоступностью и гордостью. В наш век ослабления нравственных и семейных основ, Августейшая Чета давала пример идеала христианской, семейной, супружеской любви, предпочитая проводить минуты отдыха в семейном кругу.

14 июня 1899 года родилась у Государыни третья дочь Мария Николаевна, а 5 июня 1901 года родилась четвертая дочь Анастасия Николаевна.

В неусыпных заботах проходили дни за днями молодого Императора, но, к его прискорбию, смута, посеянная отчасти замыслами людей, враждебными существующему государственному строю, отчасти увлечениями началами, чуждыми русской жизни, разрасталась все сильнее и сильнее. Подпольная работа по подготовке государственного переворота временами выходила наружу, ее работники занимали все новые и новые посты для подкopa государственного здания. Агенты этой тайной организации, в большинстве состоя на разных общественных должностях, как-то земских и городских самоуправлений и других, под разными благовидными предлогами сеяли смуту в умах легковерной и полуобразованной части людей, проникая даже в глухие деревенские уголки через народных учителей, агрономов, медицинский персонал и других. Более активными работниками-социалистами вызывались беспорядки и безначалие, убивались энергичные государственные работники. Не ограничивались и этим. Целый ряд покушений предпринимался и на самого Государя, но Государь пока чудесным промыслом был сохранен. Приведу один из многих заговоров на жизнь Государя, который убеждает нас в том, что когда нужно сохранить жизнь его, то у Всевышнего на это много средств видимых и невидимых и без воли Его никто не может обнажить свой меч на смерть.

Заговор организован и был накануне исполнения. Действующее лицо, задача которого была убить Государя, получил все нужное для аудиенции к Государю, во время которой должен был совершиться акт убийства. Человек этот не спит всю ночь, переживая тревогу, обдумывая план действий, и в то же время мечтает о сохранении своей жизни. После полуночи является к нему Небесный Вождь Архангел Михаил с мечом в руках. Посланник неба грозно посмотрел

на убийцу и повелительно сказал: «Что ты задумал, несчастный, совершить! Если не раскаешься в своем задуманном злодеянии, внушенном дьяволом, то немедленно здесь же будешь мною поражен». Человек растерялся и трепетал от ужаса. Придя в сознание, дает клятвенное обещание не совершать гнусного каннибала убийства. Архистратиг Божий еще раз грозно напомнил свое требование и сделался невидим. Агент террора немедленно собрал свои пожитки и в эту же ночь, тайно от своих товарищей, выехал из Петербурга. Впоследствии он был в Оптиной пустыне, где со слезами раскаяния сам рассказывал о сем чудесном явлении, спасшем жизнь Царя. Об этом случае было напечатано в журнале «Голос долга» за 1913 г. и в других духовных журналах.

С 1901 года революционное брожение начало проявляться в наиболее возбужденных классах населения, среди студентов и рабочих. Социал-демократическая пропаганда широкой волной влилась в высшую школу, фабрики и заводы, даже проникла в деревню. В 1900 году был убит министр народного просвещения Боголепов⁴⁷, а 2 апреля 1901 года министр внутренних дел Сипягин. Государь поставил на место убитого Сипягина⁴⁸ человека крупной величины, способного и энергичного В. К. Плеве⁴⁹, но и он был убит.

Тяжело было все это видеть и переживать Государю. Какое нужно было иметь мужество и веру, дабы при всем этом не опустить руки и не пасть духом.

Первое время духовными руководителями Царственной Четы были великие столпы Православной Церкви протопресвитер Иоанн Янышев, он же и духовник, и протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский. Они в трудные минуты укрепляли дух и поддерживали веру как Государя, так и Императрицы, которая особенно нуждалась в духовном совете, как еще мало опытная в догматах Православия, но в то же время имевшая ревностную склонность к практической духовно-религиозной жизни. Особенная набожность Государя и Императрицы противной стороной истолковывалась извращенно, как суеверие и ханженство. Но этого быть не могло под руководством таких светильников Церкви Христовой, свет которых сиял по всему христианскому миру. После смерти протоиерея Янышева духовно руководил Царем и Царицей о. Иоанн Кронштадтский, имевший особый дар от Бога молитвой исцелять болезни и духовно прозревать коварные козни врагов.

Будучи под влиянием таких столпов Церкви, Государь и Императрица оказывали особенное внимание и заботу делам Православной Церкви не только в России, но и во всем Православном мире. Они все свои сбережения от получаемого по положению содержания тратили не для личных удовольствий, но на устройство церквей, монастырей, приютов, школ, богаделен и других благотворительных учреждений. По примеру своего покойного Отца, Государь любил церкви, образа и церковную стенопись в древнерусском стиле. Лично для себя Царская Семья тратила сравнительно с занимаемым положением немного, можно сказать меньше иных богатых купеческих и сановных семейств. Что же касается содержания вообще Императорского Двора, то это к удовольствиям Семьи не относилось, а было традиционной необходимостью государства, тяготившей жизнь Семьи.

Августейшая Семья не ограничивалась денежной помощью, но жертвовала и своими личными трудами. Сколько руками Царицы и Дочерей было вышито церковных воздухов, покровов и других вещей, рассылаемых военным, монастырским и бедным церквам. Мне лично приходилось видеть эти царские подарки и иметь даже у себя в далекой пустынной обители.

Церковное строительство в России особенно развивалось в это время благодаря сочувственному вниманию Царской Семьи и непосредственному их участию в этом святом и полезном для блага народного деле. Какой ярый их враг может сказать, что они не были людьми христианского настроения? Они были истинными православными христианами и верными чадами Церкви Христовой, проникнутыми истинной религиозностью, кротостью, миролюбием и состраданием, глубоко веря, что центр тяжести жизни не здесь на земле, а там, в жизни загробной, безконечной. Все, что они делали, делали для той вечной будущей жизни, с сознанием, что делают дело не свое, а Божие.

Они не искали и не радовались власти, а за послушание несли ее, как тяжкий крест, возложенный на них Всевышним. Поэтому они всегда стремились к отысканию правды, добросовестности, честности и справедливости, но, к сожалению, мало находили таковых в людях; часто разочаровывались в тех, кому верили. В этом и была причина того, что иногда находились около них люди недостойные, хитрые, лицемерные и лживые. Видя кругом ложь и обман, они не знали, кому верить, ибо приходилось иногда, по коварным интригам честолюбцев,

незаслуженно увольнять от должностей честных людей, а вместо них проникали люди недостойные. В виду сего трудно верили они и правдивым отзывам о недостойных людях, подозревая клевету на них; желая лично понять все, чего требует справедливость, и только, когда, уяснив себе истинное положение дела, убеждались в правоте сказанного, только тогда они без всяких отступлений следовали своему сознательному и убежденному решению. Они заботливо старались открыть во всех делах истину и правду, дабы по Божьему закону поступать, но не всегда это удавалось, благодаря хитросплетенности интриг людских.

Нельзя сказать, что Государь не заботился и о научном просвещении народа, дабы оно было поставлено правильно на истинных и прочных национально-русских основах. Также с самых первых годов царствования усиленным темпом шло поднятие промышленности и торговли; железнодорожное строительство совершалось в безпримерно колоссальном объеме: финансы государства возрастали и военное дело улучшалось. Большую заботу проявлял Государь о крестьянском люде, стараясь улучшить их положение. В своем манифесте от 26 февраля 1903 года Государь указал новые пути к вящему укреплению и развитию благосостояния основных устоев русской крестьянской жизни и отменил стеснительную для крестьян круговую поруку. Уже в этом манифесте Государь предохранял свой верный народ от обмана мнимыми благодетелями народа, говоря: «К глубокому прискорбию Нашему, смута, посеянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлечением началами, чуждыми русской жизни, препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния. Смута эта, волнуя умы, отвлекает их от производительного труда и нередко приводит к гибели молодые силы, дорогие Нашему сердцу и необходимые их семьям и родине». Этими словами Государь как бы бил тревогу, указывая, что наступает смутное время, лукавые дни. Скрытая темная сила подкапывает основы веры и национально-русские устои. Двигатели этой силы были люди иноземные, чуждые интересам русским, завидующие могуществу России.

Господь Бог не оставлял без небесного утешения многоскорбного Царя, время от времени прославляя новых молитвенников, как бы в лице их посылая вестников небесных для ободрения духа.

29 января 1903 года Святейшим Синодом объявлено о прославлении преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Особенно этим новым небесным знамением был утешен Государь, испытывая истинную радость и глубокое умиление. Царская Семья особенно чтит память преподобного Серафима еще с 1860 года, когда возложением полумантны праведника была исцелена малолетняя Великая Княжна Мария Александровна и облегчена была кончина Императрицы Александры Феодоровны, супруги Императора Николая I⁵⁰. Духовное торжество открытия честных мощей угодника Божия назначено было на 19 июля 1903 года. Сам Государь с Государыней и членами Царствующего Дома совершил благоговейное путешествие на это великое духовное торжество, собравшее сотни тысяч православного русского народа. Я сам был на этом торжестве, видел как Государь пешком, благоговейным паломником, ходил к целебному источнику и в дальнюю пустыньку старца Серафима, на своих царственных плечах нес гроб с честными останками новоявленного Чудотворца и причащался вместе с Супругою своею св. Таин Христовых. Они исповедывались у смиренного старца иеросхимонаха Симеона и причащались 18 июля за ранней обедней, которую служил архимандрит Андрей (впоследствии епископ Уфимский)⁵¹, как простые смертные паломники вместе с народом. Я сам среди этих паломников общался и видел, с каким благоговением Царственные богомольцы приступали к святому Таинству. Простота и религиозность их сильно повлияли на меня еще тогда, вызывая слезы умиления. Только истинная вера в Бога, истинная преданность Православию и глубокое благоговение к святым мощам праведного убогого старца-отшельника, смиренного пустытника подвигнуло Царственных богомольцев на далекое и трудное путешествие, сопряженное с многими трудами и опасностями для самой жизни. Православный народ плакал от радостного умиления при виде того, как Царь и Царица смиренно преклоняли главы пред святыми мощами новоявленного Чудотворца. Государь на свои средства соорудил серебряную художественную раку для мощей преподобного Серафима, а Царица собственноручно вышила покров на гробницу и коврик с дорожками. Как было все это для верующего человека трогательно, радостно и поучительно.

Из Сарова Царственные паломники выехали 20 июля в Дивеевский женский монастырь, это духовное детище преподобного

Серафима. Здесь они навестили старицу-подвижницу Парасковью Ивановну, которая предсказала Царице рождение Сына⁵². Это посещение прозорливицы совместно с пережитым в Сарове произвело сильное духовное впечатление на Императрицу, усердно молившуюся в Сарове о даровании ей Сына. Когда же через год исполнилось предсказание прозорливицы, то можете себе представить, как это повлияло на душевное состояние Царицы и укрепило ее веру в правоту Православия.

Считаю не лишним напомнить, что некоторые либеральные газеты писали, что якобы в архиве департамента полиции была найдена бумага, где находилось следующее предсказание старца Серафима Саровского: «В начале царствования сего Монарха будут несчастья и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства, отец подымется на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая и жизнь Государя долговременная»⁵³. Такого предсказания в летописях как Саровской, так и Дивеевской обителей нет, а потому его надо приписать к выдуманной легенде легкомысленных людей.

Неприятно было врагам единой Великой России Саровское духовно-патриотическое торжество. Они шипели от зависти и злобы, замышляя новые интриги против России. Против воли миролюбивого Государя разразилась война с Японией. Несомненно какая-то неведомая рука содействовала возникновению войны, чтобы дать возможность усилить противогосударственную работу. Виновниками возникновения войны выставляли: статс-секретаря Безобразова⁵⁴, адмирала Алексеева⁵⁵, Куропаткина⁵⁶ и Плеве, стремившихся якобы к утверждению России на берегах Тихого океана посредством операций на реке Ялу в Корее. Но это только явные фигуры, служившие для скрывают подлинных виновников, которые при содействии политических интриг так ловко и хитро втянули в войну Японию. Люди же, не зная всех хитросплетений внешних и внутренних интриг, обычно винят в войне Государя. Но мог ли желать этой войны тот Царь, который первым подал мысль о разоружении народов и мирной жизни? Ясно, что нет.

Государь всеми мерами старался избежать войны, но она загорелась неожиданно, как загорается в доме пожар, без воли хозяина⁵⁷. Если внимательно вникнем в причины возникновения войны, то для нас все будет понятно. Еще в начале своего царствования Император Николай II, по настоятельному совету

Англии, Германии и Франции, якобы боявшихся желтой опасности, повелел своему правительству послать ноту Японии, дабы она на азиатском материке не занимала ни одной пяди земли. Вот еще с которого времени была брошена искра, от которой впоследствии загорелся целый пожар. Несомненно, это была ошибка нашей дипломатии, не расшифровавшей интригу неведомой руки, втянувшей в войну, и эта же рука не дала довести войну до конца, вызвав внутреннее волнение. Когда военное счастье начало склоняться на нашу сторону, то Англия заключает союз с Японией, не дав возможности нам выиграть войну, как было в Турецкую войну. Видимо, по поущению Божию эта война повергла Россию в пучину бедствий. Мы не заметили вовремя, что за спиною открытого противника стояла знакомая уже нам историческая рука, подготовившая нам это бедствие. Эта война была вызвана недругами России и даже самой Японией, ибо у России и Японии должна была быть взаимная дружба и единение на благо общего мира народов.

Много скорбей и печали принесла эта нежелательная война миролюбивому Императору и Императрице, взявшей на себя труд оказывать помощь раненым воинам. Императрица обратила залы Зимнего дворца в рукодельные мастерские, собрав сотни знатных дам и девиц, организовав рабочую общину. Она сама работала неутомимо, а также и юные ее дочери — Великие Княжны. Эти милые девочки так усердно шили и вязали, что нежные их пальцы одервенели и покрылись мозолями. Этот ревностный дух патриотизма и самопожертвования Царицы с юными Детьми послужил вдохновением многим тысячам дам и девиц не только в Петербурге и Москве, но и по всей России. Насколько успешна была эта работа энергичной Императрицы можно судить по тому, что только одно Харбинское депо получило из Зимнего дворца до двенадцати миллионов разных вещей. Помимо сего организовано было семьдесят походных госпиталей, много часовен, библиотек и куплено более чем на миллион хирургических инструментов и других вещей, необходимых для облегчения страданий раненых воинов. Когда Государыня благодарила своих помощниц, то сказала: «Я счастлива слышать, что благодаря старанию работниц в моем депо, мое пылкое желание оказать помощь нашим дорогим войскам удовлетворилось». Это говорит о том, что Императрица не гордилась этим и не приписывала труд себе, а смиренно с воспитанным благородством относилась к работницам, хотя сама

была первой усердной работницей и руководительницей. Она писала на фронт: «Сообщите войскам на Дальнем Востоке, что я рада, что мне выпало на долю помочь, хотя в легкой степени, многим несчастным жертвам этой жестокой войны, которые добровольно проливали кровь за честь престола России. Присоединяюсь к молитве вместе с вами и воссылаю мою мольбу к Всевышнему о моей ревностной просьбе, чтобы Он утешил всех, которые потерпели на поле сражения, и чтобы Он поддержал в сердцах храбрых и доблестных русских воинов чувство преданности своему долгу, клятве и их любви к родине».

Государыня организовала исключительную школу для собак, которые отыскивали на поле брани раненых воинов, просмотренных санитарями. Заботилась сердобольная Царица, как любящая мать, о всех. Когда к ней пришли несколько высочайших молодых барышень проситься на фронт в качестве сестер милосердия, Императрица дала им следующий мудрый ответ: «Вы еще недостаточно опытны в работе и крепки, чтобы переносить тяжелую жизнь в Манчжурии. Вы можете служить в петербургских госпиталях, освободив таким образом регулярных хорошо обученных сестер и дать им возможность поехать в передовые ряды армии».

Не был оставлен без внимания Царицы и рабочий народ, для которого учреждались вспомоществовательные институты, питомники для грудных детей, дома и приюты для безприютных сирот, дома для безработных, престарелых, родовспомогательные заведения, приюты для сумасшедших, библиотеки, читальни и разные учреждения, в которых получали посильную работу те, которые еще способны были трудиться. Особенно любила Императрица, как любящая мать, заботиться о девочках-сиротках, устраивая для них школы и приюты, что объясняется тем, что сама она с детских лет была сиротой и у самой первые дети были девочки.

В разгар войны исполнилось давнишнее желание Царицы иметь Сына. 30 июля в Петергофе родился Наследник. Прошлогоднее предсказание в Дивеевской обители исполнилось. Велико было семейное счастье в Царской Семье, принесшее большое утешение в тяжелые скорбные дни неудачной войны. Крещение новорожденного совершено было в петергофской церкви 10 августа. Восприемниками были: король Англии, король Дании, император Германии и некоторые из Великих Князей. Тогда же Государь пожелал, дабы все войска действующей на поле брани

армии были тоже в числе восприемников новорожденного Цесаревича, о чем и было дано знать на фронт.

Во время крещения с младенцем произошел замечательный случай, обративший на себя внимание всех присутствующих. Когда новорожденного Цесаревича помазывали святым муром, он поднял свою ручку и простер свои пальчики, как бы благословляя присутствующих. В этом случае видели не простое совпадение, а что-то вещательное, объясняя всякий по-своему. Одни видели в этом хорошее предзнаменование, а другие — наоборот. Государыня особенно была рада, что наконец-то Бог услышал ее молитву, даровал ей сына, приписывая эту милость Божию молитвам преподобного Серафима Саровского, ибо она еще до поездки в Саров обещала поехать туда на богомолье.

Теперь еще с большей ревностью Царица отдалась всецело воспитанию детей, особенно воспитанию милого Сына. Она считала для себя лучшим удовольствием быть в кругу своих детей, хотя с момента рождения Сына она ему посвящала времени больше всех остальных. Заботливая мамаша всегда была с милым сыночком, не теряя его из вида, боясь за его жизнь, как бы что с ним не случилось, ибо он у нее один. Цесаревич был общим любимцем в Царской Семье. Когда стал подрастать, то весьма походил на папу; как говорится, вылитый отец. Царица сама с ним нянчилась, не доверяя никому, и всецело взяла на себя всю заботу о его воспитании. Она зорко охраняла своего горячо любимого Сына ото всех опасностей, всегда находясь около него. В Царском ли Селе, Петергофе ли, на императорской ли яхте, Царица всегда при Сыне, как преданная рядовая няня. Дочери, бывало, играют или гуляют с гувернанткой и камердинером, а когда с ними Алексей Николаевич, то обязательно среди них и Государыня. Даже во время приемов, военных смотров и других отлучек из Дворца Цесаревича Царица всегда находилась первое время при нем непосредственно или вблизи его. Когда мне впервые пришлось видеть Цесаревича 8 декабря 1910 года шестилетним ребенком в Александровском Царско-сельском дворце, то и здесь мамаша находилась в соседней комнате, до которой дошла с ним. Во время этой аудиенции я благословил Цесаревича святым нательным серебряным крестиком, который по воле Государя надел на него. Этот крестик был мною получен 23 апреля в Иерусалиме и в нем были вложены частицы св. мощей Иоанна Крестителя и великомученика

Георгия Победоносца, а также частица от Св. Животворящего Древа Креста Господня. Без благоговейного чувства не могу вспомнить этот момент, когда приходилось видеть его детский душевный восторг при получении этого священного подарка и как он, милый ребенок, сияющим побежал к своей Маме поделиться своей радостью*.

Цесаревич этот св. крестик имел всегда при себе до самой своей мученической кончины, в скорби уныничества находя в этой великой святине утешение. Как мне передавали, Цесаревич попросил Маму рассказать ему о жизни св. Иоанна Крестителя и великомученика Георгия, [впоследствии] особенно почитая их память.

Он спрашивал свою Маму: «Почему св. Иоанн Креститель, будучи малым ребенком, должен был бежать в пустыню, зачем посажен в темницу и убит?» Царица сказала своему впечатлительному Сыну, что как Сам Христос, будучи Творцом Неба и земли, был оклеветан нехорошими людьми, осужден неправедно и распят на кресте, так и тем, кого очень любит, посылает здесь на земле скорби, страдания и смерть, дабы вечно веселиться с Ним на небе в раю, где очень хорошо, несравненно лучше, чем здесь. Эти слова Мамы Алексей Николаевич помнил всегда, а особенно в тяжелые дни своих страданий.

Были мною привезены со священного Востока св. иконки в благословение и Великим Княжнам, и они приняли их с благоговейным чувством радостного умиления. Сколько было у них чистой, святой радости. Они благоговели пред ними, держа в детских своих комнатах, лично зажигая пред ними неугасимые лампы, молясь пред ними и ежедневно лобызая их утром и вечером. Когда мне стало известно, что Великие Княжны высказывали желание тоже иметь при себе, помимо иконок, по частице какой-либо святости, то я соорудил всем, а также и Алексею Николаевичу небольшие дорожные иконки с изображением Ангела Хранителя и тех святых, имя которых носили, вложивши в каждую иконку по частице св. мощей, дарованных мне Вселенским Патриархом Иоакимом III⁵⁸. В иконки были вложены следующие святости: Ольге Николаевне — частица св. мощей великомученика Георгия, Татьяне Николаевне — частица св. мощей великомученика Мины (11 ноября),

* Об этом подробно было напечатано в журнале «Голос долга» за 1911 год.

Марии Николаевне — частица св. мощей равноапостольной Марии Магдалины, Анастасии Николаевне — частица св. мощей преподобномученицы Анастасии (22 декабря), Алексею Николаевичу — святителя Алексия, Московского чудотворца. Когда Августейшие Дети получили эти святые иконки, то были рады этому священному подарку, ибо их кристально чистые души жаждали не столько земного, сколько небесного утешения. Видел я на своем веку много религиозно-воспитанных детей всех сословий, но таких, как они, я не видел и вряд ли еще увижу. Это были, по слову народному, «чистые ангелы во плоти».

Великая Княжна Ольга Николаевна любила проводить время за книгами и рукоделием, хозяйством интересовалась мало. Также любила музыку и пение. Писала дневники и стихотворения. Характер ее мягкой и доброй души был более похож на характер Отца; также и наружным своим видом она больше походила на Отца, чем на Мать. Это была дочь отца.

Но не такова была Великая Княжна Татиана Николаевна, эта была дочь Матери и ее любимица. Она больше всех походила на Мать и ближе всех была к ней, унаследовав от нее характер и душевный строй убеждений. Татяну Николаевну слушались не только прислуга, но сестры и Цесаревич, который больше всех боялся Матери, а после Матери Татианы Николаевны; хотя они и любили его безгранично, но вместе с сим и держали в строгих руках. Татиана Николаевна была главной помощницей Матери по хозяйству и воспитанию младших детей. Она также, как и Мать, праздности не терпела, стараясь все время быть занятой. Ростом она была выше всех своих сестер, а также отличалась твердостью характера и самостоятельностью. Пред ней все в Семье склонялись и вместе с сим искренно уважали. В обращении с прислугой она была внимательна, ласкова, вежлива, благородна, но очень редко разговаривала, вполне сознавая свое высокое положение дочери Императора. Как в духовно-религиозной жизни, так и во всех своих действиях и приемах брала пример с Матери, которую безпредельно любила и была ей не только любимой дочерью, но и душевным другом.

Великая Княжна Мария Николаевна унаследовала во всех отношениях, как внешних, так и внутренних, все качества своего Деда Императора Александра III. Крепость телосложения была у нее мужественная при совокупности редкой красоты. Она обладала большой силой, так что когда Цесаревич Алексей

Николаевич был болен и нуждался в передвижении, то Мария Николаевна носила его как малого ребенка. Характер этой девочки был весьма любвеобильный, сострадательный и миролюбивый. Никого она никогда не оскорбляла, а старалась всегда всех мирить. Это была юная миротворица. Простота ее была необыкновенная и вела она себя просто, как простая русская девушка, видя в каждом человеке брата и сестру. Своим веселым видом и остроумным шутливым разговором Мария Николаевна всех приводила из мрачного настроения в веселое. Она умела копировать поступки и выходки других и передавать их, когда нужно при разговоре, дабы унылого собеседника развеселить. С этой Царственной девочкой не было скучно и своим и чужим. Она умела развлечь и развеселить скорбящего и унылого, за что все ее любили и уважали. Хозяйством она, хотя не увлекалась, но помогала своей сестре Татяне Николаевне, оказывая ей полное послушание. Дворцовая прислуга больше всех детей любила Марию Николаевну за ее искреннюю простоту и любовь ко всем. Она была неизменной заступницей за провинившихся пред Отцом и Матерью. Она дружила с А. А. Вырубовой, делая с ней совместно много дел христианского милосердия. Эта юная Царевна была для всех светлым ангелом любви. Пред ее просьбами было трудно устоять не только любвеобильному Царю, но и Царице с алмазной силой воли. Невольно припоминается мне один из многих случаев ее дел любви и сострадания.

Во время Царского юбилейного путешествия в 1913 году, в одном из посещаемых Государем монастырей Владимирской епархии, Мария Николаевна заметила больную старицу схимонахиню, сидящую в кресле далеко в стороне; во время молебна она видимо попросила Отца подойти к этой страдальце и утешить ее. Кончился молебен. Государь пошел из храма, но неожиданно для всех сворачивает с дороги в сторону и подходит к больной схимонахине, которая от нечаянной радости заплакала. Государь поговорил с больной, ободрил и просил от нее благословения и молитв. Схимонахиня пришла в полное замешательство и не решалась на такое дерзновенное дело как благословение Помазанника Божия. Государь успокоил растерявшуюся старицу и вторично просил ее благословения. Она, наконец, благословила его, как мать благословляет сына и Государь поцеловал у нее руку. По примеру Отца поступили и дети. Старица от духовного восторга умильно плакала слезами

радости; виновница сего Мария Николаевна торжествовала, что имела возможность порадовать больную страдальницу скорбей беспросветных. Так эта юная Царевна с жизнерадостным лицом и любвеобильным сердцем всюду вносила радость, мир и утешение, являясь для всех ангелом утешения. Своими делами и поступками она напомнила не только своего Дедушку Царя-Миротворца, но и Прабабушку — Императрицу Марию Александровну, отличавшуюся добротой и сострадательностью к страждущим и обремененным судьбой.

Все дети любили свою родную тетушку Великую Княгиню Елисавету Феодоровну, всегда внимательно слушая ее сладкие духовные беседы, в которых особенно выделялась мысль, что на земле нет ничего прочного, постоянного и неизменчивого. Хотя бы веселое земное плескало волнами, но нет ему улады даже в царских чертогах. Суетно все счастье земное, оно непрочное, изменчиво, а потому полагаться на него неразумно, лучше следует достигать неизменного и необманчивого небесного счастья. Юные Царевны все эти слова принимали близко к сердцу и временами старшие даже мечтали временно пожить в числе рядовых сестер в обители у своей любимой тетушки.

Когда Великие Княжны посещали детские приюты, то здесь вели себя с детьми-сиротами как с родными, без брезгливости целуя и лаская их. Приход их в приют столько вносил с собою ласки и привета, что дети в восторге радости кидались обнимать их, целуя руки, толпясь около них. Дети своим чутким сердцем ощущали в них чистую, искреннюю, нежную к ним любовь. Детское сердце не обманывает.

Великая Княжна Анастасия Николаевна была еще совершенно юной девочкой, а потому трудно определить ее характер и душевный облик. Она как оранжерейный цветочек только распускалась, а неумолимая судьба не дала возможности ей расцвести. Она росла полденьким пухленьким ребенком, весело резвясь, не предвидя грядущего испытания. Она была резвее своих сестер, в то же время имела хорошие способности, но временами ленилась в учении. Это обычное явление у способных детей. Наружным видом она больше походила на своего Отца и Бабушку Императрицу Марию Феодоровну. Замечалось, что в ее детской душе таились добрые задатки искренности и откровенности. Анастасия Николаевна своей искренностью утешала своих Родителей, которым мало приходилось видеть этих благородных качеств среди окружающих людей.

Цесаревич Алексей Николаевич был мальчиком редких дарований. Он более всех детей походил на Отца, даже все обычаи и привычки унаследовал от него. Что же касается характера и силы воли, то таковые были им, видимо, унаследованы от Матери. Любимцем был этот ребенок своих Родителей, особенно Матери, которая любила его безумно. Не было дня, когда бы Мать не приласкала Сына, не наградив его многими материнскими горячими поцелуями. Императрица сама его воспитывала и даже преподавала науки жизни, внушая правила любви к Богу и ближним. Царица внушила своему Сыну, что пред Богом все равны и гордиться своим положением не должно, а надо уметь благородно держать себя, не унижая своего положения. По ее мнению, кто за оказываемое добро бывает неблагодарным, тот делает худо; но нам не должно переставать делать добро, ибо в великом сердце мщение держится не долго, как вода на покатоности гор. Свобода заключается прежде всего в том, чтобы иметь силу воли не делать никому зла, всех любить, не поддаваться греховному соблазну, творить правду, не нарушать Богом установленные законы и человеческие законоположения, если таковые не будут расходиться с первыми. Так Мать вкладывала в юное сердце Сына религиозно-благородное чувство, любовь к Богу и людям, давая ему не только телесную, но и душевную красоту, украшенную добросердечием и человеческим достоинством.

Алексей Николаевич с младенческих лет был здоровым ребенком, жизнерадостным, несказанно радуя своих Родителей. Но не долгою была эта родительская радость. В Спале, во время обычного ежегодного там пребывания, случилось с Цесаревичем роковое несчастье, и он до последних дней с перерывами тяжело болел. Юному страдальцу трудно было переносить свою тяжкую болезнь, а особенно эта болезнь отражалась на его любящей Матери, сердце которой не выдержало и также заболело серьезной болезнью: «пороком сердца».

Цесаревич всех радовал своим не по годам остроумием и смысленностью. Однажды, будучи еще ребенком, он играл со своим одноклассником мальчиком и ему нужно было его провести мимо часового, который не мог его пропустить по долгу службы. Тогда Цесаревич задумался, как бы это сделать. Наконец после долгого размышления подходит он к часовому, приказывает ему внимательно смотреть на вершину длинного дерева до тех пор, пока он ему не даст своего приказа. Часовой, не поняв

цели приказания, послушаться не мог. В это время Алексей Николаевич провел стоящего за углом мальчика мимо караульного поста, подошел к часовому, спросив его, не заметил ли он кого на дереве, поблагодарил за точное выполнение приказания и был доволен, что достиг своей цели.

Пережив великие скорби, принесенные после Японской войны внутренними беспорядками, покушениями на жизнь Государя, даже на жизнь Цесаревича, болезнь его и тяжкую болезнь любимой дочери Татианы Николаевны (тиф), Государыня, искавшая духовной поддержки, сильно расстроила нервы. О. Иоанн Кронштадтский заболел и скончался, кроме него, опытного руководителя не было. В то время среди ученого монашества выделялся ректор Петербургской духовной академии епископ Феофан⁵⁹. Первой познакомилась с владыкой Феофаном Великая Княгиня Милица Николаевна⁶⁰, на которую он произвел хорошее впечатление; затем Великая Княгиня рекомендовала его, как духовного руководителя, Государыне Александре Феодоровне. Императрица епископу Феофану, как человеку, стоящему по главе высшего богословского учебного заведения, во всем верила, оказывая в духовном отношении полное послушание, также, как она верила и оказывала послушание прежним духовным руководителям. Но, к несчастью Царицы, этот ученый аскет оказался на практике совершенно неопытным в духовной жизни. Он не умел познавать подлинное состояние души человека. Он сам долгое время верил в Г. Е. Распутина⁶¹, как истинного подвижника, молитвенника и даже прозорливца. Но этого мало: он проводит этого человека в Царский дворец, где рекомендует и представляет как великого в наше время подвижника, молитвенника и прозорливца. Это первая ошибка епископа Феофана. После такой рекомендации не малообразованного духовника, а магистра богословия, епископа и духовника, которому верили, как же было не поверить, особенно Императрице, так жаждавшей истинного духовного утешения после перенесенных безпримерных скорбей. Первое время епископ Феофан бывал во Дворце вместе с рекомендованным им старцем из крестьян, который своими загадочными словами сумел произвести хорошее впечатление. Нужно сказать, что посещение Дворца этими лицами было очень редкое и при соблюдении царского этикета. По показанию всей дворцовой прислуги, Григорий Распутин во Дворце бывал очень редко и всегда в присутствии Государя и Семьи. Не было случая за все время,

когда бы Распутин хотя бы пил чай в Царском дворце. Что писали в газетах была сплошная ложь. Когда он приезжал из своего села в Петроград, где временами жил подолгу, то к нему иногда посылали из Дворца преданных слуг, чрез которых он пересылал прошения разных просителей, прося милости к ним, обещая за исполнение молиться Богу.

Впоследствии у Григория Распутина с епископом Феофаном вышли неприятности, последний ставил в вину Григорию Распутину то, что якобы ему одна какая-то женщина открыла на исповеди — неблагопристойное поведение старца Григория. Епископ Феофан и здесь показал свою неопытность духовную, на слово поверил этой женщине, которая впоследствии оказалось все придумала; но это еще ничего, он доложил Царице, что ему на исповеди такая-то открывала нехорошее по отношению поведения Григория. Каково же было глубоко верующей Императрице слышать от своего духовника то, что ему было открыто на исповеди! Значит сегодня он будет говорить одно, завтра — другое. Царице было известно каноническое постановление о строжайшем наказании духовников, которые дерзают нарушить тайну исповеди, включительно до низведения подобных духовников в первобытное состояние. Этим своим поступком, недопустимым для духовника, он решительно оттолкнул от себя так преданную доселе духовную дочь — Царицу, которая чуть-чуть совершенно не потеряла веры в подобных епископов-духовников.

Подобному доносу своего духовника Императрица не только не поверила, а сочла его поступок самым недостойным и преступным против церковных канонов. Далее она рассуждала так: раз человек не побоялся Бога нарушить церковные каноны, то что для него стоит оклеветать человека из зависти и сведения личных счетов. Вот где была вторая роковая ошибка епископа Феофана. Григорий же воспользовался этим случаем, сказав, что епископ Феофан пошел против него потому, что он не поддержал его ходатайства по отношению к академии. Затем несколько случаев, предсказанных Григорием и исполнившихся, и отказ от своих слов, сказанных на исповеди епископу Феофану, женщины укрепили убеждение Царицы по отношению своего духовника епископа Феофана и Григория Распутина. Впоследствии ей казалось, что все то, что пишут и говорят про Григория, все это по зависти клеветают на него и трудно было ее в этом разубедить. По моему и других мнению он находился в

самообольщении, т. е., думая, что делает якобы доброе дело, на самом деле давал повод враждебной стороне чрез свою голову кидать грязь на Царскую Семью и подрывать ее авторитет. Я же лично пока затрудняюсь дать свое положительное определение о нем, ибо для этого нужно время и всестороннее знакомство с его жизнью и делами. В таких серьезных делах слухам и враждебной односторонней прессе доверять нельзя без основательной и всесторонней проверки.

Приведу по поводу этого человека мнение следователя чрезвычайной следственной комиссии, основанное на добытом материале после государственного переворота. Пусть сам читатель разбирается в этом весьма сложном и загадочном вопросе.

Насколько правильно освещала народу периодическая печать положение дел по отношению к Царской Семье, видно из доклада, составленного по распоряжению бывшего министра юстиции Керенского⁶², в чрезвычайную следственную комиссию по рассмотрению злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высоких должностных лиц товарищем прокурора Екатеринославского окружного суда Владимиром Михайловичем Рудневым⁶³, под заглавием: *«Правда о русской Царской Семье и темных силах»*:

«Состоя товарищем прокурора Екатеринославского окружного суда, 11 марта 1917 года ордером министра юстиции Керенского я был командирован в Петроград в чрезвычайную следственную комиссию по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других должностных лиц.

В Петрограде, работая в этой комиссии, я получил специальное поручение обследовать источники «безответственных» влияний при Дворе, причем этому отделу комиссии было присвоено наименование «обследование деятельности темных сил». Занятие комиссии продолжалось до последних чисел августа 1917 года, когда я подал рапорт об отчислении в виду попыток со стороны председателя комиссии присяжного поверенного Муравьева⁶⁴ принудить меня на явно пристрастные действия. Мне, как лицу командированному с правами судебного следователя, было предоставлено производство выемок, осмотров, допросов свидетелей и т. д. В целях всестороннего и безпристрастного освещения деятельности всех лиц, относительно которых в периодической печати и обществе составилось представление, как о людях, имевших исключительное влияние на

направление внутренней и внешней политики, мною были разобраны и осмотрены архивы Зимнего дворца, Царскосельского и Петергофского дворцов, а равно личная переписка Государя, Императрицы, некоторых Великих Князей, а также переписка, отобранная при обыске у епископа Варнавы⁶⁵, графини Игнатьевой⁶⁶, доктора Бадмаева⁶⁷, В. И. Воейкова⁶⁸ и других прежде высокопоставленных лиц. При производстве расследования было обращено особенное внимание на личность и характер деятельности Распутина и Анны Александровны Вырубовой⁶⁹, также и на отношения Царской Семьи к Германской императорской фамилии.

Считая, что задача моего обследования имеет громадное значение в смысле освещения событий, предшествовавших и сопровождавших революцию, я снимал копии со всех протоколов осмотра, проходивших через мои руки документов, а равно и со свидетельских показаний. Уезжая из Петрограда, я захватил все эти копии в Екатеринослав, где они хранились в моей квартире, но теперь, вероятно, разграблены при разгроме моей квартиры большевиками. Если сверх ожидания копии этих документов не уничтожены и я доживу до того времени, когда получу их в свои руки, то предполагаю опубликовать в печати их полностью, не делая никаких выводов и заключений. Теперь я считаю необходимым представить краткий очерк характеристики главных деятелей той области, которая называлась печатью и общественным мнением «областью темных сил». Причем, так как очерк составляется по памяти, то в нем, конечно, будет упущено много, быть может, интересных подробностей.

Прибыв в Петроград в следственную комиссию, я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина, вследствие читанных мною отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и безпристрастное расследование заставило меня убедиться, *насколько эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины.*

Наиболее интересной личностью, которой приписывают исключительное влияние на внутреннюю политику, был Григорий Распутин, а потому естественно, что его фигура явилась центральной при выполнении возложенной на меня задачи. Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за ним охранным отделением и веденного до самой его

смерти. Наблюдение за Распутиным велось двойное: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполнявших обязанности охранителей и лакеев. Журнал этих наблюдений велся с поразительной точностью изо дня в день и днем отмечались даже кратковременные отлучки, хотя бы на два-три часа, причем обозначалось как время выездов и возвращение, так и все встречи в дороге. Что же касается внутренней агентуры, то последняя отмечала фамилии лиц, посещавших Распутина, и всех просителей аккуратно вносили в журнал; при этом, так как фамилии некоторых не были известны агентам, то в этих случаях описывались подробные приметы посетителей.

Познакомившись с этими документами, допросив ряд свидетелей, фамилии которых в документах упоминались, сопоставив эти показания, я пришел к заключению, что личность Распутина, в смысле своего душевного склада, не была так проста, как об этом говорили и писали. Исследуя нравственный облик его, я естественно обратил внимание на историческую последовательность тех событий и фактов, которые в конечном итоге открыли для этого человека двери Царского дворца, причем я выяснил, что первым этапом в этом постепенном продвижении вперед было его знакомство с известными глубоко-религиозно настроенными умными епископами Феофаном и Гермогеном⁷⁰. Убедившись на основании тех же документов, что тот же Григорий Распутин сыграл роковую роль в жизни этих столпов Православной Церкви, будучи причиной удаления епископа Гермогена в один из монастырей на покой и низведением епископа Феофана на роль провинциального епископа, тогда как эти были истинно православные епископы, заметив проснувшиеся в Григории Распутине низменные инстинкты, открыто выступили с ним в борьбу. Я пришел к заключению, что несомненно в жизни Распутина, простого крестьянина Тобольской губернии, имело место какое-то большое и глубокое переживание, совершенно изменившее его психику, заставившее его обратиться ко Христу, так как только наличием этого искреннего богоискания Распутина в тот период времени и может быть объяснено сближение его с указанными выдающимися архипастырями. Это мое предположение, основанное на сопоставлении фактов, нашло себе подтверждение в безграмотно составленных Распутиным воспоминаниях хождения по святым

местам⁷¹. В этой книге написанное Григорием Распутиным дышит наивной простотой и задушевной искренностью. Опираясь на содействие и авторитет указанных епископов, Григорий Распутин был принят в домах Великих Княгинь Анастасии Николаевны⁷² и Милицы Николаевны, а затем чрез посредство последних знакомится с госпожой Вырубовой, тогда еще фрейлиной Танеевой, и производит на нее, женщину истинно религиозно настроенную, огромное впечатление; наконец, он попадает в Царский дворец.

Здесь у него, видимо, пробуждаются заглушенные низкие инстинкты и он превращается в тонкого эксплуататора доверия Высоких особ к его святости. При этом надо заметить, что он свою роль выдерживает с удивительно продуманной последовательностью, как показало обследование переписки по этому поводу, затем, как подтвердили свидетели, Распутин категорически отказался от каких-либо денежных пособий, наград, почестей, несмотря на прямые, обращенные к нему предложения со стороны Их Величеств, как бы тем подчеркивая свою неподкупность, безсребреничество и глубокую преданность Престолу, предупреждая в то же время Царскую Семью, что он единственный предстатель за них пред престолом Всевышнего, что все завидуют его положению, все интригуют против него и что поэтому к таким доносам надо относиться отрицательно. Единственное, что позволял себе Распутин, это оплата его квартиры из средств Собственной Его Величества канцелярии, а также принимать подарки собственноручной работы Царской Семьи: рубашки, пояски и проч. Входил Распутин в Царский дом всегда с молитвой на устах, обращаясь к Государю и Императрице на «ты» и трижды с Государем лобызался по сибирскому обычаю. Вместе с тем он говорил Государю: «Моя смерть будет и твоей смертью»⁷³. При этом установлено, что при Дворе он пользовался репутацией человека, обладавшего даром предсказывать события, облекая свои предсказания в загадочные формы по примеру древней пифии. Источником средств для Григория Распутина служили те прошения разных лиц по поводу перемещений, назначений, помилования, которые составлялись на Высочайшее Имя и передавались во Дворец через его руки. В целях большей авторитетности Распутин поддерживал такие ходатайства при беседе с Их Величествами, облекая их в особые формы предсказания, подчеркивая, что удовлетворение этих просьб ниспошлет особые дары и счастье Царской Семье и стране.

К сказанному выше необходимо добавить, что Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представляющей род гипноза. Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадка св. Вита у сына близкого знакомого Распутина — Симановича⁷⁴, студента коммерческого института, причем все явления этой болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного.

Запечатлен мной и другой яркий случай проявления этой особенной психической силы Распутина, когда он был вызван зимой 1914—1915 года в будку железнодорожного сторожа царскосельской дороги, где после крушения поезда лежала в совершенно безсознательном состоянии и с раздробленными ногами и с трещинами на черепе Анна Александровна Вырубова. Около нее в то время находились Государь и Императрица. Распутин, подняв руки вверх, обратился к лежащей Вырубовой со словами: «Аннушка, открой глаза». И тотчас она открыла глаза и обвела ими комнату, в которой лежала. Конечно, это произвело сильнейшее впечатление на окружающих, а в частности на Их Величества, и естественно содействовало укреплению его авторитета.

Вообще надо сказать, Распутин, несмотря на свою малограмотность, был далеко не заурядный человек и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться, особенно давая характеристики отдельным лицам. Его внешняя грубость и простота обращения, напоминая порою юродивого, были несомненно искусственны, чтобы подчеркнуть свое крестьянское происхождение и свою неинтеллигентность.

В виду того, что в периодической прессе уделялось слишком много внимания половой разнузданности Распутина, ставшей синонимом его фамилии, на это обстоятельство при производстве следствия было также обращено надлежащее внимание, а богатейший материал для освещения его личности с этой стороны оказался в данных того самого негласного наблюдения за ним, которое велось охранным отделением; при этом выяснилось, что амурные похождения Распутина не выходят из рамок ночных оргий с девицами легкого поведения и шансонетными певицами, а также иногда с некоторыми из его просительниц. Что же касается близости его к дамам высшего общества, то в

этом отношении никаких положительных материалов наблюдением и следствием добыто не было. Но имеются указания, что в пьяном виде он старался создать иллюзию своей интимной близости к высшим кругам, в особенности перед теми, с которыми он был в приятельских отношениях, и которым он был обязан своим возвышением. Так, например, при обыске у епископа Варнавы была найдена телеграмма Распутина на его имя: «Милый, дорогой, приехать не могу. Плачут мои дуры, не пускают».

В виду сведений, что Распутин в Сибири мылся в бане вместе с женщинами, родилось предположение о его принадлежности к секте хлыстов. С целью выяснить этот вопрос верховной следственной комиссией был приглашен профессор по кафедре сектантства Московской духовной академии Громогласов. Последний, ознакомившись со всем следственным материалом и считаясь с тем, что совместное мытье мужчин и женщин в банях является в некоторых местностях Сибири общепринятым обычаем, не нашел никаких указаний на принадлежность его к хлыстам. Вместе с тем, изучив все написанное Распутиным по религиозным вопросам, Громогласов также не установил никаких признаков хлыстовства⁷⁵. Вообще Распутин по природе был человек широкого размаха. Двери его дома были всегда открыты. Там всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь на его счет. В целях создания вокруг себя ореола благотворителя по слову Евангелия: «рука дающего, да не оскудеет», — Распутин, постоянно получая деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств, широко раздавал эти деньги нуждающимся, и вообще лицам бедных классов, к нему обращавшихся также с какими-либо просьбами, даже не материального характера. Сам он создавал себе популярность благотворителя и безсребренника. Кроме того, большие суммы Распутин сорил по ресторанам и загородным садам, вследствие чего никаких особенных средств после его смерти семья его, проживавшая в Сибири, не получила.

Следствием был собран многочисленный материал относительно просьб, проводимых Распутиным при Дворе; все эти просьбы касались, как было выше указано, назначений, перемещений, помилований, пожалований, проведения железнодорожных концессий и других дел, но решительно не было добыто никаких указаний на вмешательство Распутина в политические дела, несмотря на то, что влияние его при Дворе несомненно

было огромное. Примеры этого влияния многочисленны: так, между прочим, при обыске канцелярии Дворцового коменданта генерала Воейкова было обнаружено несколько писем на его имя такого содержания: «Генералу Воейкову. Милый, дорогой, устрой ее. Григорий». На подобных письмах оказались отметки, сделанные рукой Воейкова, сводившиеся к указанию имени, отчества и фамилии просителей, их местожительства, содержания просьбы, отметки об удовлетворении просьбы, об оповещении просителей. Тожественные по содержанию письма были найдены и у других высокопоставленных лиц. Но все письма касались исключительно просьб об оказании личных протекций по поводу различных случаев в жизни лиц, о которых ходатайствовал Распутин.

Он всем лицам, с которыми ему приходилось сталкиваться более или менее часто, давал прозвища, некоторые из них получали права гражданства и при Дворе; епископа Варнаву он называл «мотыльком», «сусликом»; Государя — «папой»; Государыню — «мамой». Прозвище Варнавы «мотылек» было обнаружено и в одном письме Императрицы к Вырубовой.

Признавая на основании всего следственного материала несомненное его большое влияние на Царскую Семью, этот же следственный материал приводит к заключению, что источником влияния Распутина при Дворе была личность высокого религиозного настроения Их Величеств и вместе с тем их искреннего убеждения в святости Распутина, единственного действительного предстателя и молитвенника за Государя, его Семью и Россию перед Богом, причем личность этой святости усматривалась Царской Семьей в отдельных случаях исключительного воздействия Распутина на психику приближенных к Дворцу лиц, как например, о чем указано выше, приведение в сознание А. А. Вырубовой, затем благотворное влияние Распутина на здоровье Наследника и ряд удачных предсказаний, при этом, конечно, указанное воздействие на психику должно быть объяснено наличием необыкновенной гипнотической силы Распутина, а верность предсказаний — всесторонним знанием им условий придворной жизни и его большим практическим умом.

Этим влиянием Распутина на Царскую Семью старались, конечно, пользоваться ловкие люди, способствуя тем самым развитию в нем низких инстинктов. Особенно ярко сказывалось это в действиях бывшего министра внутренних дел

А. Н. Хвостова⁷⁶ и директора департамента полиции Белецкого⁷⁷, которые, чтобы упрочить свое положение при Дворе, вошли в соглашение с Распутиным и предложили ему такие условия: выдавать из секретного фонда департамента полиции ежемесячно по три тысячи рублей и единовременные пособия в различных суммах, по мере надобности, которыми они будут указывать на желательные для них посты. Распутин согласился и, действительно, первые два-три месяца выполнял принятые на себя обязательства, но затем, убедившись, что такое соглашение для него не выгодно, как значительно сокращавшее круг его «клиентуры», он, не предупреждая об этом Хвостова и Белецкого, стал действовать самостоятельно на свой риск и страх. Хвостов, удостоверившись в неприкосновенности Распутина и опасаясь, что в конце концов он может начать действовать против него, решил открыто вступить с ним в борьбу, учитывая, с одной стороны, доброе расположение Царской Семьи, а с другой, рассчитывая на содействие Государственной думы, членом которой он был и которая относилась к Распутину с крайней ненавистью. При создавшемся положении вещей в очень тяжелом положении оказался Белецкий, не веривший в обаяние и мощь Хвостова при Дворе, а, наоборот, надлежало расценивающий исключительное обаяние Распутина на Царскую Семью.

После недолгого раздумья Белецкий решил изменить своему начальнику Хвостову, перейдя всецело на сторону Распутина. Заняв такую позицию, Белецкий, выражаясь языком Распутина, поставил себе целью свалить министра Хвостова. Конечным результатом борьбы Распутина и Белецкого против Хвостова явился так много шумевший в газетах пресловутый заговор против старца.

Инсценировка этого заговора была организована Белецким следующим образом. Он привлек для этой цели совершенно опустившегося в нравственном отношении бывшего инженера Гейне, содержателя игорных притонов в Петрограде, и тайно командировал его в Христианию, также к бывшему расстриг-монаху, известному Илиодору — Сергию Труфанову⁷⁸, бывшему прежде другом Распутина. Результатом этой поездки была посылка ряда телеграмм из Христиании к Гейне в Петроград о будто бы ими готовящемся покушении на жизнь Распутина. Так, например, в одной из телеграмм Илиодора к Гейне говорилось почти дословно следующее: «Наняты 40 человек, ждут. Прошу 39999»⁷⁹. Все эти телеграммы, как поступившие из

нейтральной страны во время войны, до выдачи их адресатам в копиях, сообщались в департамент полиции, но затем без надлежащего обследования, как то полагалось согласно законам военного времени, прямо вручались инженеру Гейне. Наконец, в один прекрасный день, Гейне, имея в руках эти телеграммы, является в виде раскаявшегося грешника в приемную Распутина и, представляя доказательство наличия заговора принесенными с собой телеграммами, чистосердечно сознается старцу, что участвовал в заговоре на его жизнь, передает все подробности этого заговора и кончает заявлением, что во главе его стоит министр внутренних дел Хвостов.

Все эти данные были сообщены Распутиным Царской Семье и повлекли за собой отставку Хвостова. Как подробности инсценировки этого заговора, интересен следующий факт: в телеграммах, поступивших к Гейне из Христиании, фигурирует ряд лиц, проживающих в Царицыне, входивших будто бы в сношение с Илиодором и даже приехавших к нему в Христианию для осуществления заговора. Однако проведенное по этому поводу по горячим же следам расследование чрез жандармскую полицию не только не подтвердило правдивость этих показаний, но с полной очевидностью показало, что поименованные лица из Царицына никуда не выезжали, как о том свидетельствовали акты осмотров домовых книг и других документов. Следует заметить, что Хвостов был очень лично ценим и уважаем Государем, а в особенности Императрицей, которые, по свидетельским показаниям личностей, близко стоящих ко Двору, считали его религиозно-нравственным и в высшей степени преданным Царской Семье и России. Один эпизод показывает, насколько Хвостов заботился и оберегал свои личные интересы: однажды он пригласил к себе жандармского генерала Комиссарова⁸⁰ и предложил ему немедленно, переодевшись в штатское, поехать к Распутину и привести его к митрополиту Питириму⁸¹, что тот и исполнил. Исполняя поручение Хвостова, Комиссаров вместе с Распутиным прошел в покои Питирима, где в одной из комнат их встретил служка Питирима, который, приняв их, удалился во внутренние покои с докладом к его Высокопреосвященству; вскоре в эту комнату вошел сам Питирим и здесь, когда ему Распутин представил генерала Комиссарова, последний заметил, как Питириму неприятно на этот раз появление в его покоях жандармского генерала. Тем не менее Питирим пригласил их следовать за собой, и когда они вошли в гостинную,

то увидели здесь сидевшего на диване Хвостова. При виде Распутина Хвостов стал нервно смеяться и переговариваться с Питиримом, а затем, пробыв недолгое время, попросил Комиссарова сопровождать себя домой. Комиссаров, оказавшись в очень неловком положении, совершенно не понимал происшедшего. В автомобиле Хвостов спросил Комиссарова: «Вы что-нибудь, генерал, понимаете?» — и получив отрицательный ответ, заявил: «Знаем теперь, в каких отношениях состоит Питирим с Распутиным, а ведь когда вы с ним приехали в покои митрополита и служка доложил ему о вашем приезде, то этот человек, не имеющий, по его словам, ничего общего с Распутиным, сказал мне: «Разрешите отлучиться на несколько минут, так как ко мне приехал именитый грузин». Этот эпизод мне стал известен из допроса генерала Комиссарова.

Из всех государственных деятелей Хвостов был ближе всех к Распутину. Что же касается до столь нашумевшего его отношения со Штюрмером⁸², то в действительности отношения эти не выходили из области обмена любезностями; Штюрмер, считаясь с влиянием Распутина, исполнял его просьбы относительно отдельных лиц, посылал Распутину иногда фрукты, вино и закуски, и данных о влиянии Распутина на направление политики Штюрмера следствием добыто не было решительно никаких.

Не больше была связь с Распутиным и министра внутренних дел Протопопова⁸³, которого Распутин почему-то называл «Калинин», хотя надо сказать, что Распутин относился к Протопопову с большой симпатией и всячески старался защищать его, хвалить и выговаривать перед Государем в тех случаях, когда почему-либо положение Протопопова колебалось. Распутин делал это всегда почти в отсутствии Государя в Царском Селе путем предсказаний Императрице, имевших характер изречения пифии, где сначала говорилось о других, и затем переходилось к восхвалению личности Протопопова. Подобное отношение Распутина к Протопопову создавало для последнего и благоприятное отношение со стороны Императрицы. При осмотре бумаг Протопопова было найдено несколько типичных писем Распутина, начинавшихся словами «милой дорогой», но всегда говоривших о каких-либо интересах частных лиц, за которых Распутин хлопотал. Среди бумаг Протопопова, также как и среди бумаг всех остальных высокопоставленных лиц, не было найдено ни одного документа, указывающего на влияние Распутина на внешнюю и внутреннюю политику. Протопопов

отличался, можно сказать, удивительной слабостью воли, хотя всю свою длинную карьеру до министра внутренних дел проходил в качестве выборного лица разных общественных групп, вплоть до должности товарища председателя Государственной думы.

Так как периодической печатью Протопопову приписывалась жестокая попытка подавления народных волнений в первые дни революции, якобы выразившаяся в установке на крышах домов пулеметов для расстрела безоружных толп манифестантов, то на предварительном следствии на это обстоятельство было обращено особое внимание председателем комиссии присяжным поверенным Муравьевым, поручившим обследование этих событий специальному следователю Ювжику-Компанейцу, установившему путем допроса нескольких сотен лиц, проверкой отобранных войсками пулеметов, найденных на улицах Петрограда в первые дни революции, что все эти пулеметы принадлежали войсковым частям и что ни одного полицейского пулемета не было не только на крышах домов, но и на улицах, причем вообще никаких пулеметов на крышах домов не стояло кроме ограниченного числа пулеметов с самого начала войны на некоторых высоких домах для защиты от налета неприятельских воздушных машин. Вообще нужно сказать, что в критические дни февраля 1917 года Протопопов проявил полную нераспорядительность и с точки зрения действовавшего закона преступную слабость.

Несомненно, в прессе и в Петроградском обществе создалось мнение о близких отношениях Распутина с двумя политическими авантюристами: доктором Бадмаевым и князем Андронниковым⁸⁴, будто имевшими через него влияние на политику. Следствие показало полное несоответствие этих слухов действительности; одно можно сказать, что оба эти лица всячески старались быть прихвостнями Распутина, на которого они вовсе такового не имели, и через то поддерживать мнение о своем якобы влиянии через него и при Дворе. Из этих двух лиц наиболее интересным по времени своей деятельности является князь Андронников, т. к. сколько-нибудь значительные связи Бадмаева с руководящими кругами относятся к царствованию Императора Александра III.

Личность и характер деятельности князя Андронникова на следствии с поразительной яркостью была освещена огромным количеством разных документов, отобранных мной при обыске

в его квартире, отнявшем у меня целых два дня в марте 1917 года. Из квартиры Андронникова я вывез в Зимний дворец в помещение комиссии на двух автомобилях колоссальный архив. При этом надо отдать должную справедливость князю Андронникову в том, что канцелярская часть у него была поставлена безукоризненно. Все делопроизводство его разбивалось по папкам на определенные министерства, которые, в свою очередь, распадались на департаменты. Дела оказались сложенными в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андронникова за их движением. При изучении их выяснилось, что князь Андронников за определенную мзду не гнушался никакими ходатайствами и предстательствами. Так одновременно князь Андронников ходатайствовал о выдаче пенсии вдове чиновника, не выслужившего срок на эту пенсию, как равно проводил через министерство финансов и земледелия сложный проект акционерной компании, в котором, по договору, он лично играл одну из видных ролей, — об орошении Мургабской степи, насколько помню.

Система, принятая князем Андронниковым, занимавшим скромный пост чиновника особых поручений Святейшего Синода, для проведения своих ходатайств была очень проста.

Согласно его признанию, получив сведения о назначении совершенно неизвестного ему лица на должность хотя бы директора департамента в каком-нибудь министерстве, он посылал этому лицу поздравительное письмо, трафаретно его начиная: «Наконец-то воссияло солнце над Россией и высокоответственный пост вверен ныне вашему превосходительству», — после чего следовал ряд разных лестных эпитетов, украшавших это лицо талантами, добродетелями и проч., а иногда к такому письму прилагался Андронниковым и образец его благословения. Естественно, что получение такого письма обязывало данное должностное лицо из чувства благодарности и деликатности ответом, а результатом этого являлся личный визит князя Андронникова к означенному сановнику в его служебный кабинет в департамент, чем и завязывалось знакомство. Такие посещения князя административных лиц сравнительно высокого ранга создавали у чиновников, служащих в канцелярии последнего, представление о добром отношении князя к их начальникам, а отсюда вытекало более внимательное отношение ко всем бумагам, поступающим в департамент через посредство князя.

Андронников, при стремлении своем увеличить представление об авторитетности своего мнимого влияния при Дворе, не гнушался никакими средствами, вплоть до дружбы с гоф-курьерами, которые, развозя Высочайшие приказы о пожаловании, неукоснительно заезжали к другу-князю, а последний не стеснялся в угощении их вином и яствами, тем временем осторожно вскрывал пакеты и узнавал таким образом содержание раскрытого о неожиданном высоком пожаловании, задерживая загулявшего курьера у себя в столовой, спешил по телефону поздравить с высоким отличием не ожидавшего или ожидавшего его сановника, давая ему понять, что ему известно об этом из непосредственного Высочайшего источника и тем, конечно, создавал у чиновника, когда к нему действительно приезжал через полчаса курьер с наградой, представление об исключительных связях князя при Дворе.

Угождая петроградским сановникам, князь Андронников, конечно, лез из кожи, чтобы угодить Распутину, как известно из показаний прислуги Андронникова, что он предоставлял свою квартиру для секретных свиданий Распутина с Хвостовым и Белецким, а также с епископом Варнавой. В то же время князь Андронников, желая попасть в тон царившему при Дворе религиозному настроению и создать этим же слух о своей религиозности, в своей спальне за особой ширмой устроил подобие часовенки, поставил большое распятие, аналой, столик с чашей для освящения воды, кропило, ряд икон, подсвечник, полное священническое облачение, терновый венец, хранившийся в ящичке аналая и проч.

При допросе мною князь Андронников старался умолчать о многом или извратить фактическую сторону данных обстоятельств, но, будучи уличен мною на основании письменных документов в заведомо ложном освещении событий, заявил мне: «Вы моя совесть», — давши клятвенное обещание в дальнейшем не погрешить, однако же через несколько минут допроса он мною вновь был изобличен в том же искажении истины. Тогда князь обратился ко мне и просил сообщить мое имя; я исполнил его просьбу и при следующем допросе князь заявил мне, что спрашивал мое имя для того, чтобы записать в поминаньице и молиться, как за хорошего человека.

Из допроса лиц, близко стоящих ко Двору, как например семьи Танеевых, Воейкова и других, я выяснил, что князь Андронников не только не пользовался каким-нибудь авторитетом

при Дворе в Царской Семье, но отношение ее к нему было критически-ироническое.

Доктор тибетской медицины Бадмаев водил знакомство с Распутиным, но их личные отношения не выходили из рамок отдельных услуг со стороны Распутина по проведению очень немногочисленных ходатайств Бадмаева. Будучи бурятом, Бадмаев составил несколько брошюр о своем крае и по этому поводу имел несколько аудиенций у Государя, но эти аудиенции не выходили из ряда обычных и отнюдь не носили интимного характера⁸⁵.

Хотя Бадмаев и был врачом министра внутренних дел Протопопова, однако Царская Семья относилась критически к способам его врачевания. Григорий Распутин тоже не был поклонником тибетской медицины, а по допросам дворцовой прислуги у Царских Детей в качестве врача никогда не появлялся.

Дворцовый комендант Воейков допрашивался мною несколько раз в Петропавловской крепости, где он был заключен. Особым авторитетом и влиянием при Дворе, судя по переписке, найденной у него при обыске (главным образом писем его жены⁸⁶, дочери министра Двора графа Фредерикса⁸⁷, относящимся к 1914, 1915, 1916 годам), он не пользовался, но был ценен как преданный человек, по крайней мере Царская Семья считала его таковым, хотя лично я из целого ряда бесед с ним такого впечатления не вынес. Отношение Воейкова к Распутину, насколько эти отношения вылились в письмах первого к жене, были отрицательными. В некоторых из этих писем Воейков называл его злым гением Императорского Дома в России, находя, что этот человек своей близостью к Двору дискредитирует Трон и дает богатую пищу для всякого рода самых невероятных слухов, толков и разговоров, которые всегда могут быть использованы антигосударственными группами. Вместе с тем, считаясь с несомненным влиянием Распутина на Царскую Семью, Воейков не находил в себе достаточно гражданского мужества отказать Распутину в удовлетворении отдельных частных просьб о назначениях, повышении, выдаче пособия и т. п. относительно тех лиц, за которых хлопотал Распутин. Это видно из пометок Воейкова на вышеупомянутых мною письмах к нему Распутина, найденных при следствии. Вообще, Воейков произвел на меня впечатление карьериста, дорожившего своим постом и неспособного оценить внимание и искреннее расположение, которое к нему питали как Государь, так и Императрица. В письмах

жены к нему от 1913 года она умоляла его оставить службу в виду нарастающего революционного движения, причем она предостерегала мужа, что при крушении государственного аппарата его постигнет ужасная участь. Эти письма г. Воейковой все проникнуты болезненной ненавистью к Распутину, как несомненному виновнику грядущих, по ее словам кошмарных, событий. Вполне разделяя взгляды жены на этот счет, Воейков, тем не менее, отставался на своем посту, чтобы разоблачить Распутина и выяснить настоящую его физиономию перед Царской Семейей.

Много наслышавшись об исключительном влиянии Вырубовой при Дворе, об ее связях с Распутиным, будучи, можно сказать, насквозь пропитан теми инсинуациями, которые помещались об этой женщине в нашей прессе и циркулировали в обществе, я шел на допрос к Вырубовой в Петропавловскую крепость, откровенно говоря, настроенный к ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня и в канцелярии Петропавловской крепости вплоть до момента появления Вырубовой под конвоем солдат. Когда же вошла Вырубова, то меня сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих к ней подтвердилось. После первой же недолгой беседы я убедился в том, что она в силу своих индивидуальных качеств не могла иметь абсолютно никакого влияния не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику государства, с одной стороны, вследствие чисто женского отношения ко всем тем политическим событиям, о которых мне приходилось с ней беседовать, а, с другой стороны, вследствие чрезмерной ее словоохотливости и полной неспособности удерживать в секрете даже такие эпизоды, которые после достаточного анализа при поверхностной их оценке могли бы набрасывать тень на нее саму. В дальнейшей беседе я убедился, что просьба, сообщенная к Вырубовой, удержать что-либо в секрете была равносильна тому, чтобы выйти на площадь и об этом секрете объявить всенародно, так как она, узнав что-либо такое, чему она придавала значение, тотчас же рассказывала об этом не только своим близким, но даже мало знакомым людям. Достаточно ознакомившись за время этих бесед с интеллектуальными особенностями г. Вырубовой, я невольно остановился на двух основных вопросах: 1) о причинах

нравственного ее сближения с Распутиным и 2) о причинах ее сближения с Царской Семейей.

При разрешении первого вопроса я натолкнулся случайно в разговоре с ее родителями гг. Танеевыми⁸⁸ (статс-секретарь Александр Сергеевич Танеев, управляющий Собственной Его Величества канцелярией, женатый на графине Толстой) на один эпизод в жизни их дочери, который по моему мнению сыграл роковую роль в подчинении ее воли влиянию Распутина. Оказалось, что г. Вырубова, будучи еще 16-летним подростком, заболела брюшным тифом в тяжелой форме. Болезнь эта вскоре осложнилась воспалением брюшины и врачами положение ее было признано почти безнадежным. Тогда гг. Танеевы, большие почитатели гремевшего в то время на всю Россию отца Иоанна Кронштадтского, пригласили его отслужить молебен у постели больной дочери. После этого молебна в состоянии больной наступил благоприятный кризис и она стала быстро поправляться. Этот эпизод произвел несомненно огромное впечатление на психику религиозной девушки-подростка и с этой минуты ее религиозное чувство получило преобладающее значение при решении всех тех жизненных вопросов, которые возникли у нее по различным поводам.

С Распутиным г. Вырубова впервые познакомилась в гостинной Великой Княгини Милицы Николаевны, причем знакомство это не носило случайного характера, а Великая Княгиня Милица Николаевна подготовила к нему Вырубову путем бесед с ней на религиозные темы, снабжая ее в то же время соответствующей французской оккультической литературой. Затем, однажды Великая Княгиня пригласила Вырубову к себе, предупредив, что в ее доме она встретится с великим молитвенником земли Русской, обладавшим даром прорицания и способностью врачевания. Эта первая встреча г. Вырубовой, тогда еще девицы Танеевой, произвела большое впечатление, в особенности в силу того, что она предполагала тогда вступить в брак с лейтенантом Вырубовым. При этой первой встрече Распутин много говорил на религиозные темы, а затем на вопрос своей собеседницы, благословляет ли он ее намерение вступить в брак, ответил иносказательно, заметив, что жизненный путь усеян не розами, а терниями, что он очень тяжел и что в испытаниях и ударах судьбы человек совершенствуется.

Вскоре последовавший брак этот был совершенно неудачным. По словам г. Танеевой, муж ее дочери⁸⁹ оказался полным

импотентом (неспособным к супружеской жизни), но при том с крайне развращенной половой психикой, выражавшейся в различных половых проявлениях садизма, чем он причинял своей жене неопишуемые нравственные страдания и вызывал чувство полного отвращения. Однако г. Вырубова, памятуя слова Евангелия «еже Бог сочел не разлучает», долгое время скрывала свои нравственные переживания от всех и только по силе одного случая, когда она была на волосок от смерти на почве садистических половых извращений своего супруга, она решилась открыть матери свою семейную драму. Результатом такого признания г. Вырубовой было расторжение брака в установленной законной форме. При дальнейшем производстве следствия эти объяснения г. Танеевой о болезни супруга ее дочери дали себе полное подтверждение в данных медицинского освидетельствования г. Вырубовой, произведенного в мае 1917 года по распоряжению чрезвычайной следственной комиссии. *Данные эти установили с полной несомненностью, что г. Вырубова девственница* *.

* Вот каким неожиданным, прямо-таки чудесным образом, Господь Бог разрушает все козни врагов правых людей! Как чудесно торжествует правда Божия! Замужняя женщина оказалась девственницей. Это та женщина, на которую лживая пресса выплила столько грязи, как ни на одну женщину в мире. Подлые клеветники были убеждены, что нет средств доказать ее чистоту, коль скоро она вышла замуж и прожила с мужем несколько лет. Верили клевете почти все, и духовные и мирские, и свои и чужие. Защиты от клеветы не было, ибо люди так низко пали, что потеряли способность отличать правду от лжи. Но Господь Бог, для Которого нет ничего невозможного, решил поразить гнусных клеветников с самой непредвиденной для них стороны: *г. Вырубова осталась девственницей*. Самый позор медицинского осмотра, которым хотели злые люди еще более опозорить невинную, явился победой, посрамлением своих врагов. Самое терпение этой великой по своим душевным качествам женщины-девственницы есть один из величайших даров, служит полным доказательством, что она получила защиту не от людей, так низко павших, а от Правосудия Божия, совершившегося чрез тех же людей, которые стремились не защитить ее от коварной клеветы, но еще больше унижить, опозорить и совершенно затоптать в грязь. Это есть одно из великих чудес нашего времени. Разве не чудо быть среди соблазна замужней женщины и для обличения вероломной клеветы остаться девственницей! Да, это дело

Вследствие неудачно сложившейся семейной жизни, религиозное чувство А. А. Вырубовой развивалось все сильнее и сильнее и, можно сказать, стало принимать характер религиозной мании; при этом предсказание Распутина о терниях жизненного пути для Вырубовой было истинным пророчеством. Благодаря этому она стала чистой и искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался ей в виде святого человека, безсребренника и чудотворца.

При разрешении второго из поставленных мною выше вопросов, уяснив себе нравственный облик Вырубовой, а также и детально изучив во время следствия жизнь Царской Семьи и нравственный облик Императрицы Александры Феодоровны, я остановился невольно на признанном психологией положении, что противоположности часто сходятся, дополняя друг друга и придают этим себе нравственное устойчивое равновесие. Неглубокий ум Вырубовой и чисто фиолософский склад мышления Императрицы были двумя противоположностями, друг друга дополнявшими. Разбитая семейная жизнь Вырубовой заставила ее искать нравственного удовлетворения *в удивительно дружной, можно сказать, идеальной семейной обстановке Царской Семьи*. Общительная и безкорыстная натура Вырубовой вносила ту искреннюю преданность и ласку извне, которой не хватало в тесно замкнутой Царской Семье со стороны царедворцев их окружающих. А вообще у этих столь различных двух женщин нашлось тоже общее — это любовь к музыке. Императрица обладала приятным сопрано, а у Вырубовой хорошее контральто, и они часто в минуты отдохновения пели дуэты. Вот те условия, которые у непосвященных в тайны близких отношений между Императрицей и Вырубовой должны были породить слухи о каком-то исключительном влиянии Вырубовой при Дворе. Она [им] не пользовалась и пользоваться не могла; слишком большой был перевес умственных волевых данных у Императрицы по сравнению с безхарактерной и умственно-ограниченной, но беззаветно преданной и горячо любящей сначала фрейлиной Танеевой, а затем сделавшейся домашним человеком в Царской Семье г. Вырубовой. Отношения Императрицы к Вырубовой можно определить отношениями матери к дочери, но не больше того. В дальнейшем связывающим

выше человеческого разума, это дело Божественного Провидения! — Автор.

звеном этих двух женщин было одинаково развитое, как у одной, так и у другой, то религиозное чувство, которое привело их к трагическому поклонению личности Распутина.

Мои предположения о нравственных качествах г. Вырубовой, выясненные из продолжительных бесед с ней в Петропавловской крепости, в арестантском помещении, и, наконец, в Зимнем дворце, куда она являлась по моим вызовам, вполне подтвердилось проявлением ее чисто христианского всепрощения в отношении тех, от кого ей много пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости. И здесь необходимо отметить, что об этих издевательствах над г. Вырубовой со стороны крепостной стражи я узнал не от нее, а от г. Танеевой. Только лишь после этого г. Вырубова подтвердила все сказанное матерью, с удивительным спокойствием и незлобностью заявила: «Они не виноваты, не ведают то, что творят»⁹⁰. По правде сказать эти печальные эпизоды издевательства над личностью Вырубовой тюремной стражи, выражавшиеся в форме плеванья в лицо, снятия с нее одежды и белья, сопровождаемого битьем по лицу и по другим частям тела больной, еле двигавшейся на костылях женщины и угрозами лишить жизни «наложницу Государя и Григория», побудили следственную комиссию перевести г. Вырубову в арестное помещение при бывшем губернском жандармском управлении.

В смысле освещения интересовавших меня событий г. Вырубова являлась полной противоположностью князя Андроникова. Все ее объяснения на допросах в дальнейшем, при проверке их на основании подлежащих документов, всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью. Единственным недостатком показаний г. Вырубовой являлось чрезвычайное многословие, можно сказать, болтливость и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую, не отдавая себе в этом отчета, т. е. опять-таки качества, которые не могли создать из нее политическую фигуру. А. А. Вырубова всегда просила за всех, потому к ее просьбам при Дворе было осторожное отношение, как бы учитывалось ее простодушие и простота.

Нравственный облик Императрицы Александры Феодоровны достаточно ярко выяснился для меня из ее переписки с А. А. Вырубовой и с Государем. Эта переписка, веденная на французском и английском языках, была вся проникнута горячим чувством любви к мужу и детям. Воспитанием и образованием

своих детей Императрица заведывала лично сама, почти по всем предметам, кроме узко специальных. В упомянутой переписке Императрица неоднократно указывала на то, что детей не надо баловать игрушками и пробуждать в них страсть к роскоши. Вместе с тем, также переписка носила печать глубокой религиозности. Государыня в письмах к мужу часто описывает свои переживания во время прослушанных ею богослужений и часто говорит о чувстве полного удовлетворения и нравственного покоя, которые она испытывала после горячей молитвы. Вообще надо заметить, что во всей этой обширной переписке почти нет никаких указаний, ни рассуждений на политическую тему. Переписка эта носит чисто интимный, семейный характер. Те места переписки, в которых говорится о Распутине, именуемом в ней «старцем», достаточно освещают отношение Императрицы к этому человеку, как проповеднику слова Божия, как прорицателю и искреннейшему молитвеннику за Царскую Семью. Во всей этой переписке на протяжении почти десяти лет мне не попало ни одного письма, написанного на немецком языке, а допросом приближенных ко Двору лиц я установил, что немецкий язык еще задолго до последней всемирной войны при Дворе не применялся.

В связи с упорными слухами об исключительной симпатии Императрицы к немцам и о существовании в царских покоях прямого провода в Берлин мною были тщательно произведены осмотры помещений Императорской Фамилии, причем никаких указаний на сношение Императорского Дома с немцами во время войны установлено не было.

При проверке же мною слухов об исключительном благожелательном отношении Императрицы к раненым военнопленным немцам выяснилось, что отношения ее к раненым немцам были такими же одинаково теплыми, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла лишь выполнением завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его Самого.

В силу многих обстоятельств, в том числе и постоянного болезненного состояния Императрицы, вследствие ее болезни сердца, Царская Семья вела удивительно замкнутый образ жизни, что естественно способствовало самоуглублению и развитию религиозного чувства, принявшего у Государыни совершенно исключительный преобладающий характер. На почве этой религиозности Императрица Александра Феодоровна

вводила монастырский устав богослужения в некоторых придворных церквах, с особым наслаждением, несмотря на болезненное состояние, выстаивала до конца длившиеся долгими часами службы. Это исключительное настроение Императрицы Александры Феодоровны и послужило единственной причиной преклонения ее пред личностью Григория Распутина, который несомненно, как уже было объявлено, обладал способностью внушения, благотворно действующего в некоторых случаях на состояние здоровья больного Наследника. При этом вследствие своей религиозности Императрица не могла объективно оценить источники несомненно поразительного влияния Распутина на состояние здоровья Наследника и искала этот источник не в гипнотической силе, а в тех высших небесных силах, которыми был наделен, по ее глубоким убеждениям, за свою святую жизнь Распутин.

Года за полтора до переворота 1917 года известный бывший иеромонах Илиодор (Труфанов), о котором уже было выше упомянуто, прислал в Петроград из Христиании свою жену⁹¹ с поручением предложить Царской Семье купить у него в рукописи написанную им книгу «Святой чорт», где он описывает отношения Распутина к Царской Семье, набрасывая на эти отношения тень скабрёзности. Этим вопросом заинтересовался департамент полиции, который на свой риск и страх вступил в переговоры с женой Илиодора о приобретении этой книги, за которую Илиодор просил, насколько я помню, 39999⁹². В конце концов дело это было предоставлено на усмотрение Императрицы Александры Феодоровны, которая с негодованием отвергла гнусное предложение Илиодора, заявив, что белое не сделаешь черным, а чистого человека не очернишь*.

* Бывший иеромонах Илиодор, кандидат богословия Петербургской духовной академии, расстригся и отрекся от Православной Церкви, начал проводить жизнь безнравственную, чем не только уронил себя в глазах верующих людей, но и потерял всякое доверие. Его кощунственная книга содержит в себе вероломную ложь, написанную по внушению древнего мирового лжеца и обманщика дьявола. Этот человек не устранился солгать перед Богом, что стоило ему нагло и коварно лгать перед людьми. Применимы к нему слова Евангелия: *«Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе; а злой человек из злого сокровища выносит злое»* (Мф. 12, 34–35). — Автор.

Считаю нужным обратить внимание, что в деле выдвижения Распутина ко Двору принимали в свое время горячее участие: Великие Княгини Анастасия и Милица Николаевны, Императорский духовник епископ Феофан и епископ Гермоген. Поэтому отношение Императрицы Александры Феодоровны к Распутину было с первых же шагов доверчиво-благожелательным и с течением времени оно только усиливалось, вследствие причин, уже нами указанных».

Приведенный доклад подписан Владимиром Михайловичем Рудневым 28 марта 1919 года в гор. Екатеринославе, а 31 марта он был передан генералу-майору М. Д. Нечволодову⁹³ с правом перевода и издания на всех европейских языках. Подпись Руднева засвидетельствована состоящим при управлении иностранных дел Добровольческой армии [действительным] [штатским] советником Михаилом Ивановичем Догэлем в гор. Екатеринославе 31 марта 1919 года. Копию подлинного документа читал 10/23 мая 1919 года в Париже Лейб-гвардии Петроградского полка капитан Булыгин⁹⁴, который нам и доставил засвидетельствованную копию выше приведенного нами доклада⁹⁵. Не говорит ли этот доклад, человека предубежденно настроенного, всеми силами старающегося найти что-либо дискредитирующее Царскую Семью, за то, что лживая пресса, движимая какой-то неведомой рукой, вероломно интриговала, дискредитировала Трон самыми невероятными слухами, толками и сплетнями, чем давала пищу антигосударственным группам.

Как я уже высказывал свое мнение: Григорий Распутин, как человек недалёковидный, находящийся в самообольщении, сам не сознавал того, что чрез его голову кидали грязь в Царскую Семью. Преданность его Царской Семье на основании следственного материала не подлежит сомнению, ибо он ее запечатлел своей смертью. Что же касается его личных ошибок и грехов, то за них он сам ответит пред Богом, как ответила блудница, которую хотели побить камнями лицемерные фарисеи, с более грязной душой, чем осуждаемая ими блудница.

Слишком наивны и близоруки были те люди, которые всецело приписывали внутренние антигосударственные волнения этому человеку. Он был просто «притчей во языцех» в руках тех, которые вели целое столетие подкоп под Россию и монархию.

Даже убившие его убежденные патриоты⁹⁶, настолько были ослеплены вероломством, коварством и интригами окружающей их среды, что, убивая его, думали сделать благое дело, на самом же деле уронили искру для политического пожара, уничтожившего государственное здание до основания.

Не напрасно сказано в Евангелии: *«когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу»* (Ин. 16, 2). Убивая мнимого виновника государственных волнений, обманутые патриоты думали, что будет «тишь и гладь и Божья благодать», а вышло противное. Смуты и волнения усилились, травля на Царя и Семью увеличилась, а в заключение подлинные виновники всех бед и волнений жестко расправились с Царем, Семейей и с истинно русскими людьми... Вместо жизни в мире и тишине, явилась жизнь в небывалом волнении и безпримерных скорбях. Россия разорвана на части, заливаемая кровью и слезами. Если бы антигосударственные люди не нашли для себя козла отпущения в лице Распутина, то они выдумали бы иного.

Их непримиримая злоба кипела и клокотала, ярость и месть настолько объяли их, что, стремясь якобы осуществить наилучшим образом идеи государственной власти, могущей обезпечить материальные блага, они не замечали, как в них самих рушилась вера в Бога и в идею богодарованной власти Царя-Помазанника Божия. А близорукий обманутый народ не замечал того, как его мнимые благодетели перетирали держатель государственных весов и, опрокинув весы, увлекли Россию на дно бездны мировой войны и жестокой анархии.

Государь обладал даром редкой выдержки и спокойствия духа, что принадлежит к исключительным дарованиям Божиим для подвижников христианского благочестия. Как дворцовая прислуга, так и приближенные к нему не видели Государя в таком виде, в каком бывают люди, не владеющие собой. Какая бы скорбь или неприятность с ним ни случалась, он умел владеть собой и крепиться духом. Давал ли указания министру, делал ли внушения провинившемуся, он не выходил из себя, а в полном спокойствии делал это. Его спокойное слово оставляло в людях более глубокие следы, чем слово[произнесенное] в порыве раздражительности. Он требовал и от своих сотрудников всегда уметь владеть собой, давая понять им, что в момент раздражительности человек теряет трезвый рассудок и наносит вред самому себе, делу и своему подчиненному. Люди, служившие при Государе, все единогласно утверждали, что никто из них, за все

время своей службы, не видел Государя, вышедшего из себя в порыве раздражительности, или, чтобы он кого-нибудь оскорбил грубым заносчивым словом. По словам их, это был человек исключительной доброты, всегда готовый всех прощать и миловать. В семейной жизни Государь был горячо любящим мужем и отцом, свято храня брачный закон. Никто из дворцовой прислуги не видал Августейших Супругов в размолвке, а всегда они были удивительно дружны между собой, согласны в убеждениях и духовных воззрениях и ни разу не запятнали изменой своих брачных венцов.

По словам той же придворной прислуги, Императрица имела характер твердый. Она как детей, так и прислугу держала в полном послушании. Царицу все слушались, боялись чем-либо оскорбить не столько из-за страха, сколько из-за любви к ней, ибо, несмотря на ее строгость, все ее любили и уважали. Она была строга и аккуратна к себе, того же требовала и от других. Всякое свое распоряжение Царица давала обдуманно и сознательно, твердо помня свои слова. Она не любила тех, кто умел много говорить языком, а дела не делал, часто напоминая мудрую поговорку людскую: «Молчание золото, а слово серебро». Как выше я писал, Государыня не любила роскоши и мотовства, в таком духе воспитывала и детей. Такого же взгляда был и Государь. Он был бережлив настолько, что у него парадный невоенный костюм хранился с жениховских времен, который он в нужное время и надевал, не заводя нового по сезону.

Придворные дамы, поклонницы моды и излишней роскоши не любили Императрицу по-видимому за то, что она чуждалась их, не устраивая для них по примеру прошедших лет балов, приемов и журфиксов для праздных разговоров и ходячих сплетен. Либеральные круги общества начали клеветнический поход против Государыни, как нам кажется за то, что она была сторонница политики твердой власти покойного Царя-Миротворца Александра III. Особенно на нее обрушились эти круги общества с 1912 года, когда по ее усиленному старанию Россия избежала войны, в которую ее втягивали. Будущие поколения истинно русского народа оценят эту Императрицу, которая желала только блага и счастья России. Если она, будучи верна своему долгу, не шла по пути либеральных кругов общества, зато она и не ответит за те бедствия России, к каким привели ее эти вольнодумствующие люди. Если бы даже здесь на земле люди не сознали своих ошибок по отношению к Императрице, то

Испытующий сердца одобрит в свое время ее добрые дела. Как бы ни поносили Императрицу гнусные клеветники, но правосуден Господь, знающий все дела каждого человека, Который в свое время откроет все и правое и не правое. Какая польза человеку, если вся вселенная удивляется ему и восхваляет его, а Господь наш непогрешимый Судия осудит его в тот страшный день. Зная это, Императрица не искала похвалы людской, да это было и не в ее характере. Ее девизом было делать дела добрые здесь на земле, дабы не быть осужденной там на небе Господом Богом.

День Императрицы проходил в постоянных трудах и заботах, и она дорожила малейшим свободным временем, распределяя его на полезное. После утренней молитвы Государыня занималась по домашнему хозяйству и воспитанию детей; в часы отдыха читала книги, предпочитая литературу более религиозно-духовного содержания, а также занималась с дочерьми рукодельными работами. Вечером вся Царская Семья обменивалась своими дневными впечатлениями. Императрица сама совершала вечернюю молитву перед сном, того требовала и от своих детей. Говела и приобщалась св. Христовых Таин Царица несколько раз в течение года, каждый раз готовясь к сему постом и молитвой. Любила она говеть тайно от посторонних глаз, знали об этом только духовник и круг самых близких лиц. Государыня вообще любила посещать церковные богослужения; в церкви, где она бывала более часто, был сделан в укромном уголке аналой, у которого она стояла, следя за службой по богослужебным книгам⁹⁷. Вообще надо сказать, что жизнь Царской Семьи проходила подобно жизни первых Царственных Семейств христианских.

Много содействовали духовному возвышенному настроению Царской Семьи все новые и новые прославления Богом святых молитвенников и чудотворцев. В 1911 году Господь прославил святителя Иоасафа Белгородского, жившего на земле в годы народных смут и волнений. Дед св. Иоасафа зверски был изрублен предателями. Затем была прославлена и причтена к лику святых благоверная Великая Княгиня Анна Кашинская, в молодых годах потерявшая своего любимого супруга, жизнь свою положившего за Отчизну в орде татарского хана, ранее Богом прославленного нетлением и чудесами. В 1912 году прославляется Всевышним великий патриот земли Русской святейший Патриарх Ермоген, бодро и смело давший свое благословение

патриотам, в то же время предав проклятию изменников и предателей родной матери Отчизны, сказав, что он боится только «Единого живущего на небе». В 1913 году было совершено открытие честных мощей святейшего Патриарха Ермогена, совпавшее с празднованием трехсотлетия Царствующей Династии. Это религиозно-патриотическое торжество было по своей грандиозности и подъему народного духа еще небывалое в России. Трудно было описать тот религиозно-патриотический дух преданного долгу и верующего народа, какой царил во время юбилейного путешествия по городам и весям, связанным с юбилеем. Мне лично пришлось быть свидетелем сего, но оказалось это торжество роковым, каким было и торжество Небесного Царя со славою входящего на молодом осляти в Иерусалим при возгласе народа: «*Осанна! Благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев!*» А спустя несколько дней тот же народ, натравленный, обманутый вероломными подстрекателями, злобно кричал: «*Распи, распи Его!*» Восторг народа при виде шествующего на осляти Того, Который воскресил четырехдневного мертвеца Лазаря, всполошил вероломных врагов Его и тем ускорил злодейский заговор против Него. Так и здесь, небывалый религиозно-патриотический подъем верующего православного народа во время путешествия Православного земного Царя всполошил врагов его и России и ускорил коварный заговор против него и России.

В 1912 году была создана кем-то война Турции с Грецией, Болгарией, Сербией и Черногорией, в заключение передравшихся между собой. Неведомая рука всеми силами еще в тот раз втягивала Россию в войну под благовидным предлогом защиты единоверных народов от ига Турции. Если бы Россия поддалась этому тайному втягиванию, то еще тогда бы разразилась мировая война, ибо Турция была в союзе с Германией. Положение было весьма тревожное. Большинство и своих и чужих уговаривали Государя вступить за обиженных единоверных христиан. Государь колебался, ибо его сердобольное сердце желало помочь христианам, но в то же время он хорошо сознавал, что это может вызвать небывалую по кровопролитию войну. В эти трудные минуты колебания Царя Императрица, доселе не вмешивавшаяся в политику, умоляла Государя как-нибудь уладить дело на Балканах мирным путем, ни в коем случае не допуская вооруженного вмешательства. Государь сам был всецело склонен к такому решению, но один не мог этого сделать, ибо слишком

велика была сила политической интриги, втягивающая в омут войны. Нужна была еще посторонняя сила, которая помогла бы удержать Россию от этого рискованного шага. Такой силой явился германский император Вильгельм II, приехавший в Россию 21 июня и пробывший в Балтийском порте до 23 июня.

Впоследствии, по поводу войны с Германией, министр иностранных дел Сазонов⁹⁸, вспоминая, между прочим, свидания монархов России и Германии, говорил членам Государственной думы: «Несомненно, что если бы берлинский кабинет захотел, он мог бы вовремя одним властным словом остановить свою союзницу так же, как он сделал это во время Балканского кризиса».

Вообще трудно было ладить Государю со своими и чужими. Надеялся он на поддержку в управлении на Государственную думу, но она с первого же заседания стала в оппозицию Государю, закончив Выборгским воззванием, призывающим к восстанию. Вторая дума тоже, вместо продуктивной работы, занималась разжиганием политических страстей и закончила тем, что некоторые члены ее участвовали даже в заговоре против Государя. Третья дума только говорила и говорила, ничего не сделав на благо России и народа, а четвертая превратила Россию в развалины...

Появление необычайной по величине кометы, землетрясения и других небесных знамений предвещали что-то недоброе, злое, сулящее человечеству тяжкие скорби и испытания.

VIII

МИРОВАЯ ВОЙНА

Прежде всего задаешь себе вопрос: из-за чего и почему загорелась мировая война и кому она была нужна? Желал ли русский Император этой войны? Вот на эти основные вопросы хотелось бы найти краткие ответы, дабы увидеть хотя малый просвет в тьме непросветной. Более обстоятельные на них ответы будем ждать от беспристрастных государственной мысли людей с истинно русской душой.

По моему мнению, убийство австрийского наследника и ультиматум Австрии к Сербии вряд ли можно считать подлинным поводом к войне. Под этим поводом скрывается что-то более

серьезное, тайное, коварное и вероломное действие какой-то неведомой воли⁹⁹... Близоруко было мнение и либеральной прессы, что эта война была нужна для славянства, как война за освобождение славянства якобы от гнета тевтонского. Если это так, то почему же потерпело крушение не только тевтонство, но главным образом славянство? Это говорит нам яснее слов, что причина войны кроется не здесь, а где-то в ином месте. Находились и такие люди, которые ратовали за войну, считая таковую необходимой из-за невыгодного торгового договора. Но и это положение неправильное.

Этот договор был заключен за невмешательство Германии в Японскую войну и за помощь в подавлении восстания в 1905 году; убедил Государя пойти на эту уступку один из либеральнейших министров С. Ю. Витте¹⁰⁰, которым и был подписан этот договор, а со стороны Германии канцлером Буловым. Затем срок этого договора уже кончался. В июле 1905 года в то тяжелое время для России, когда никто не протягивал руки помощи, германский император Вильгельм сам приезжал в Россию, где у Финского залива в Биоркэ состоялось свидание с Императором Николаем II. Этот визит помешал осуществиться задуманному в России государственному перевороту в 1905 году. Вот где крылась основная причина того страстного желания войны с Германией левых кругов общества. Именно с этой целью Витте убедил Государя на заключение торгового договора, дабы иметь повод к натравливанию русского общества против Германии. Затем, если бы император Вильгельм желал гибели России, то он не помог бы подавить в это время революционное восстание в России и легко мог в этот момент Россию раздавить. Но он не воспользовался слабостью России, а заключил с Императором Николаем II тайный союз, в котором оба монарха обещались помогать друг другу в борьбе как с внешними, так и с внутренними врагами. Знали об этом союзе военный министр, начальник Генерального штаба, Ламздорф¹⁰¹ и Великий Князь Николай Николаевич. Все это хранилось в строгой тайне. Когда же Витте возвращался из Портсмута, то заехал в Берлин, где был принят императором Вильгельмом, который, не подозревая в Витте сторонника государственного переворота, сообщил ему о заключенном союзе с Россией. А так как Витте был не только сторонником переворота в России, но и одним из видных членов того мирового тайного общества, где фабрикуются все перевороты, взаимные распри и кровавые пожары,

то он, видимо, не замедлил об этом дать знать своим товарищам. С этого момента началась усиленная агитация в мировой прессе в пользу войны России с Германией. Б. Гринский по поводу сего писал: «Но в скором времени после его посещения Берлина на его же долю, как председателя совета министров, как первого в России премьера в обновленном государственном строе, выпало нанести императору германскому очень сильный удар разрушением планов его, созданных и почти осуществленных при посещении им наших финляндских шхер и пребыванием в Бюркэ.

Когда впоследствии мне приходилось касаться в беседе с покойным графом приписываемого ему германофильства и дружбы с кайзером, он иронически восклицал:

— Да, я враг нынешней войны, ее можно было избежать, и этот «сумасшедший нахал», если бы на него вовремя прицкнуться, пошел бы на всякие уступки. Я сторонник русско-германско-французского континентального союза: только на нем одном может покоиться политическое равновесие и экономическое благополучие всего мира, но отсюда еще далеко до моей дружбы с Вильгельмом. Вот группа, им мне подаренная с собственноручным автографом пославшего ее, запомните ее хорошенько: она исторический документ.

И тут он мне рассказал, как ему удалось разрушить планы Вильгельма»*.

Видимо в связи с этим вскоре после этого состоялось постановление тайного мирового общества, где было между прочим постановлено: на пути к достижению нашего торжества стоят еще три державы: Россия сильная верой, Германия крепкая государственным порядком и Япония несокрушимая национальным духом, а потому мы должны найти средства покончить с ними. Для этого нам необходимо всеми зависящими от нас средствами втравить в войну Германию с Россией, этой войной мы обезсилим их, а затем покончим с монархами и расчленим как Россию, так и Германию; если же монархическая власть в этих империях не может быть уничтожена на этот раз, то она должна быть приведена к состоянию фактического государственного безсилia¹⁰². Когда об этой интриге узнал великий государственный патриот П. А. Столыпин¹⁰³ и стал стремиться всеми мерами не допустить войны с Германией, которую готовили враги России и Германии, то он был в сентябре 1911 года в

* Исторический вестник. 1915. С. 593–594.

Киеве убит. Просил покойный Столыпин своего ставленника министра иностранных дел Сазонова вести политику свою национально-русскую, не допуская войны с Германией, нужной Франции, чтобы отвоевать Эльзас, а Англии, чтобы избавиться от грозившей опасности немецкой конкуренции на море, но, к сожалению, политика этого министра бросила Россию в войну и заставила ее делать дело Франции и Англии...

Конечно, неоспоримо и то, что Германия крепла год от года, мечтая о морском владычестве, а ее соперница Англия скрежетала зубами. Усилие сухопутной военной силы Германии сильно тревожило Францию. Назревала война за мировое владычество двух соперниц Англии и Германии. Россия же никогда и не мечтала о мировом владычестве и не могла быть одна сама по себе врагом Германии и никакая война не имела бы места между ними. При здоровой национально-русской политике России не пришлось бы бояться вторжения на ее землю ни Германии, ни Австро-Венгрии, ни Турции — этого исторического сторожа, закрывшего ворота России в Черном море руками Англии. Мировой торговой конкуренции между Россией и Германией тоже не было и быть не могло, а таковая была с давних времен между Англией и Германией.

Франция 40 лет мечтала об Эльзас-Лотарингии, слясь при помощи вероломных интриг найти близоруких политиков, за спиной которых можно было бы не только сохраниваться, но и достигнуть желанной мечты. Эту крепкую спину Франция нашла в России, делая ей финансовое одолжение с целью держать Россию на своем поводу. Франция давала России деньги в кредит на усиление вооружения, нужного не столько России, сколько самой Франции, но ведь она ни одного рубля даром не дала; мало того, что брала довольно солидные проценты золотом, не выпуская своего золота из рук, она делала условия тратить одолженные ею кредитные бумажки на вооружение, преследуя этим свою вероломную цель: поправить ошибку Седана кровью русского народа...

Вот где тлела искра мирового пожара, не замеченная близорукими русскими политиками, а, быть может, иными из них, более зрячими, сознательно раздувалась в своих политических целях желанного ими государственного переворота...

Что Германия готовилась к войне с Англией и Францией, то в этом сомнения и быть не может, но выступление России для германского генерального штаба было полной неожиданно-

стью, разрушившей все их планы. Если бы не Россия, то Франция была бы раздавлена Германией в 1914 году, а Англия в 1915 году. Что же Россия получила за эту величайшую жертву 2000000 лучших сынов убитыми и 5000000 изувеченными?!.. Россия сделалась нищей в разорванных лохмотьях. Что получила от этой войны Англия¹⁰⁴, потратившая на турецком фронте убитыми людьми 60–80 тысяч, главное количество коих составляют колониальные войска? Она выбила с позиции своих вековых врагов Россию и Германию, расчленила их на части, помогла устроить в России переворот Милюковым¹⁰⁵, Керенским, Савинковым¹⁰⁶ и К¹⁰⁷. Прибрала к своим рукам Багдад, Иерусалим, Дамаск, Алеппо, Моссул, Аравию, Персию, весь Египет и еще протягивает свои руки к Кавказу и Туркестану. Что получила Франция¹⁰⁷ от этой войны? Все, что желала, и еще мечтает о русском Крыме. Что получила Америка за 60000 убитых и 150000 раненых? Выкачала все золото из Европы и на миллиарды обязательств; затем достигла своей давнишней мечты покончить с монархизмом в России и Германии, как это сделала в Китае, добираясь и до Японии. Что это не выдуманная фантазия, приведу слова самого президента Вильсона¹⁰⁸, сказанные 9 июня 1917 года: «Настал час победить или подчиниться. Если самодержавным силам удастся нас разъединить, то они одолеют нас; если же мы будем держаться вместе, то победа несомненна, так же, как и свобода, которую она обеспечит». А говоря вообще о цели мировой войны 4 июля 1918 года у могилы Вашингтона, он, между прочим, сказал: «Уничтожение всякой неограниченной произвольной власти во всем мире, которая могла бы тайно, сепаратно и по собственному желанию нарушить всеобщий мир, или, [если] эта власть не может быть уничтожена в настоящее время, то она должна быть, по крайней мере, приведена к состоянию фактического безсилия»¹⁰⁹. По-видимому Америка мечтает и о будущих своих колониях в Китае и Сибири, но этого Бог не допустит. Россия еще встанет на твердую почву и будет истинным другом Китая и Японии. Что же получили другие государства, так усердно тащившие военную колесницу Антанты? Почти все они остались с битым боком и разбитым корытлом.

Вернемся к России. Кого не было в Париже на мирной конференции, когда выковывались условия мира? Только одной России, положившей больше всех и средств и людей для достижения победы. Кто создавал пресловутые Принцесы острова с целью окончательно погубить Россию? Кто искусственно

разжигает и питает междоусобную борьбу в России? Кто делит Россию на части, распоряжаясь ею как своей колонией? Увы, все те же, кого спасала от гибели Россия. Еще за много лет главными фабрикантами народных бедствий и войн говорилось: «Христианские церкви помеха нашему делу, и необходимо в интересах наших не только побороть христианские церкви, но и уничтожить их»... «Если золото — первая сила в мире, то пресса — вторая. О золоте, кажется, нечего говорить. Печать также всемирно прибрана к нашим рукам. Есть еще сила недосягаемо-самоотверженная и потому естественно охраняющая все слабое — монарх, которую мы должны уничтожить»¹¹⁰.

Таковы объективные факты действительности, дающие хотя малый просвет на первый наш вопрос.

Что же касается второго вопроса: кому нужна была война, — то и на этот вопрос бросают отчасти просвет вышеприведенные факты действительности. Теперь нужно нам еще остановиться на том: права ли мировая пресса, находящаяся в полном подчинении известной в тайне скрывающейся руки, обвиняющая всецело в войне Германии с Россией только императора Вильгельма II? Можно было бы близоруким русским политикам верить этому в начале войны, когда много было сокровенного, а теперь, когда многое раскрылось не словами, а фактами действительности, то невольно приходит сомнение. Не суетны слова Господа: *«Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы»* (Лк. 8, 17).

Прежде, чем судить о человеке, обратим внимание на его слова, «ибо от избытка сердца уста говорят», как сказано в Евангелии (Мф. 12, 24). На основании же слов можно судить отчасти о характере человека.

В феврале 1888 года Вильгельм говорил: «Мне приписывают жажду войны и славы. Сохрани меня Бог от такого преступного легкомыслия». В 1896 году он говорил: «Будьте покойны, блага мира обеспечены; кто захочет нарушить мир, получит урок, который сто лет потом будет помнить». В последующие времена он говорил: «Меня не смогут побудить лишить страну тех благ, которые несет с собой мир. Мое единственное стремление поддерживать мир. Пока первородный грех царит среди человечества, будет и война, и ненависть, и раздоры». Эти слова Вильгельма

* С. Нилус.

говорят за то, что он искренно или не искренно, Бог вещь, но сознавал, что начать войну с Россией — жестокая ошибка. Потом, он, хотя и не любил Бисмарка за то, что он был его умнее, но в тайне души своей верил в его слова и слова Фридриха Великого, что война Германии с Россией гибельна. Что он был заносчив и горд, бряцая на словах своим оружием, то этого отрицать нельзя. На почве его вспыльчивости и горячности некоторые заподозривали его в ненормальности умственных способностей. Это вполне возможно, ибо в момент горячности и вспыльчивости всякий человек впадает в состояние невменяемости. Не лишним считаю привести отзывы о Вильгельме немецкого, русского и французского писателей. Один из немецких писателей говорил А. С. Суворину¹¹¹: «Кайзер по натуре своей просто трус и никогда ни за что на свете не начнет войны. Все его бряцанья саблей, все угрозы и страшные жесты одна лишь хитрость». Русский известный публицист князь Мещерский¹¹² писал в 1913 году о Вильгельме как о человеке честном, умном, искреннем и натуры безстрашной, прямодушной; и неизменной, как он сам, политики его по отношению к России. Самая главная, по словам Мещерского, заслуга Вильгельма и самая великая страница во всемирной истории пред судом Божиим и человечеством та, что он ни разу не поддавался искушению извлечь меч из ножен*. Французский писатель Жюль-Аррен, делая заключение в своей книге «Вильгельм II», сказал, что деду нынешнего германского императора нужна была война, а Вильгельму II понадобится мир, необходимый для экономических завоеваний империи. Военная сила, по словам Аррена, нужна ему для того, чтобы предписать всем мир. Вильгельм II, заканчивает он, повелевающий блюститель мира».

Таковы отзывы видных писателей о императоре Вильгельме.

Затем, как нами выше было уже сказано, в 1905 году помог спасти Россию от революции и анархии Вильгельм, в 1912 году он же не допустил мировой войны, приезжая сам в Россию как в первый, так и во второй раз, будучи несравненно сильнее России. А общий логический закон: слабые едут на поклон сильным, а сильные едут только тогда, когда желают блага слабому. Так и здесь, если бы Вильгельм желал той гибели России, к какой ее привели те, кого спасла Россия, то он бы мог легко погубить Россию еще в 1905 году. Далее, если бы он хотел сделать

* Исторический вестник. 1915. С. 172.

с Россией то, что с ней сделано, он бы не предлагал России весьма выгодного мира после первого поражения России в 1915 году. Все факты говорят за то, что Вильгельм войны с Россией, видимо, не хотел и гибели ей не желал, а мировая политическая интрига в своих интересах втянула, как говорится, засосала в омут войны Германию с Россией, с которой у Германии была вековая традиционная дружба со времен Императора Александра I, когда он и король прусский Фридрих Вильгельм III в 1806 году поклялись в вечной дружбе у гроба Фридриха Великого.

Какого настроения были немецкие принцессы во время войны, можно видеть из ниже приводимого мною письма одной из них, писанного к Великой Княгине Марии Павловне Старшей¹¹³, посланного с Васильчиковой¹¹⁴ и перехваченного министром внутренних дел А. Н. Хвостовым: «Мы все страшно горюем, что не видим теперь тебя, и в особенности, что наша родина находится накануне разорения... Судьба детей и женщин самая печальная; кругом — сплошное горе. Все те места, где ты, дорогая, бывала, имеют весьма печальный вид, даже трава затоптана... А между тем, мы все любим вас и не питаем враждебных чувств к России. *Нас весьма тяготит нависшее над нами несчастье, причиной которого явились англичане, и только они. Мы ждем той минуты, когда прекратится, наконец, избивание, ведь мы воюем не из желания воевать*»*.

Что касается третьего вопроса, желал ли Император Николай II войны, то скажу в положительном смысле: нет, не желал и всеми своими силами предохранял Россию от этого гибельного пожара, загоревшегося вопреки воле его, как загорается дом вопреки воле хозяина дома¹¹⁵. В этом убедится читатель из дальнейшей исторической справки возникновения войны.

По наружному виду начался мировой военный пожар с того, что был убит австрийский наследный принц с женой, за что Австрия потребовала от Сербии ответ более строгий, обвиняя ее в сочувствии этому убийству. Был предъявлен Сербии ультиматум с тяжелыми требованиями в международных отношениях. В России все либеральные круги во главе с Государственной думой требовали от Русского правительства вмешательства в это дело, говоря, что, если Россия не вступится за обижаемую Сербию, то будет изменницей пред славянством, окончательно уронит себя в глазах славянства¹¹⁶. Государь не соглашался

* Исторический вестник. 1917. Апрель. С. 145.

на решительное вмешательство, ибо знал вспыльчивый и увлекающийся характер и неустойчивость воли императора Вильгельма, каковыми слабостями могут воспользоваться окружающие его лица, желающие войны, во главе с канцлером Бетманом Гольвегом^{*117} и толкнул его в омут войны. Душа Государя предчувствовала что-то надвигающееся недоброе, роковое, зловещее. В эти роковые дни Государь почти не спал, в тиши ночной молясь со слезами Всевышнему, дабы Он ведомыми Ему средствами отвел от России кровавый пожар. На Государя нажимали со всех сторон и внутренних и внешних. Франция и Англия в этом деле как бы видели, что за спиной Австрии стоит Германия, а потому они не могут согласиться на невмешательство, чего требуют и от России. Государственная дума, земские и городские самоуправления, военные и духовные сторонники войны и почти все слои общества, за исключением верующего крестьянства, требовали от Государя вооруженного вмешательства. После всего этого Государь не мог противиться воле воинствующего народа. Он дал согласие на вмешательство, предупредив главу министерства иностранных дел, что он войны ни в коем случае не желает и соглашается на частичную мобилизацию только в целях миролюбивого разрешения кризиса, придав больше веса переговорам. Франция и Россия объявляют мобилизацию, а также Германия и Австро-Венгрия. Какая то магическая сила сразу заразила народы мира воинственным духом, не ведая, что этим готовят гибель сами себе. Если бы эта магическая сила не желала войны, то войны бы и не было. Вот и нужно народам мира найти этих где-то втайне скрывающихся магов — зажигателей кровавых пожаров. Удивительно то, что даже убежденные противники войны и те под гипнозом этой силы поддержали клич на войну.

Велись по телеграфу всего мира напряженные переговоры из-за какого-то убийства двух человек, толкающие на смерть миллионы народа.

Германский император Вильгельм в последней своей телеграмме на имя Императора Николая II предлагал остановить в России мобилизацию и тогда он не обнажит своего меча против России. По получении этой телеграммы Государь, решительно не желая войны, единолично пошел на уступки, приказав военному министру Сухомлинову¹¹⁸ немедленно остановить

* Бетман-Гольвег один из членов мировой тайной организации.

мобилизацию. Какие-то маги оказались и в России, убедившие Сухомлинова, этого рокового человека, не исполнить воли Государя; не было дано знать и германскому послу о воле Государя. Если бы воля Государя была исполнена, то войны Германии с Россией несомненно не было бы. Если бы война и была впоследствии, то только между Германией, Францией и Англией, а не с Россией. Из этого кажется более чем ясно, что войны Император Николай не только не желал, но и давал решительный приказ, который предотвратил бы войну, но его приказ был не исполнен. Вся ответственность за войну лежит на том, кто воли Государя не исполнил и тех, кто заставил этого безвольного человека не исполнить воли Государя*.

Во всем этом видится именно та рука мирового мага, которая повернула мировой рычаг не на сторону мира, а на сторону войны.

Государь был уверен, что мобилизация остановлена, германский посол о его воле уведомлен, но ни того, ни другого сделано не было министрами военных и иностранных дел. Видимо этого желали и агенты тайного мага войны, окружавшие императора Вильгельма, все дружно раздувая брошенную искру, дабы она не потухла. У германского посланника даже был напечатанный текст объявления войны, дабы не дать императорам России и Германии затушить брошенную искру, как они затушили таковую же искру в 1912 году. Император Вильгельм с нетерпением ждал от России благоприятного ответа, веря в искренность русского Императора и в военный союз 1905 года, но когда ему доложили, что Россия не только не остановила мобилизацию, но двигает войска на запад, тогда он вскипел яростным гневом и дал согласие на объявление войны, по его выражению, вероломной России. Так коварно-магическая сила толкнула императора Вильгельма в омут мировой войны. С такой ловкостью коварным вероломством был зажжен мировой кровавый пожар подлинными зажигателями, руководимыми главным фабрикантом войны — дьяволом.

Император Николай II на момент объявления войны Германией не знал, что его воля не была исполнена, и пылал огнем негодования на коварного Вильгельма; также и последний, не зная, что Николай II остался верным своему слову миролюбия,

* Об этом во всей полноте было выяснено при суде над Сухомлиновым в революционном трибунале.

пылал гневом и непримиримой злобой на коварного, по его словам, Николая II, показывая своему народу подписанный ими военный союз, обеспечивающий мир в Германии и России.

Так ловко и хитро могут интриговать любители на чужой крови созидать свое благополучие и величие... Но Бог правду видит, поругаем не был и, думаем, впредь не будет...

Государь в манифесте от 20 июля говорил: «Среди дружественных сношений, союзная Австрия Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну...

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысл мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска наши Божие благословение».

В Петрограде, Москве и по всей России происходили грандиозные манифестации за войну, только бедные жены и матери горько плакали, провожая своих милых поильцев и кормильцев на войну. Их чувствительные сердца вещали, только не говорили, что война сделает их сиротами, Россию растерзанной на части, нищей.

Святейший Синод послал свое послание к чадам Православной Церкви, призывая бодро и смело идти на ратное поле. Правительствующий Сенат тоже выразил свое сочувствие начавшейся войне в своем адресе Государю.

26 июля состоялся Высочайший прием членов Государственного совета и Государственной думы и на приветствие Государя были сказаны сочувственные ответы председателями Государственного совета и Государственной думы.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко¹¹⁹ в своем слове говорил: «С глубоким чувством восторга и гордости вся Россия внимала словам Русского Царя, призывающего свой народ к полному с ним единению в трудный час ниспосланных Отечеству тяжелых испытаний.

Государь! Россия знает, что воля и мысли Ваши всегда направлены к дарованию стране условий спокойного существования и мирного труда и что любвеобильное сердце Ваше стремилось

к устойчивому миру во имя охраны дорогой Вам жизни ваших подданных.

Но пробил грозный час. От мала до велика все поняли значение и глубину развернувшихся исторических событий. Объявлена угроза благополучию и целостности государства, оскорблена народная честь, а честь народная нам дороже жизни. Пришла пора явить всему миру, как грозен своим врагам русский народ, окруживший несокрушимой стеной своего Венценосного Вождя с твердой верой в небесный Промысл.

Государь! Настала пора упорной борьбы во имя охраны государственного достоинства, борьбы за целостность и неприкосновенность Русской земли, и нет ни в ком из нас ни сомнений, ни колебаний. Призванное к государственной жизни по воле Вашего Величества народное представительство ныне предстало пред Вами. Государственная дума, отражающая в себе единодушный порыв всех областей России и сплоченная одной объединяющей всех мыслию, поручила мне сказать Вам, Государь, что народ Ваш готов к борьбе за честь и славу Отечества.

Без различия мнений, взглядов и убеждений, Государственная дума от лица Русской земли спокойно и твердо говорит своему Царю: дерзайте, Государь, русский народ с Вами и, твердо уповая на милость Божию, не остановимся ни перед какими жертвами, пока враг не сломлен и достоинство родины не будет ограждено».

Государь ответил: «Сердечно благодарю вас, господа, за проявленные вами искренние патриотические чувства, в которых я никогда не сомневался, и проявленные в такую минуту на деле. От всей души желаю вам успеха. С нами Бог».

Электрической искрой пробежали слова Государя по залу и громовое «ура», казалось, потрясло стены этого грандиозного зала.

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов говорил свое слово представителям народа, устроившим ему бурную овацию. В своем слове он подчеркнул, что Россия не могла уклониться от защиты Сербии, с которой связывают нас узы истории, происхождения и веры.

«В сознании необъятных задач, — говорил он, — с ее внутренним развитием и преуспеянием, Россия не со вчерашнего дня дала многочисленные доказательства своего искреннего миролюбия. Только благодаря этому миролюбию в Европе был

предотвращен пожар, готовый разгореться, когда в 1912–1913 годах возникла борьба на Балканах.

Спокойная, мирная мощь России не давала покоя ее врагам...

Было ясно, что для нас не вступить в дело значило бы не только отказаться от вековой роли России, как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за ее спиной Германии для Европы есть закон.

На это не могли согласиться ни мы, ни Франция, ни Англия».

Все вышесказанное еще более подтверждает то, что Государь Николай II войны не хотел, жалея свой народ.

26 июля Австро-Венгрия объявила войну России, 29 июля Франция объявила войну Австро-Венгрии, а 31 июля Австро-Венгрии и Германии объявила войну Англии.

Так загорелся мировой военный пожар. Невольно приходится обратить внимание на следующий факт: Англия при переговорах говорила, что она войны не желает, что доказывает, по ее словам, неготовность ее к войне. Но когда она объявила войну и оказалась вооруженной до зубов и готовой к войне, то этот факт неоспоримо говорит за то, что Англия годами готовилась к войне, только выжидала более выгодный для нее момент выступления.

4 августа Государь с Семейей прибыл в Москву помолиться Богу у московских святынь в эти тревожные дни испытаний. Городской голова Брянский в своем приветствии к Государю говорил: «Когда вам, Государь, *угодно было высказать великие мысли о всеобщем разоружении и мирном разрешении международных вопросов*, наш теперешний враг не только воспротивился этому, но под угрозой Германии все остальные государства Европы вынуждены были расширять свои вооружения». Так же приветствовали дворянство, земство и купечество, все высказывая свои воинственные порывы.

Государь на все приветствия ответил: «В час военной грозы, так внезапно и *вопреки моим намерениям* надвинувшейся на миролюбивый народ мой, я, по обычаю Державных предков, ищу укрепления душевных сил в молитве у святынь московских».

Здесь Государь не убоился своих союзников, ясно и определенно подтвердил, что война началась *«вопреки его намерениям»*.

Государь назначил Верховным главнокомандующим Великого Князя Николая Николаевича, а сам, помимо неусыпных трудов государственных, объезжал фронт, города и веси России, ободряя войска и народ в ниспосланном испытании.

Зная какой вред приносит делу пьянство, Государь запретил продажу вина.

Первые месяцы войны нашим войскам пришлось состязаться с противником, в полтора раза количественно и технически сильнейшим. Об этом в то время писали сами фельдмаршалы наших союзников Жоффр и Френч: доблестные русские войска под управлением мудрого и сильного духом Великого Князя Николая Николаевича совершили безпримерное в военной истории дело, сдержав армию с лучшим вооружением и в полтора раза больше количеством. Они имели тогда мужество сознаться, что если бы не энергичное наступление России в Восточной Пруссии и не разгром Австро-Венгерской армии, — немцы бы в Париже в первые месяцы войны.

Но нашим войскам приходилось состязаться с грозным противником сильнее нас не только количеством, но и техникой, а потому пришлось тратить снарядов во много раз больше, чем это предполагалось по примеру прежних войн и стратегическому вычислению. Вот главная причина тому, что в последующие месяцы войны ощущался недостаток снарядов. Вторая причина этому недостатку та, что скупилась Государственная дума всех созывов на отпуск кредитов, а без денег заводов не построишь и снарядов не наделаешь.

Победа французов на Марне всецело также обязана русским войскам, разгромившим противника на полях Галиции.

За эти исторические славные победы Верховный главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич был награжден Францией и Англией высшими боевыми наградами, а Государем — орденом св. Георгия 3-й степени.

По поводу сего Великий Князь говорил в своем приказе войскам: «Государь Император изволил прибыть в армию, чтобы благословить нас на дальнейшие боевые подвиги. Сегодня Его Величество пожаловал мне орден св. Георгия 3-й степени. Приемлю эту высокую монаршую милость как выражение его особого благоволения и благодарности за целый ряд геройских подвигов и побед, одержанных вами. Вам, Царские воины, чудо-богатыри, обязан я этой великой наградой и к вам обращаюсь от всего сердца и глубины души со словами моей горячей сердечной благодарности. Высокая честь, оказанная нам царским посещением и благословением нашего Государя, да укрепит наши силы на дальнейшее самотверженное служение Царю и родине, не щадя живота своего до последней капли крови.

Твердо верю и уповаю, что Бог нам поможет в трудном деле».

Так удачно выполнена была первая боевая задача русскими войсками, но не то было с войсками союзников, оказавшимися на этот раз слабыми, не могущими выполнить своих боевых задач. Они даже не могли выполнить взятую на себя задачу форсирования Дарданелл.

Если бы они выполнили свои задачи, как их выполняли русские войска, то война кончилась бы в 1915 году с победным успехом для России.

Все время войны находясь на фронте, следя за ходом войны как посторонний зритель, я обращал особенное внимание на следующие обстоятельства общего положения боевого дела: первое время войны, когда союзные армии нуждались для своего спасения в помощи русской армии, они превозносили своими похвалами нашу армию, а как только русские войска с величайшими жертвами спасли гибельное положение союзной армии, то уже отношение пошло другое; это бывает, например, когда тонет человек: обещает многое, а когда спасен, то забывает свои обещания. Несмотря на то, что сами союзники невыполнением своих первых взятых на себя задач затянули войну, преждевременно обезсилили русскую армию качественно и технически, малейшие последующие наши неудачи, как следствие невыполнения обязательств самими же союзниками, они критиковали и все ставили [нам] в счет. Подобное действие возмущало не только меня, но и многих русских патриотов в военном мундире. Но это еще ничего; приходилось невольно обращать внимание еще на следующие факты: как только начнутся наши успехи на фронте, для продолжения которых нужна усиленная поддержка союзников, то в это время приходилось наблюдать противное: союзники не напрягали свои силы, а ослабляли как бы по какому-то тайному мановению и, конечно, наши успехи сходили на нет. Думаю, что историки войны обратят свое внимание на эти факты и разъяснят нам, не стратегам и не дипломатам, почему это и для чего именно так делалось.

Я лично, по своему, быть может, неправильному предположению, думал, что это делалось союзниками для того, чтобы армию России обезсилить, утомить ее дух, а их [собственные] сохранить до конца, дабы воспользоваться плодами войны, а Россию лишить этих плодов. Только теперь для меня становится более ясным, когда воочию я увидел, что нет у России и лоскутьев плодов от колоссальных жертв, какие понесла она.

В первые месяцы войны Государь вместе с Наследником, посещая фронт и лазареты с ранеными, был сильно поражен ужасами войны и своим любящим сострадательным сердцем так жалел страдальцев-воинов, что даже хотел покончить с войной не сепаратно, а совместно с союзниками. Когда союзники узнали только об одном этом предположении миролюбивого Царя, увидавшего безцельные страдания народа, какой они шум подняли вместе с русскими левыми партиями, обвиняя его чуть ли не в измене России!.. Последствия показали, кто изменник России.

Государыня, как говорится, вся вместе с Детями отдалась любви и состраданию к раненым воинам и осиротелым семьям войны. Как они служили страждущим, приведу отзыв одного очевидца: «Нельзя без волнения, без глубокого, захватывающего чувства читать о великодушной, самоотверженной деятельности Августейших сестер милосердия Государыни Императрицы Александры Феодоровны, ее Августейших дочерей Великих Княжен Ольги Николаевны, Татианы Николаевны и Марии Николаевны. Ее Величество ежедневно посещает Царскосельский дворцовый лазарет, где изволит лично ухаживать за ранеными, ободряя и утешая их, причем изволит лично забинтовывать раны и делать перевязки, измерять температуру, пульс и дыхание. Великие Княжны работают в том же лазарете в качестве сестер милосердия наравне с остальными сестрами. Искусно и осторожно, своими мягкими нежными руками Великие Княжны, так же, как и их Августейшая Мать, делают перевязки у раненых офицеров и солдат, которых до слез трогает такая заботливость. Под их лучистым взглядом, льющим на усталую измученную душу бальзам утешения, раненые забывают войну со всеми ее ужасами, забывают и о своих тяжелых ранах.

И офицеры, и нижние чины, покидая лазарет, навсегда уносят с собой неизгладимые светлые воспоминания о выдающейся деятельности Августейших сестер милосердия, с такой простотой и душевным величием совершающих подвиги любви и самоотречения»*. Разве это не выдающийся подвиг любви и милосердия, не рядовых девиц, а Царственных подвижниц? Много ли девиц купеческого, дворянского и других сословий взяло на себя подобный подвиг? Сравнительно в процентном отношении очень немного.

* Русский паломник. 1915.

Как русские войска своими величайшими жертвами людьми и боевыми припасами в ущерб себе спасли союзные армии в 1914 году, так, наоборот, в 1915 году, когда противник сосредоточил против России главные силы, русским армиям пришлось отступать с большими потерями людьми и снаряжением, а союзные войска на своем фронте бездействовали, сознательно или не сознательно Бог весть, предавая наши армии на разгром. После этого наше положение на фронте было ужасное, а союзники потирали свои руки в своих окопах, занимаясь для развлечения артиллерийской перестрелкой с противником. Вот в этот-то критический момент Государь принимает на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами.

Почему именно Государь взял на себя в эти трудные минуты Верховное командование, это видно из Высочайшего рескрипта на имя Великого Князя Николаевича, в котором говорилось: «Ваше Императорское Высочество. Вслед за открытием военных действий причины общегосударственного характера не дали мне возможности последовать душевному моему влечению и тогда же лично стать во главе армии, почему я возложил Верховное командование всеми сухопутными и морскими силами на ваше Императорское Высочество.

На глазах всей России Вашим Императорским Высочеством проявлена на войне непоколебимая доблесть, вызвавшая глубокое доверие и молитвенные пожелания мои и всех русских людей, неизменно сопутствовавшие вашему имени при неизбежных превратностях боевого счастья.

Возложенное на меня свыше бремя Царского служения родине повелевает мне ныне, когда враг углубился в пределы Империи, принять на себя Верховное командование действующими войсками и разделить боевую страду моей армии и вместе с нею отстоять от покушений врага Русскую землю.

Пути Промысла Божиего неисповедимы, но мой долг и желание мое укрепляют меня в этом решении из соображений пользы государственной.

Усилившееся вторжение неприятеля с западного фронта ставит превыше всего теснейшее сосредоточение всей военной и гражданской власти, а равно объединение боевого командования с направлением деятельности всех частей государственного управления, отвлекая тем внимание от нашего южного фронта.

Признавая, при сложившейся обстановке, необходимость мне вашей помощи и советов по нашему южному фронту, назначаю Ваше Императорское Высочество Наместником моим на Кавказе и главнокомандующим доблестной кавказской армией, выражая Вашему Императорскому Высочеству за все ваши боевые труды глубокую благодарность мою и Родины».

23 августа Великий Князь Николай Николаевич обратился к армии и флоту с нижеследующим приказом: «Сегодня во главе вас, доблестные армия и флот, стал сам Державный Верховный Вождь Государь Император. Преклоняясь перед вашим героизмом за более чем год войны, шлю вам душевную, сердечную, горячую благодарность.

Твердо верю, что, зная, что сам Царь, которому вы присягали, ведет вас, вы явите новые, невиданные доселе, подвиги, и что Господь от сего дня окажет Своему Помазаннику Свою всемогущую помощь, дающую победу».

Действительно Господь оказал Своему Помазаннику всемогущую Свою помощь, ибо с этого момента какой-то невидимой силой приподнялся упавший дух в армии, которая ободрилась и остановила дальнейшее продвижение неприятельских войск. С этого момента, пока Государь был во главе войск, ни пяди земли не было сдано неприятелю.

После этого нашего поражения немцы предлагали России мир на весьма выгодных условиях. Государь искренно желал мира; готов был даже пойти на уступки, дабы прекратить эту безцельную бойню людей, но он желал мира не сепаратного, а мира общего, совместного с союзниками. Союзники же и их сторонники в России и говорить не хотели о мире, что накладывает на их совесть новое кровавое пятно, выдающее их в желании беспощадно проливать людскую кровь для своих личных выгод.

Говоря это, я не думаю оправдывать императора Вильгельма, допустившего роковую ошибку: очертя голову, броситься в омут войны; но я ищу именно тех главных виновников, которые его толкнули в этот омут.

После первых же месяцев Вильгельм сознал свою грубую ошибку, стремясь исправить таковую исканием мира и прекращения пролития крови, но ему в этом решительно отказывали; следовательно дальнейшее великое пролитие крови лежит на душе тех людей, которые не желали мира, а стремились к

достижению своих целей, не считаясь ни с колоссальными жертвами людей, ни с интересами России.

Эти люди не только не соглашались пойти на уступки во благо спасения сотен тысяч жизней людских, но они боялись, что Император Николай II, по своей любви к народу, заключит сепаратный мир и не даст им возможности достигнуть своих личных целей. В связи с этим они задумали сделать совместно с антигосударственными кругами общества государственный переворот в России. Тайные заседания происходили в Петрограде. Был организован в Государственной думе прогрессивный блок, основная задача которого должна была стать во главе государственного переворота в угоду союзникам, дабы дать возможность им довести свое дело до конца, не считаясь с интересами России. По требованию союзников в России мобилизовали целые миллионы людей, оторвав их от домашних работ.

В мае 1916 года по воле Государя была привезена из Москвы на фронт чудотворная икона Божией Матери Владимирская¹²⁰. Одновременно Государь приказал Брусилову сделать наступление на юго-западном фронте, которое увенчалось большим успехом. Государь и Брусилов приписывали этот успех помощи Божией Матери, всегда помогавшей России, когда с верой к Ней прибегали.

Если бы в этом наступлении поддержали нас союзные армии, сделав одновременно свой нажим на фронте, то он развился бы еще с большим успехом, приблизив успешный конец войны для России. В такое решительное время пассивное действие союзников заставило многих на фронте обратить на этот факт свое внимание; невольно закрадывалось сомнение в их искренности.

Между тем подготовка в армии к государственному перевороту шла усиленно. Начали появляться разные письма Гучкова¹²¹ к Алексею¹²² и т. п.; письменные документы прокламационного характера, возбуждающие армию против Государя. В бой посылались более сознательные кадровые офицеры и солдаты, а люди, настроенные против существующего государственного строя, оказывались в тылу в разных учреждениях, земских союзах, промышленных комитетах и т. п.

Более дальновидные люди, даже из левых кругов, предупреждали главарей переворота, говоря, что во время бури гнезда не вьют и во время половодья плотину не ремонтируют. Но пылкие фанатики настаивали на перевороте во время войны. Они говорили: победа на фронте обеспечена, но если мы Николая не

уберем, то он после победоносного конца войны еще более укрепится на троне и нам вновь придется много лет работать, чтобы расшатать устои трона; если же теперь мы его уберем, то плоды победы будут пожаты нами и мы скажем народу: пока был Николай победы не было, а как только у власти появились мы, то победа совершилась, и этим привлечем весь народ на свою сторону.

В конце 1916 года Германия вновь предлагала кончить кропопролитие и приступить к мирным переговорам. Но союзники категорически в этом ей отказали, а в России усилили свое давление в сторону немедленного государственного переворота, не дожидаясь конца войны, дабы этим путем избежать опасности сепаратного мира, достигнуть своей цели за счет России, хотя бы ее и ожидала анархия, лишь бы выполнен был их вероломный план. К чему вела эта война, задуманная и созданная левыми кругами общества, можно судить также из появившейся книги, напечатанной в союзных государствах, носящей заглавие «Последний Самодержец», без указания автора, но по слогу и содержанию можно предполагать, что автором этой книги был земец В. П. Обнинский¹²³. Эта книга является одним из многих документов, указывающих подлинных виновников войны, ее неудачи и совершителей переворота, ввергнувшего Россию в анархию.

IX

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

*«Он в день гнева Своего поразит царей:
совершит суд над народами,
наполнит землю трупами,
сокрушит главу в земле обширной»*

(Пс. 109, 5–6).

Русский народ, обманутый и прельщенный иноземцами, готовя государственный переворот, надеялся, что после него взойдет яркое солнце, живительные лучи которого согреют теплом и светом. Кем-то ведомый, народ не верил предупреждению слова Божия и трезвых людей, что идет на край пропасти слез и крови. Ему, охмелевшему от иноплеменного вина, казалось, что он идет к величию, славе, свободе от мнимого унижения, позора,

поражения и низведения с высоты первостепенных держав. Увы, это казалось только во время хмельного бреда. Теперь только, когда в части русского народа хмельной угар начинает проходить, он видит, в какую ужасную пропасть завели его мнимые благодетели...

Как французская революция 1789 года началась с измены народных представителей, не подчинившихся приказу короля, распутившего их, так и русская революция началась с такого же акта.

Один из видных членов кадетской партии, член Государственной думы, московский адвокат В. А. Маклаков¹²⁴ говорил своим товарищам, что вся ответственность вследствие переворота падет на Государственную думу, ставшую во главе переворота. Если бы мы не стали во главе переворота, то голодное восстание в Петрограде было бы подавлено в тот же день.

На всех фабриках и заводах шла усиленная работа к выступлению еще с января.

По плану прогрессивного блока выступление готовилось 14 февраля, в день открытия Государственной думы, но было отложено по некоторым соображениям.

23 февраля толпы бастовавших рабочих ходили по улицам Петрограда большими группами, а 24 февраля произошло первое кровавое столкновение на Невском. Были раненые и убитые с той и другой стороны. Полицейские чины убивались по всему городу из-за угла. Недостаток хлеба был только предлогом, хлеба в Петрограде был большой запас, не один миллион пудов.

В Государственной думе собрание прогрессивного блока постановило: «Правительство, обогрившее свои руки в крови народной, не смеет больше являться в Государственную думу, и с этим правительством Государственная дума порывает навсегда».

25 февраля Государем издан был следующий указ: «На основании ст. 99 основных государственных законов повелеваем: занятия Государственной думы и Государственного совета прервать 26 февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение».

27 февраля Государственная дума приказу Государя не подчинилась и постановила: «Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на местах». Затем на совещании

Государственная дума организовала временный комитет, а также одновременно организовался совет рабочих депутатов. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко объявил постановление думы: «Основным лозунгом является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Государственная дума примет живейшее участие, но для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие». В воззвании своем Родзянко подчеркнул, что комитет членов Государственной думы, взяв в свои руки государственную власть, сознает всю ответственность принятого им решения. П. Н. Миллюков говорил народу: «После того, как власть выпала из рук наших врагов, ее нужно взять в наши собственные руки и это надо сделать сегодня, ибо мы не знаем, что будет завтра».

Родзянко послал на имя командующих армиями и флотом и начальнику штаба Верховного главнокомандующего следующие телеграммы: «Временный комитет членов Государственной думы сообщает вашему высокопревосходительству, что в виду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров, правительственная власть перешла в настоящее время к временному комитету Государственной думы».

1 марта совет рабочих депутатов, при помощи Керенского и попустительстве Гучкова, издал известный приказ № 1, разрушивший дисциплину в армии и погубивший таковую.

2 марта образовано новое правительство под председательством князя Г. Е. Львова¹²⁵. Миллюков после выбора новых министров говорил речь, в которой между прочим подчеркнул, что они выдвинуты судьбой на почетное место членов первого русского общественного кабинета. «Правительство мы свергли, — говорил он, — легко и скоро. Но это еще не все, что нужно сделать. Остается еще половина дела — и самая большая. Остается удержать в руках эту победу, которая нам так легко досталась. Мы легко свергнули старую всесильную власть, не так легко будет свергнуть нашу власть*. Я слышу, меня спрашивают: «кто вас избрал?» Нас никто не выбирал, ибо если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы

* Оттолкнувшие от государственного руля Кормчего, сумевшего управлять 22 года государственным кораблем, в первые же дни своего управления разбили государственный корабль, а сами убежали с него, утопающего в жестоких волнах, в иноземные страны, захватив с собой народные деньги на безбедное житье.

вырвать власть из рук врага... Старый деспот, доведший Россию до границы гибели*, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту, Великому Князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей...» В ответ на запрос некоторых лиц Милюков указал, что его слова о временном регентстве Великого Князя Михаила Александровича и наследовании Алексея являются его личным мнением.

Одновременно с сим выпущено было воззвание военно-промышленного комитета, в котором говорилось, что победа Германии грозила бы восстановлением старого строя.

Великий Князь Николай Николаевич 2 марта послал на имя Родзянки следующую телеграмму: «Сейчас, в согласии с мнением генерал-адъютанта Алексева, обратился к Государю Императору с верноподданнической мольбой, ради спасения России и победоносного окончания войны, принять решение, признаваемое нами единственным выходом при создавшихся роковых условиях»¹²⁶.

В этот же день комитет Государственной думы издал приказ, в котором говорилось: «Тяжелое переходное время кончилось. Временное правительство образовано. Народ совершил свой гражданский подвиг и пред лицом грозящей родине опасности свергнул старую власть. Новая власть, сознавая свой ответственный долг, примет все меры к обеспечению порядка, основанного на свободе, и к спасению страны от разрухи внешней и внутренней. Неизбежное замешательство, к счастью весьма кратковременное, приходит к концу».

Государь назначил вместо себя Верховным главнокомандующим Великого Князя Николая Николаевича, но новое правительство уволило его в отставку.

3 марта появился в печати Манифест Государя об отречении его за себя и за Сына от Престола в пользу брата своего Михаила Александровича следующего содержания:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся

* В этот момент Россия была сильна в военном отношении так, как никогда. Проиграли войну и погубили Россию господа члены Государственной думы, свергнув Государя без воли народа, взяв всю полноту власти и ответственность на себя.

внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном нашим, мы передаем наследие наше Брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату, нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принося в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины, призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повинованием Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.
г. Псков.

2-го марта 15 час. мин. 1917 г.¹²⁷

НИКОЛАЙ.

Скрепил министр Императорского Двора Фредерикс 4-го марта».

Генерал Рузский¹²⁸, по словам сотрудника газеты «Русская воля» (№ 2), давал показания о подробностях отречения Государя от престола, каковые привожу, не ручаясь за их достоверность.

На вопрос сотрудника газеты: «Мы имеем сведения, что свободная Россия обязана вам предотвращением ужасного кровопролития, которое готовил народу низложенный Царь. Говорят, что Николай II приехал к вам с целью убедить вас, чтобы вы послали на восставшую столицу несколько корпусов».

Генерал Рузский улыбнулся и заметил: «Если уж говорить об услуге, оказанной мною революции, то она даже больше той, о которой вы принесли мне сенсационную весть».

Корпусов для усмирения революции отрекшийся от Престола Царь мне не предлагал посылать по той простой причине, что я убедил его отречься от Престола в тот момент, когда для него самого ясна стала несправимость положения.

Я расскажу вам подробно весь ход событий, сопровождавший отречение Царя. Я знал 28 февраля из телеграмм из Ставки, что Царь собирается в Царское Село. Поэтому для меня совершенной неожиданностью была полученная мною в ночь на 1-е марта телеграмма с извещением, что литерный поезд направился из Бологого через Дно в Псков. Поезд должен был прибыть вечером 1-го числа, часов около 8-ми. Я выехал на станцию для встречи, причем распорядился, чтобы прибытие Царя прошло незаметно. Поезд прибыл в 8 часов вечера. С первых же слов бывшего Царя я убедился, что он в курсе всех событий. Во всяком случае он знал больше того, что мне самому было известно. Несмотря на то, что Псков находится всего в 7-8-ми часах пути от Петрограда, до меня доходили смутные известия о происходивших в Петрограде событиях. Кроме телеграммы Родзянко, полученной 27-го февраля, с просьбой обратиться к Царю, я от исполнительного комитета Государственной думы до приезда Царя решительно никаких уведомлений не получал.

Кстати замечу, что ответ мой на эту телеграмму, напечатанный в «Известиях», несколько не точен. Моя телеграмма гласила: «Телеграмму получил. По ее содержанию исполнил телеграммой Государю».

Обычно малоразговорчивый, Николай II на сей раз был еще более угрюм и скуп на слова. События его не только волновали, но и раздражали. Однако ни о каких репрессивных мерах против революции он уже не мечтал, наоборот, часам к двум ночи он меня пригласил к себе и заявил: «Я решил пойти на уступки и дать ответственное министерство. Как ваше мнение?»

Манифест об ответственном министерстве лежал на столе уже подписанный. Я знал, что этот компромисс запоздал и цели не достигнет, но высказать свое мнение, не имея решительно никаких директив от исполнительного комитета или даже просто известий о происходящем, я не решался. Поэтому я предложил Царю переговорить по телеграфному аппарату непосредственно с Родзянко. Удалось мне вызвать Родзянко к аппарату, помещающемуся в Петрограде в Главном штабе, лишь после трех часов ночи. Эта наша беседа длилась больше двух часов. Родзянко передал мне все подробности происходящих с

головкружительной быстротой событий и определенно указал мне, что единственным выходом для Царя является отречение от Престола.

О своем разговоре с Родзянко я немедленно передал по телеграфу генералу Алексееву и главнокомандующим фронтами. Часов в 10 утра я явился к Царю с докладом о моих переговорах. Опасаясь, что он отнесется к моим словам с недоверием, я пригласил с собой начальника моего штаба генерала Данилова¹²⁹ и начальника снабжений генерала Саввича¹³⁰, которые должны были поддержать меня в моем настойчивом совете Царю, ради блага России и победы над врагом, отречься от Престола. К этому времени у меня уже были ответы [Великого Князя] Николая Николаевича, генералов Алексеева, Брусилова¹³¹ и Эверта¹³², которые все единодушно тоже признавали необходимость отречения¹³³.

Царь выслушал мой доклад и заявил, что готов отречься от Престола, но желал бы это сделать в присутствии Родзянко, который якобы обещал ему приехать в Псков. Однако от Родзянко никаких сообщений о желании его приезда не было. Наоборот, в моем ночном разговоре с ним по аппарату он определенно заявил, что никак отлучиться из Петрограда не может, да и не хочет.

Мы оставили Царя в ожидании с его стороны конкретных действий. После завтрака, часа в 3, Царь пригласил меня и заявил, что акт отречения им уже подписан и что он отрекся в пользу своего Сына.

Он передал мне подписанную им телеграмму об отречении, которую я положил в карман и вышел, чтобы, придя в штаб, отправить ее. Совершенно неожиданно в штабе мне подали телеграмму за подписью Гучкова и Шульгина¹³⁴ с извещением, что они в 3 часа 35 минут дня выехали в Псков. Получив эту телеграмму, я воздержался от опубликования Манифеста об отречении и отправился обратно к Царю. Он, видимо, был очень доволен посылкой к нему комиссаров, надеясь, что их поездка к нему свидетельствует о какой-то перемене в положении.

Поезд с комиссарами несколько запоздал и пришел в 10-м часу вечера. Царь нервничал в нетерпеливом ожидании. Я лично держался от него в стороне, избегая с ним встреч и разговоров. Его все время не оставлял престарелый Фредерикс.

В момент приезда комиссаров я находился в своем вагоне. Несмотря на данное мною распоряжение, чтобы по приезде комиссаров их прежде всего привели бы ко мне, их перехватил

кто-то из свитских генералов¹³⁵ и направил прямо к Царю. Когда я вошел в вагон к Царю, А. И. Гучков докладывал ему подробно о последних событиях. Особенно сильное впечатление на Николая II произвел переход его личного конвоя на сторону восставших войск¹³⁶. Этот факт его настолько поразил, что он дальнейший доклад Гучкова слушал уже невнимательно.

На вопрос Царя, что ему делать, Гучков тоном, не допускающим двух решений, заявил: «Вам надо отречься от Престола».

Царь спокойно выслушал это заявление комиссара исполнительного комитета. После долгой паузы он ответил:

«Хорошо, я уже подписал акт об отречении в пользу моего Сына, но теперь я пришел к заключению, что Сын мой не отличается крепким здоровьем и я не желаю с ним расстаться, поэтому я решил уступить Престол Михаилу Александровичу».

Комиссары не возражали. Царь вышел с Фредериксом в соседний вагон, составил новый текст отречения и вернулся в вагон, в котором находились комиссары. В течение 10 минут царил тягостное молчание. Наконец, явился Фредерикс с напечатанным на машинке актом отречения, который Царь тут же подписал. Комиссары предложили Фредериксу контрассигновать подпись. С согласия Царя Фредерикс поставил и свою подпись. Акт отречения был составлен в двух экземплярах, один из которых хранится у меня, а другой был мной выдан под расписку А. И. Гучкову.

Таким образом, в течение 24 часов Николаем II последовательно было подписано три акта: в 2 часа ночи 2-го марта — Манифест о даровании ответственного министерства, в 3 часа дня — отречение в пользу Сына Алексея и, наконец, в 10 часов вечера — отречение в пользу [Великого Князя] Михаила Александровича¹³⁷.

Я уже сказал, что Николай II в этот исторический день был чрезвычайно угрюм и молчалив и особенно осторожен в словах со мною. Я не могу поэтому вам передать, что чувствовал и думал в это время низложенный революцией Монарх. Но общее мое впечатление таково, что с момента получения известия о том, что Родзянко, вопреки ожиданиям Николая, отказался приехать, у Царя не оставалось никаких иллюзий.

Пребывание Царя во Пскове было известно всем, но поразительно, с каким хладнокровием и невниманием на сей раз отнеслись к этому факту население и войска¹³⁸. Царь часто гулял совершенно один по перрону вокзала и никто из публики не

обращал на него внимания. Время он проводил исключительно в компании нескольких его свитских генералов. Я лично, как я уже сказал, избегал долго оставаться в его обществе, и наши беседы с ним носили чисто деловой характер.

Через полчаса после передачи акта отречения и отъезда комиссаров исполнительного комитета литерный поезд отреченного Царя направился через Двинск в Ставку, а вчера, т. е. 4-го марта, в 6 вечера, я получил телеграмму из Ставки о прибытии его туда».

Показание члена Государственной думы В. В. Шульгина, ездившего вместе с Гучковым в Псков для переговоров с Государем по поводу отречения, было напечатано в «Петроградской газете» (№ 57, 8 марта), каковое привожу полностью, также не ручаясь за его достоверность:

«Необходимость отречения была единогласно принята всеми и только исполнение этого решения затягивалось. А. И. Гучков и я решили отправиться в Псков, где, по полученным исполнительным комитетом Государственной думы сведениям, в это время находился Царь.

Мы выехали 2-го марта в три часа дня с Варшавского вокзала¹³⁹. Бывшие служащие дороги оказали нам полное содействие. Поезд был немедленно составлен. Было отдано распоряжение, чтобы он следовал с предельной скоростью. К нам в вагон сели два инженера, и мы поехали. Однако мы задержались довольно долго в Гатчине, где дожидались генерал-адъютанта Н. И. Иванова¹⁴⁰, который стоял где-то около Вырицы с эшелоном, посланным на усмирение Петрограда. Но с Ивановым не удалось видеться. В Луге нас опять задержали, ибо собравшаяся толпа войска и народа просила А. И. Гучкова сказать несколько слов.

Около десяти часов вечера мы приехали в Псков, где предполагали первоначально переговорить с генералом Н. В. Рузским, который был извещен о нашем приезде. Но как только поезд остановился, в вагон вошел один из адъютантов Государя и сказал нам: «Его Величество вас ждет». По выходе из вагона нам пришлось сделать всего несколько шагов до императорского поезда. Мне кажется, я не волновался. Я дошел до того переутомления и нервного напряжения одновременно, когда уже ничто, кажется, не может удивить, ни показаться невозможным. Мне было все-таки немного неловко, что я явился к Царю в пиджачке, грязный, немыйтый,

четыре дня небритый, с лицом каторжника, выпущенного из только что сожженных тюрем.

Мы вошли в салон-вагон, ярко освещенный, крытый чем-то светло-зеленым. В вагоне был министр Двора Фредерикс и еще какой-то генерал, фамилии которого я не знаю. Через несколько мгновений вошел Царь. Он был в форме одного из кавказских полков. Лицо его не выражало решительно ничего больше, чем когда-либо приходилось видеть в другое время. Поздоровался он с нами скорее любезно, чем холодно, подав руку. Затем сел и просил всех сесть, указав место А. И. Гучкову рядом с собой, около маленького столика, а мне напротив А. И. Гучкова; Фредерикс сел немного поодаль, а в углу вагона за столиком сел генерал, фамилии которого я не знал, приготовляясь записывать. Кажется в это время вошел Рузский и, извинившись перед Государем, поздоровался с нами и занял место рядом со мной, значит против Царя. В таком составе (Царь, Гучков, я, Фредерикс, Рузский, генерал, который писал) началась беседа.

Стал говорить Гучков. Я боялся, что Гучков скажет Царю что-нибудь злое, безжалостное. Но этого не случилось. Гучков говорил довольно долго, гладко, даже стройно в расположении частей своей речи. Он совершенно не коснулся прошлого. Он изложил современное положение, стараясь выяснить, до какой бездны мы дошли.

Он говорил, не глядя на Царя, положив правую руку на стол и опустив глаза. Он не видел лица Царя и, вероятно, так ему было легче договорить все до конца. Он и сказал все до конца, закончив тем, что единственным выходом из этого положения было бы отречение от Престола в пользу маленького Алексея с назначением регентом Великого Князя Михаила. Когда он это сказал, генерал Рузский наклонился ко мне и прошептал: «Это уже дело решенное».

Когда Гучков кончил, Царь заговорил, причем его голос и манеры были гораздо спокойнее и как-то более просто деловиты, чем взволнованная волнением минуты, несколько приподнятая речь Гучкова. Царь сказал совершенно спокойно, как будто о самом обыкновенном деле:

«Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от Престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу своего Сына. Но затем я понял, что расстаться со своим сыном я неспособен».

Тут он сделал коротенькую остановку и прибавил, но все так же спокойно:

«Вы это, надеюсь, поймете».

Затем он продолжал:

«Поэтому я решил отречься от Престола в пользу моего Брата».

После этих слов он замолчал, как бы ожидая ответа. Тогда я сказал:

«Это предложение застаёт нас врасплох. Мы предвидели только отречение в пользу Цесаревича Алексея. Поэтому я прошу разрешения поговорить с А. И. Гучковым четверть часа, чтобы дать согласный ответ».

Царь согласился, но, не помню уж как, разговор снова завязался, и мы очень скоро сдали эту позицию.

Гучков сказал, что он не чувствует себя в силах вмешиваться в отцовские чувства и считает невозможным в этой области какое бы то ни было давление. Мне показалось, что в лице Царя промелькнуло слабое выражение удовлетворения этими словами. Я, со своей стороны, сказал, что желание Царя, насколько я могу его оценить, хотя имеет против себя то, что оно противоречит принятому решению, но за себя имеет также многое. При неизбежной разлуке создается очень трудное щекотливое положение, так как маленький Царь будет все время думать о своих отсутствующих Родителях и, быть может, в душе его будут расти недобрые чувства по отношению к людям, разлучившим его с Отцом и Матерью. Кроме того, большой вопрос, может ли регент принести присягу на верность конституции за малолетнего Императора. Между тем, такая присяга при настоящих обстоятельствах совершенно необходима, чтобы опять не создалось двойственного положения. Это препятствие при вступлении на Престол [Великого Князя] Михаила Александровича будет устранено, ибо он может принести присягу и быть конституционным монархом. Таким образом, мы выразили согласие на отречение в пользу Михаила Александровича.

После этого Царь спросил нас, *можем ли мы принять на себя известную ответственность дать известную гарантию, что акт отречения действительно успокоит страну и не вызовет каких-либо осложнений**. На это мы ответили, что, насколько можем предвидеть, мы осложнений не ждем.

* Не напрасно сказано в слове Божиим: «Сердце царя в руке».

Я не помню точно, когда Царь встал и ушел в соседний вагон подписать акт. Приблизительно около четверти двенадцатого Царь вновь вошел в наш вагон. В руках он держал листочки небольшого формата.

Он сказал: «Вот акт отречения, прочтите».

Мы стали читать вполголоса. Документ был написан благородно. Мне стало совестно за тот текст, который мы однажды набросали¹⁴¹. Однако я просил Царя после слов: «заповедуем Брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут установлены», — вставить: «принеся в том всенародную присягу». Царь сейчас же приписал эти слова, изменив одно слово, так что вышло: «принеся в том ненарушимую присягу».

Таким образом [Великий Князь] Михаил Александрович должен был бы принести присягу на верность конституции и был бы строго конституционным монархом. Мне казалось, что это было совершенно достаточно, но события пошли дальше...

Акт был написан на двух или трех листочках небольшого формата, с помощью пишущей машинки. На заглавном листе стояло слева слово: «Ставка», а справа: «Начальнику штаба». Подпись была сделана карандашом¹⁴². Когда мы прочли и одобрили акт, мне кажется, что произошел обмен рукопожатий, как будто имевший сердечный характер. Впрочем, в то время уже я безусловно был взволнован и потому могу ошибаться. Может быть, этого и не было.

Я помню, что, когда я в последний раз взглянул на часы, было без 12 минут 12. Поэтому, надо думать, что все это событие огромной исторической важности произошло между 11 и 12 часами в ночь с 2-го на 3-е марта. Я помню, что, когда это случилось, то у меня мелькнула мысль: «Как хорошо, что было 2-е марта, а не 1-е».

Господа» (Притч. 21, 1). Сердце Государя предчувствовало, что люди затевают не доброе дело для спокойствия и блага России, что он особенно подчеркнул в своих словах, а потом он снимает с себя всякую ответственность за последующее. Что он мог сделать, когда ему все изменили, начиная с членов Государственной думы и кончая главнокомандующими армиями и начальником своего штаба. [...]

* Это нас удивляет, ибо такие важные акты обычно подписываются пером и чернилами.

После этого было прощание. Мне кажется, что злых чувств ни с той, ни с другой стороны в это мгновение не было. У меня на душе была скорее жалость к человеку, который в это мгновение искупал свои ошибки благородством мыслей, осветивших отказ от власти. С внешней стороны Царь был совершенно спокоен, но скорее дружелюбен, чем холоден.

Я забыл сказать, что мы условились с генералом Рузским, что будет два экземпляра акта, собственноручно подписанных, потому что мы опасались, что при бурных обстоятельствах Петрограда акт, который мы привезем, может быть легко утрачен.

Таким образом, первый подписанный акт на листочках небольшого формата должен был остаться у генерала Рузского. Мы же привезли второй экземпляр, также написанный на машинке, но на листе большого формата¹⁴³.

Подпись Царя справа сделана также карандашом, а с левой стороны — пером скрепил министр Фредерикс. В получении этого экземпляра, который был нам вручен в вагоне генерала Рузского, мы, т. е. Гучков и я, выдали расписку. Этот экземпляр мы привезли в Петроград и его удалось передать в надежные руки. Была минута, когда документ подвергался опасности¹⁴⁴.

Таковы подробности отречения Государя от Престола по показанию участников и свидетелей этого исторического события, решившего судьбу Великой Российской Империи, к голосу которой прислушивался весь мир. Насколько они верны и точны, как я уже сказал, ручаться не могу, пусть каждый в них разбирается по тайному голосу своей совести.

Прежде всего спросим свою совесть: можно ли обвинять Государя за то, что, не желая из-за себя проливать кровь, по желанию представителей народа, высших военных властей и некоторых особ Царствующего Дома под угрозой насилия, он отрекся от Престола в пользу своего Брата? Голос моей совести говорит, что нет. Для подтверждения сего мы знаем много примеров из времен прошедших. Св. Григорий Богослов не погрешил тем, что, когда увидел недовольство некоторых из своей паствы, оставил Патриарший престол, хотя потом немало бедствий постигло Церковь без его мудрого управления. Также не погрешил Преподобный Сергий, игумен Радонежский, когда, услышав ропот недовольной его управлением братии, оставил свой игуменский пост и обитель чрез это пришла в полный упадок. Так и Государь не погрешил, оставя свой Царский Трон не

только по желанию недовольных, но и под угрозой насилия. Помимо сего, всякий акт отречения, вынужденный насилем, как юридически, так и канонически считается недействительным¹⁴⁵.

Насилие свержения с патриаршего престола, совершенное незаконным собором над св. Иоанном Златоустом, Богом признано было недействительным видимым знаком его чудесного прославления и жестоким наказанием всех участников насилия.

Но здесь невольно закрадывается в душу сомнение: «А действительно ли подписан Государем акт отречения?» Это сомнение можно вырвать из тайников душевных только тогда, когда безпристрастная экспертиза докажет, что акт отречения действительно подписан Императором Николаем II. Такие первостепенной важности акты совершаются не при двух-трех свидетелях, а при составе представителей всех сословий и убеждений. Не было также подтверждено Государем кому-либо при жизни, что им подписан акт отречения и никто к нему допущен не был из лиц нейтральной стороны и даже из числа иностранных представителей, при которых бы Государь подтвердил акт своего отречения и что он *сделан не под угрозой насилия, а добровольно*.

То же самое нужно сказать и относительно отречения Великого Князя Михаила Александровича. По одной версии, его под угрозой смерти заставили подписать уже составленный акт отречения, а по другой версии, даже закрадывается сомнение в подлинной подписи акта. Будем ждать того момента, когда безпристрастная экспертиза скажет нам слово правды и положит предел нашим сомнениям.

Но нам скажут: какая же цель в наличии самых актов, ибо лишенные власти монархи уже бессильны опровергать совершенное над ними насилие? Цель вполне ясная и весьма важная для представителей переворота, ибо не все же способны плевать на присягу и на тот крест и евангелие, пред которыми клялись; а когда таковые видят акт добровольного отречения, то они успокаивают свою мятущуюся совесть тем, что Государь своим отречением развязал их от клятвы, которой они связаны.

В таких случаях можно обмануть людей и самого себя, а Бога не обманешь. Он все видит и Сам, кого нужно, прикажет ангелам связать и развязать.

Текст акта отречения Великого Князя Михаила Александровича следующего содержания:

«Тяжкое бремя, возложено на меня волею Брата моего, передавшего мне Императорский Всероссийский Престол в годину безпримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

3 марта 1917 г.

Петроград.

МИХАИЛ».

Помимо сего акта, была напечатана в газетах телеграмма Государя из Ставки к Михаилу Александровичу¹⁴⁶, в которой он обращался к нему, как к Императору, прося прощения, что он, не предупредив, возложил на него тяжелое бремя Царского служения. Поручиться за подлинность этой телеграммы никто не может. Больше же ничего не известно по поводу акта отречения Великого Князя Михаила Александровича и о самых подробностях его отречения¹⁴⁷.

Х

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ПЕРИОД СТРАДАНИЙ

В грозные дни государственного переворота Императрица Александра Феодоровна держала себя бодро и мужественно, как великая героиня духа. Помимо грозящих тяжелых последствий от вероломного заговора, постигло ее новое испытание: все дети заболели заразительной корью в самой тяжелой форме. Великие Княжны Ольга и Мария с осложнением — воспалением легких. Болезнь детей была очень тяжелая, все они с остриженными волосами лежали без памяти в бреду. Горячо любящая

Мать сама ухаживала за своими милыми детками с своей верной и искренно преданной фрейлиной А. А. Вырубовой, вскоре тоже заболевшей корью. Нужен был великий богатырский дух и крепкая вера в Бога, чтобы при таком безпримерно тяжелом испытании не пасть духом и не прийти в отчаяние. Видимо только помощь Всевышнего укрепляла это многострадальное праведное Семейство.

Между тем, приносили Государыне все новые и новые тревожные слухи о грозных событиях в Петрограде.

28 февраля по просьбе Императрицы прибыл во Дворец Великий Князь Павел Александрович¹⁴⁸, доложивший Ее Величеству о ходе совершающихся событий. Он не скрыл от Императрицы, что Государственная дума стала во главе восстания против Государя, желая свергнуть его с Престола. Во время доклада Великого Князя Императрица владела собой, крепилась духом и не показала наружного вида волнения, хотя в душе бурлила грозная буря. Когда замолк Великий Князь, Императрица высказала приблизительно следующие мысли: «Все во власти Всевышнего Бога, воля Его во всем; будем просить Господа Бога, пусть устроит так, как Ему угодно, а мы, смиренные рабы Его, преклоняемся пред волей Его во всем, в чем бы она ни выражалась. Мы сами по себе бессильны воспротивиться тому, что предрешено в Небесном Совете. Государь по силе своего разума делал все во благо русского народа, а потому за все тяжелые последствия измены ответят пред Богом и потомством те, кто стал во главе восстания. Православный русский народ, будет время, отрезвится, спохватится, да будет поздно. Я прошу у Бога помощи не пасть духом нам в эти безпримерно тяжелые дни, дабы остаться до конца верными долгу нашей Царской присяги и не запятнать своей чести пред Богом и верным потомством. Я глубоко верю в слова Спасителя, сказавшего: *«Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано»* (Мф. 10, 26). Все тайное, коварное Бог в свое время откроет и жестоко накажет предателей России и Церкви Христовой. Причина всему этому глубокому падению народа умножение греха во всех его видах во всех классах общества, а в особенности интеллигентных. Вот почему охладела любовь к Богу и ближним, попирается правда и ликует ложь».

В заключение своей беседы Государыня просила Великого Князя поехать на фронт к Государю, ибо он нуждается в искреннем совете, но Великий Князь отказался. Так смотрела на

грозные события верующая русская Императрица. Великий Князь не ожидал такого безпримерного мужества от женщины, когда все мужчины растерялись и опустили руки. Он предполагал видеть Императрицу в отчаянии плачущей и стонущей от нестерпимого горя, лежащей в постели, нуждающейся в духовной и медицинской помощи, а, между тем, сам от ее беседы получил бодрость духа.

Предавшись во всем на волю Божию, Императрица, как любящая мать, усердно ухаживала за своими больными детьми, как бы не замечая окружающей грозной бури.

В этот же день председатель комитета Государственной думы Родзянко предложил по телефону Государыне выехать из Царского Села в виду предстоящей опасности для их жизни. Императрица отвергла это вероломное предложение, сказав, что смерти она ранее не боялась, а тем более в настоящий момент не боится, ибо совесть ее чиста пред Богом и Россией. Предателей она не страшится, а боится только Единого живущего на небесах Господа Бога, Которому и даст ответ в своих делах. Она не может оставить тяжело больных своих детей. Она согласна лучше здесь на месте умереть со своими детьми. Родзянко сказал на это Государыне: «Когда горит дом, то выносят из него и больных детей». Государыня и после сего решительно отказалась выехать из Царского Села до приезда Мужа и выздоровления детей, добавив, что предпочитает лучше сгореть в своем доме вместе с детьми, чем изменить своему святому долгу матери и жены. После такого решительного ответа Императрицы Родзянко больше своих услуг не предлагал.

С этого момента исполнительный комитет Государственной думы чрез своих агентов негласно лишил свободы как Государя, так и Государыню, не допуская никаких сношений их между собой и с преданными слугами. Императрица была как осиротелая горлица среди трех опасностей: с одной стороны — гроза от восставших зверообразных людей, с другой стороны — страх за жизнь тяжело больных детей, а с третьей стороны — беспокойство за судьбу Мужа. Только Одному Богу ведомо, что она за это время пережила, да еще с больным сердцем. Здесь воочию видится невидимая десница Божия, помогающая Своей избраннице.

Вечером 1-го марта Государыня получила письмо из Ставки от Государя, посланное секретно с нарочным. В письме Государь извещал что он жив, здоров, духом бодр, всех горячо целует и просил не унывать, во всем положиться на Бога, ибо в Его

власти все: и жизнь, и смерть. Получив эту первую весточку от горячо любимого Супруга, Государыня была безконечно обрадована, сказав по прочтении письма: «Слава Богу, что он жив, здоров и бодр».

В этот же день вечером Государыня узнала от своей придворной прислуги, что в Петрограде ходят слухи об отречении Государя от Престола, но она особенно не придавала этому слуху какого-либо значения. После этого вскоре приезжает во Дворец Великий Князь Павел Александрович с проектом манифеста о конституции по требованию Государственной думы, который Императрица прочитала и, по словам Великого Князя, якобы одобрила.

3-го марта Великий Князь Павел Александрович явился во дворец с номером «Известий» с Манифестом об отречении Государя. Императрица и это известие по наружному виду приняла спокойно, обладая удивительной выдержкой, сказав только: «Я верю в Бога, Он нас не оставит, Он лучше нас знает, что делает».

В этот же день приходили во Дворец представители местной революционной власти, но Государыня просила их оставить ее в покое, ибо она теперь является только сестрой милосердия при больных детях и никуда от больных детей не побежит.

5-го марта Великий Князь Павел Александрович посетил Государыню в последний раз. При этом посещении во время разговора Императрица не выдержала, слезы катились по ее бледным ланитам, но и в этот раз она духа бодрости и надежды на Бога не теряла. Она волновалась и беспокоилась за судьбу Государя и России, ибо своим глубоко философским умом понимала, к чему все это приведет Великую Россию...

Государя, после подписания акта отречения, из Пскова отправили в поезде через Двинск в Ставку, находившуюся в Могилеве, куда он прибыл вечером 4-го марта.

Много писала лживая пресса всевозможных сплетен про Государя, желая всеми неправдами уронить его авторитет в глазах верующего и преданного народа. Среди этих сплетен была и ложь о спайвании Государя. По поводу сего корреспондент «Биржевых ведомостей» * Л. Ган¹⁴⁹ спросил герцога Лейхтенбергского¹⁵⁰: «Верно ли, что в последнее время свита в трудные минуты старалась спайвать Царя? Верно ли, что Царь последнее время совсем не интересовался делами?»

* 1917 г. № 16132.

Герцог на это ответил:

«Что касается первого вопроса, то я заявляю, что Царь иногда за обедом выпивал рюмку-другую вина. Он пил монастырский квас, портвейн *.

На второй вопрос я могу ответить, что Царь не прочь был слушать анекдоты. Но надо принять во внимание обстановку, в которой он находился. Нельзя сказать, что он мало работал. Можно спорить о продуктивности работы.

О событиях и настроениях в стране он осведомлялся по докладам министров и главнокомандующих. Придавал больше значения военному делу, чем гражданским и общегосударственным делам. Газет не переваривал. Он не читал ни одной газеты, даже «Новое время». Не терпел газет, считал, что газеты сообщают односторонние сведения и что в них он не может искать правды. Иногда ему подавался «Русский инвалид», иногда некоторые правые газеты.

* В опровержение сей гнусной клеветы говорит и ранение Государя в г. Отсу в Японии 29 апреля 1891 года, когда ему был нанесен удар по голове саблей. Хотя, по-видимому, сотрясения мозга и не последовало, но в черепной кости, слегка надтреснутой от удара, при употреблении спиртных напитков должно было следовать разрушение костного вещества, почему ему было врачами запрещено употребление спиртных, и он всецело повиновался воле медицины.

Не лишены интереса слова Государя, сказанные после покушения на его жизнь: «*Это ничего; лишь бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие.*»

Поэт Майков по поводу сего пророчески писал:

*Царственный юноша, дважды спасенный!
Являет двукратно Руси умиленной
Божия Промысла щит над тобой!
Вихрем помчалася весть громовая,
Скрытое пламя в сердцах подымая,
В общем порыве к молитве.
С этой молитвой всей Русской землей,
Всеми сердцами ты глубже усвоен...
Шестувъ же в путь свой и бодр и спокоен,
Чист перед Богом и светел душой!*

Да, он чистым перед Богом и со светлой душой ушел от нас в небесную отчизну, где дышется воздухом любви.

Генералу Воейкову приписывается страшная задуманная им мысль, будто бы он при обмене мнениями о создавшемся положении сказал: «Что ж, надо открыть Двинский фронт, революция немедленно будет тогда потушена».

Лично я этой фразы не слышал, как не слышал ее от Царя и других членов свиты, и мне кажется, что если и была такая фраза, то она была произнесена в совершенно ином смысле. Фраза эта могла быть произнесена так: «Революцию можно подавить силой оружия, но откуда взять войска? С севера? Тогда ведь будет открыт Двинский фронт».

7-го марта временное правительство вынесло свое постановление о лишении свободы Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны.

Поводом, побудившим к этому, были разные мотивы, среди которых был и донос Гучкова, якобы Государь сносится с Государыней по телеграфу шифром.

В Могилев были отправлены комиссары А. А. Бубликов¹⁵¹, С. Т. Грибунин¹⁵², И. И. Калинин¹⁵³ и В. М. Вершинин¹⁵⁴ для лишения свободы низложенного Императора Николая II.

Когда они прибыли в Ставку, то их встретил генерал Алексеев, этот бывший самый близкий к Государю человек, сознательно работавший уже с лишним год в прогрессивном блоке по делу свержения Царя.

В это время в Могилев прибыла Мать Государя Императрица Мария Феодоровна, которая вела с Сыном последнюю свою материнскую беседу, ободрила его, благословила и простилась, обливаясь слезами. Государь при этом трогательном прощании не выдержал, заплакал как дитя.

Всего только один час дали Государю на свидание с Матерью и поезд в сопровождении комиссаров 8 марта в 4 часа 53 минуты из Ставки отошел.

При отходе поезда из Могилева проводить Государя собралось офицерство и местное население. Вечером 7 марта совет министров дал знать главнокомандующему петроградского военного округа генерал-лейтенанту Корнилову¹⁵⁵ о своем решении немедленно арестовать в Царском Селе Императрицу Александру Феодоровну, а также, по прибытии поезда из Могилева, и Императора Николая II.

8-го марта в 8 часов 45 минут Корнилов в сопровождении своего адъютанта прапорщика Долинского и начальника Царскосельского гарнизона полковника Кобылинского¹⁵⁶

отправился в Царское Село, куда прибыл в начале 10-го часа утра и вызвал на вокзал коменданта Царского Села подполковника Мацнева. С вокзала Корнилов с вышеуказанными лицами поехал в Александровский дворец, где вызвал к себе обергофмаршала графа Бенкендорфа¹⁵⁷, находившегося безотлучно при Императрице и просил его узнать у «Александры Феодоровны», когда она может его принять. Бенкендорф, волнуясь, пытался узнать причину приезда Корнилова, дабы к этому подготовить Императрицу, но главнокомандующий революционных войск грубо и категорически отказался что-либо сообщить о цели своего приезда, требуя немедленно выполнить данное им приказание.

Граф пошел в покои Императрицы, сообщил ей о приезде Корнилова и о его желании видеть Ее Величество. Государыня сразу догадалась о цели приезда и сказала, что примет через десять минут, а сама встала пред иконой Божией Матери, прося помощи в предстоящем новом испытании.

В 10 часов 30 минут к Корнилову вышла Императрица в черном наглухо закрытом платье и, ни с кем не здороваясь, сохраняя спокойствие духа, попросила всех сесть.

Когда сели все, села и Государыня; обращаясь к Корнилову тихим спокойным голосом, сказала: «Чем могу служить и чем обязана вашему визиту?»

Корнилов встал с места и сказал: «Я здесь по поручению совета министров, решение которого я обязан вам сообщить и выполнить его».

Императрица немедленно встала и сказала: «Говорите, я вас слушаю».

Корнилов начал читать постановление совета министров о лишении свободы Александры Феодоровны и, когда дошел до места о том, что в Могилев отправлены депутаты для ареста Государя, Императрица, слушавшая постановление, молча и низко наклонив главу, сказала: «Не продолжайте». Но Корнилов, вопреки воле Императрицы, дочитал до конца постановление. Затем объявил Государыне, что она с сего момента арестована. Тяжело было слышать эти слова, сказанные в грубом тоне от того генерала, который был облагодетельствован Государем больше, чем кто другой. В этот момент Императрица взяла себя в руки, не показав своего тяжелого душевного волнения и чрезвычайного страдания. Легче было бы ей выслушать такое объявление от человека в товарищеском костюме, чем от генерала с

царскими орденами. Только после она сказала: «Не ведает, что делает. Бог ему судья».

Государыня просила прежде всего за своих больных детей, дабы они не были лишены врачебной помощи. Корнилов разрешил приходить врачам к больным детям при обязательном условии, что их должна сопровождать охрана. Императрица убедительно просила Корнилова оставить часть дворцовой прислуги, к которой дети привыкли. Жестокое сердце революционного генерала не сжалилось над воплем бедной незащищенной матери, он в просьбе отказал, оставил только фельдфебеля Деревенку¹⁵⁸, находившегося при Цесаревиче Алексее Николаевиче. Помимо его оставил из прислуги дворцовой самое необходимое число и тех, кого сам пожелал, а не тех, кого желали дети и Императрица.

Придворным чинам Корнилов объявил, что, кто хочет остаться во Дворце, то пусть ему об этом тут же заявит, и он будет состоять на правах арестованного. Граф Бенкендорф согласился остаться, а личный секретарь Императрицы граф Апраксин¹⁵⁹ не нашел нужным остаться. Здесь узнались искренние друзья, как сказано: в скорби познаются искренние друзья. Тут же по распоряжению Корнилова было прервано всякое телеграфное сообщение с Александровским дворцом, строго запрещены Государыне и детям какие бы то ни было разговоры по телефону. Также приказано подвергать строгому контролю письма Царицы, детей и оставшейся дворцовой прислуги. Затем Корнилов вышел из покоев Императрицы, распорядился снять прежний караул и заменить его революционным караулом.

Исполнение должности коменданта Дворца было возложено Корниловым на полковника Кобылинского, а наблюдение за правильным выполнением инструкций, установленных Корниловым, поручено коменданту Царского Села подполковнику Мацневу. Знамя Сводного Гвардейского полка было приказано из Дворца немедленно вынести. Командир полка при выносе знамени плакал как ребенок, прося разрешения проститься с Государыней, это было ему разрешено, но в присутствии Кобылинского. Этот верный долгу присяги полковник¹⁶⁰ при прощании с Царицей не мог говорить от слез, а она, как любящая мать, утешала его, советуя прибегать в скорби к Богу.

Так неожиданно приезд Корнилова нанес новый самый тяжелый удар больному сердцу Императрицы. Будь это сделано по приезде Государя, было бы много легче.

Но люди за свою греховную жизнь, лишённые любви и сострадания, настолько увлекаются своими эгоистическими заботами и усыпляют свою совесть, что даже не имеют жалости ни к незащитной матери, ни к больным детям.

Все это видимо повлияло на здоровье детей: хотя от них происходящее скрывали, но они видели скорбное лицо Матери и догадывались о ее печали. Здоровье детей значительно ухудшалось. Очень серьезное положение было старшей дочери Ольги Николаевны, у которой стояла весьма высокая температура.

Вечером приехал во Дворец Керенский с одним из товарищей в рабочей блузе. Он вел себя с надменной хамской гордостью, как власть имущий над всем и вся, приказывая дать знать «Александре Феодоровне», чтобы она пришла к нему в приемную комнату для нужных ему личных переговоров. Императрица ответила: она в приемную комнату не пойдет, а если угодно видеть ее г. Керенскому, то просит пожаловать его в ее кабинет. Получив такой мужественный ответ от Императрицы, Керенский первое время растерялся и сказал при своем товарище: «Хорошо, сейчас иду к Ее Величеству». При встрече с Государыней Керенский совершенно растерялся, не умея себя вести с Русской Императрицей, этой женщиной-героиней с богатырским духом, называя ее то «Государыней Императрицей», то «Ее Величеством», не имея духа в лицо называть «Александрой Феодоровной», как называл заочно при своем товарище из совета рабочих депутатов.

Женское мужество, благородство, сила воли властной Русской Царицы привело в полную растерянность и замешательство мелкого адвоката, брошенного волнами революционной бури к рулю министра юстиции. Это заметила Государыня, говорившая своим слугам, после его ухода из Дворца, что Керенский так растерялся, что не знал как себя вести при разговоре с ней.

Приезд Керенского никакой цели не имел, кроме простого мещанского хамского любопытства.

В это тяжелое время Государыня находила утешение в горячей слезной молитве и чтении Евангелия, которое она читала ежедневно. Почти неотлучно находилась безконечно любящая своих детей Мать при больных детях не только днем, но и ночью, на короткое время засыпая, сидя в кресле в детской, у своих милых деток. Все из придворной прислуги говорили, что они удивлялись крепости духа Государыни, да и вряд ли можно встретить подобную ей нежно любящую мать, чтобы она при

таким безпримерном горе не потеряла мужества и крепости духа, могла лично ухаживать за больными детьми и иметь силу воли скрывать от них происходящее кругом. Здесь являлась очевидная помощь Божия, ибо без таковой никакая мать не могла бы этого выполнить, ибо она сама лежала бы в постели, нуждаясь в посторонней помощи.

Утром 9-го марта Государыне стало известно, что сегодня должен прибыть из Могилева в Царское Село Государь, что очень обрадовало ее и детей, безконечно любящих своего Отца.

По сообщению лиц, сопровождавших Государя, он в этот день встал рано, долго молился Богу, читал Евангелие и вышел в столовую в 10 часов, попросил пригласить на кофе всех сопровождавших его из своей Свиты. Здесь он беседовал со своими верными до конца слугами целый час, не подавая вида своего душевного волнения. После этого Государь простился со своими и с сопровождавшей его прислугой, по очереди расцеловал всех. Затем, обращаясь к собравшимся, он сказал: «Благодарю за службу. До свидания. Прощайте».

Около 12 часов дня поезд прибыл в Царское Село. Государь был в черкеске Кубанского казачьего батальона, в черной папахе и пурпуровом башлыке на плечах. На груди у него был орден св. Георгия. На поясе висел казачий кинжал. Вид Государя был бледный, задумчивый, но спокойный.

Из вагона Государь вышел спокойно в сопровождении князя Долгорукова, идя прямо к ожидавшему его автомобилю. По сторонам глазели любопытствующие, но Государь шел, не оглядываясь. Поезд был встречен полковником Кобылинским и прапорщиком Вачнадзе.

Сдав Государя коменданту Дворца полковнику Кобылинскому, члены Государственной думы из Царского Села уехали в Петроград.

Неприятно было смотреть на то, как приближенные сановники, прибывшие в одном поезде с Государем, быстро расходились, оглядываясь, как бы их не признали. Таковы люди века сего: не постоянны, не устойчивы, не имеющие гражданского мужества, разменивающиеся по мелочам, унижающие свое человеческое достоинство¹⁶¹.

Когда прибыл автомобиль с Государем к дворцовым воротам, начальник революционного караула громко произнес: «Откройте ворота бывшему Царю». Это было сказано с иронической улыбкой дабы нанести новый сердечный удар Государю.

Наконец, автомобиль остановился у подъезда Дворца, где стояла вооруженная красная стража. Из автомобиля Государь вышел, не смотря по сторонам, направился во Дворец, не останавливаясь, прошел в комнату больных детей. Здесь Императрица встретила своего любимого Супруга, крепко они расцеловались, крепясь духом, стараясь владеть собой, дабы не подать виду детям. Но как ни крепились они, слезы взяли верх. Эта встреча была трогательна и умилительна. В этот момент безконечно радостного свидания Супругов и детей забылось все горе и окружающая грозная опасность. Не слышалось ни звука ропота на горькую судьбу, ни слова укоризны друг другу. Здесь была встреча истинно преданных друг другу горячо любящих супругов, приведшая в растерянность и удивление даже самих сопровождавших врагов.

После взаимного приветствия Супругов, Государь подходит к больным своим безконечно любимым детям, крепко всех целует, благословляет. Дети радовались и плакали слезами радостного святого умиления.

Таким горячо любящим Мужем и Отцом был Русский Император, которого грязные, безнравственные и гнусные клеветники забрасывали грязью и обливали смрадными помоями. Оставшиеся в живых из придворной прислуги в своих рассказах особенно подчеркивают нежную любовь Государя к Семье, особенно к Сыну Алексею. Такие же чувства к детям питала и Государыня, несмотря на то, что имела характер твердый, энергичный, властный и самостоятельный. Она была человеком с характером, большой силой воли, умела детей держать в твердых руках и вместе с ним безгранично любить.

Правда подобна сияющему солнцу, которое не терпит вреда от заслоняющих его черных туч, то же подобие имеет и человек кристальной души и чистой совести. Можно временно закидать его грязью, но он, подобно золоту, останется чистым.

Так началось узническое крестное страдание Великого Царственного Работника, день и ночь неуспешно работавшего России не год, а целых 22 года, как бы то ни было умевшего искусно править рулем величайшего в мире государственного корабля, состоящего из разноплеменного народа.

Справедливо сказал один старый солдат, что он желал бы Императору Николаю II отлить золотой памятник. Когда его спросили красные товарищи: «За что же?», — он смело ответил: «За то, что умел 22 года управлять такими ослами, как вы».

Легко осуждать и критиковать, смотря со стороны, а как только сами критикующие и осуждающие возьмутся за дело, то ничего у самих не выходит, как это и случилось с господами Родзянко, Милюковыми, Гучковыми, Львовыми, Керенскими и К°.

Что же сделали эти господа новые правители в ответ на то благородство, которое оказал Государь при отречении от Престола? Вместо благородного с их стороны отношения, Государь, Супруга его и даже дети, как преступники, арестовываются и беспощадно оскорбляются. Нет, этого мало, они предаются на терзание, на безпримерные страдания и смерть.

Они, пожалуй, нам возразят: «Не мы убили Государя и его Семью»¹⁶². Нет, вы, господа, члены исполнительного комитета Государственной думы во главе с Родзянко и совет самопоставленных министров во главе со Львовым, всецело виновны в смерти не только Государя, его Семьи, но и тех 25 миллионов, брошенных в жертву первому мировому революционеру — красному дракону-диаволу.

Как в первые времена христианства, гордые и безсердечные властители в угоду толпе бросали невинных христиан на арены кровожадным зверям, так поступили и вы. Здесь главные виновники не звери, а те, кто бросал невинных людей в пасть зверей. Так точно и вы, господа временные правители, дадите отчет пред Богом и потомством за все жертвы, кровь которых вопиет на небо против вас. Вы натворили бед за краткое свое владычество и разбежались из России по иноземным странам, оставив на произвол судьбы всех честных русских граждан, выброшенных на арену с выпущенными вами же кровожадными зверями в человеческой оболочке. Вы должны были сами умереть прежде всех на своих постах, самовольно занятых, а не бежать. Вы взяли на себя всю полноту власти и ответственности и никто другой, как вы, во всей полноте ответственны за все то, что вы сделали, и за последующие плоды ваших дел.

Новая дворцовая красная стража относилась к Царственным Узникам весьма грубо и дерзко. Когда Государь здоровался с караульными офицерами и солдатами, то одни ничего не отвечали, а другие с дерзкой иронией говорили: «Здравствуйте, полковник». Был даже такой случай: при смене караула Государь подал прапорщику (инородцу) руку, но он руки Государю не подал, отдернул свою руку и сделал шаг назад. Государь пошел к нему, положил руки на его плечи и со слезами на глазах

сказал: «За что же, за что же, голубчик?» Прапорщик вновь делает шаг назад и дерзко отвечает: «Я из народа. Когда вам народ протягивал руки, вы не подали ему своей руки, так и я вам не подам руки». Государь повернулся и ушел со слезами на глазах. Такими грубыми приемами безжалостно растравляли сердечные раны Августейшего страдальца эти господа прапорщики из народа, только не русского, потерявшие не только человеческое благородство, но и всякое чувство человеческого достоинства.

Зная, что Государь лживых газет и журналов не любил, ему нарочно приносили такие, в которых писалась ложь и клевета на Царскую Семью, с отметками красным карандашом. Вообще издевались над Государем и его Семьей так, как только могли.

Нелегко было все это переживать и переносить. Простой смертный человек, без Божьей помощи, не смог бы всего этого перенести: он от скорби или умер бы, или покончил бы с собой.

Помимо всех чинимых оскорблений и издевательств со стороны красной стражи, немало наносила нравственных оскорблений и чрезвычайная верховная следственная комиссия: она почти ежедневно изводила своими обысками, допросами и придирами*.

Однажды был такой инцидент: прибыл во Дворец сам Керенский с членами следственной комиссии и приступил к обыску железного ящика, в котором у Государя находились более важные бумаги, разложенные в порядке, в соответствующих папках. Ящик был опечатан до приезда Государя, ибо думали в нем найти компрометирующие документы. Был попрошен присутствовать при разборе бумаг Государь. Во время разбора бумаг Государь увидел письмо частного характера, случайно попавшее в деловые бумаги, и взял его. Керенский вырвал письмо из рук Государя со словами: «Позвольте, позвольте». Государь это письмо выпустил из своей руки, сильно обиделся, повернулся и ушел, сказав: «В таком случае я здесь не нужен, я ухожу».

Керенский и назначенная им чрезвычайная следственная комиссия все свои силы и старания прилагали к тому, чтобы найти что-нибудь обличающее честность Государя, но при всем своем желании ничего не нашли. Между прочим, произошел очень курьезный случай: была найдена шифрованная телеграмма, которую долго не могли расшифровать. Керенский ликовал:

* Доклад следователя этой комиссии выше приведен.

наконец-то, думал он, нашелся давно желанный им документ, который обличит Государя. Но каково было его разочарование, когда расшифровали эту телеграмму, а в ней было написано: «Жив, здоров. Всех крепко целую. Шлю привет и благословение. Ники».

Вообще отношение Керенского к Государю было грубое, надменное, как к человеку в чем-то виновному и преступному. Только после тщательных обысков, не давших документов в чем-либо компрометирующих Государя, совесть Керенского, видимо еще не совсем заглушая, обличила его и он немного изменил свое отношение к Государю. Помогло этому главным образом ласковое, всегда спокойное, благородное поведение Государя и безконечная доброта его, что невольно смягчало эгоизм и грубость людей ложного благородства.

Государь любил простой народ, ибо в нем больше находил искренности. Большинство прислуги у Государя было из крестьянского сословия, которые были ему верны до революции, остались таковыми и в дни узнических страданий, до конца выполнив свой святой долг. Мне известны следующие лица, бывшие при Государе до конца: камердинер Волков¹⁶³, бывший унтер-офицер; камердинер Чемодуров¹⁶⁴, Софронов¹⁶⁵ и другие, все из крестьян, бывшие нижние чины. Все они с возмущением и негодованием отвергали всю ту ложь и клевету, которую писали про Государя и его Семью в газетах и в разных лубочных книжонках. Как я уже писал, Государь почти совершенно не пил охмеляющих напитков, так свидетельствовала и оставшаяся в живых дворцовая прислуга: Государь иногда перед обедом выпивал по одной маленькой рюмочке сливицы или портвейна, и то очень редко. Шампанского он совершенно не пил, а на праздниках брал бокал, пригубит и поставит на стол. Прислуга благоговела пред их семейной честной, дружной жизнью, в которой свято хранился брачный союз. Все эти лица из бывшей дворцовой прислуги уже после переворота, когда не было основания заподозрить их в лести, со слезами на глазах говорили: «Мы до сего времени такого благородного, сострадательного, любящего, можно непогрешимо сказать, праведного Семейства не видели и, наверное, больше не увидим». А про Детей Царских близкие к ним без слез не могли говорить, так они их любили. Они говорили: «Наши ангелы-утешители улетели от нас на небо, а мы, грешные, еще влачим свое существование на этой грешной несправедливой земле».

На самом деле, разве легко было дочерям, в неге и ласке воспитанным, переносить все ужасы узнической жизни? Действительно, их избрал в Свои невесты Небесный Жених Христос и по примеру древних мучеников призвал к Себе чрез скорби, страдания и мученическую смерть. Видимо, перст Божий избрал их с раннего возраста, ибо они, вопреки окружающей обстановке, стремились к изучению богословских и философских наук, удивляя своею скромностью и правильным пониманием цели жизни. Любили эти Царские Дочери проводить часы ночного времени в духовных размышлениях и молитве при мерцающей лампаде, как древние юные отшельницы в золотой короне, царском одеянии, прекрасные и непорочные. Только они были утешением скорбящим родителям в заточении, развлекая их в тяжелые скорбные минуты и вместе с ними улетели в светлый небесный чертог, где уже никто их не разлучит. Восхищены они Всевышним, ибо души их были угодны Небесному Жениху, ускорившему взять их к Себе, дабы злоба мирская не изменила их возвышенного духовного настроения (*Прем. 4, 11*). За грехи людские Бог взял их к Себе, как некогда взял юного Царевича Димитрия, нетленно почивающего в Московском кремлевском Архангельском соборе в обличие тогдашних предателей и убийц.

Не оставляли в покое и юного Цесаревича Алексея Николаевича жестокие люди. Они всячески оскорбляли этого Отрока, который, всюду путешествуя с Отцом, жалел их своим детским сердцем и сострадал как умел.

Даже в эти дни нанесения грубых обид Цесаревич своего сострадания и любви к этим жестоким людям не изменил. Однажды Теглева¹⁶⁶ спросила Алексея Николаевича: «Если вы будете Царем, то что будете делать?» Цесаревич сказал: «Нет, я Царем не буду». — «А если бы пришлось быть вопреки вашей воле, — повторила Теглева, — то как бы вы стали поступать?» Он сказал: «Я говорю, что Царем не буду. Если и пришлось бы быть, вопреки моей воле, то я прежде всего устрою большой дом, куда соберу всех безприютных детей, а вас поставлю начальницей этого дома; сам же буду часто к вам приезжать». Вот, что думало его любвеобильное детское сердце, оно не помнило зла своих врагов, а думало о их же жалких сиротах.

Сам Господь невидимо помогал Царственным Страдальцам нести тяжелый крест испытаний, в то же время посылая святых Своих небожителей утешать их.

В мае 1917 года в Саровской пустыни передавал мне один почтенный старец-архимандрит замечательное видение:

В дни глубокой его скорби о Царственных Страдальцах, когда он молился о них со слезами, — во время молитвы заснул. Видит он, что находится в Царском Селе, где над Александровским дворцом стоит светлый лучезарный столб, простирающийся до неба. Затем старец подходит к Дворцу, где видит чудное видение: за письменным столом сидит Государь, занимаясь письменной работой; у другого небольшого стола сидит Цесаревич Алексей Николаевич за чтением книги; тут же вблизи Императрица с дочерьми сидит за рукодельем, а среди них находится светообразный старец преподобный Серафим, Саровский чудотворец, говоря свои духовные наставления и утешения. Когда старец Серафим увидел архимандрита, подошел к нему и сказал: «Сильно не скорби, отец, и не унывай, Бог Своих избранных и любимых чад не оставит. Он силен все сделать, чтобы вырвать их от злодеев, но желает им счастья не земного, а небесного. Для Господа легче, чем нам слово сказать, послать легионы ангелов уничтожить всех врагов их, но Он только отнимет от врагов их разум, дабы они погубили сами себя. Господь послал меня пока до времени утешать, ободрять и охранять Царственных Страдальцев, ибо дух бодр, а плоть немощна, нуждается в нашей небесной помощи в трудные минуты скорбей. Видишь лучезарный свет, исходящий от лиц Царственных Страдальцев, это знак того, что они находятся под особым попечением Божиим, как праведники. Как от начала мира всех праведников поносили, обижали, оклеветывали незаконные люди, последователи первого лжеца и обманщика дьявола, так и этих праведных Царственных Страдальцев поносят, унижают, оклеветывают, обижают злые люди, наученные тем же мировым злодеем, который научал против всех праведников и против Самого Творца и Бога нашего Христа Жизнодавца. Посмотри на лицо Царицы и увидишь исходящий свет от него ярче других, это знак того, что она больше всех несет клевет и напраслин от последователей мирового клеветника». Это видение произвело весьма сильное впечатление на старца архимандрита, так что при рассказе его, он не мог удержаться от слез.

Кажется, надо бы оставить в покое Государя и его Семью после всего того, что уже причинили им. Но нет, злоба людей, потерявших чувство сострадания, беспощадна. Она изобретает

все новые и новые способы уязвлять свои жертвы, пока их не добьет окончательно.

Изобретается новый способ разбережения ран Страдальцев. Натравливается толпа вынуть из могилы гроб с телом убитого 17 декабря 1916 года Григория Распутина. После всевозможных надругательств над покойником, гроб его, по настоянию полковника Кобылинского, погружается в товарный вагон и отвозится за несколько верст во избежание дальнейшего святотатственного надругания, ибо по духовному закону над покойником никакие издевательства не допускаются. Но здесь, вопреки воле Кобылинского, было сделано иное, с известной злобой целью, дабы этим делом вбить лишний гвоздь в многострадальные сердца Царственных Узников. Совершается еще небывалое святотатственное дело по попустительству или, быть может, по сознательному указанию высшего революционного начальства: гроб с покойником не предается земле, а на автомобиле везется к Петрограду, на пути встречает его натравленная дикая толпа и новое надругательство, после которого гроб с покойником сжигается при помощи имеющегося в автомобиле бензина, а прах развеивается по ветру. Привезенный бензин не толпой, а людьми, ехавшими на автомобиле, свидетельствует о том, что это сделано по распоряжению того, кто послал автомобиль, т. е. людьми, стоящими у власти¹⁶⁷. Но и на этом злоба людей не остановилась. Об этом печатается во всех газетах с прибавлением непристойных иллюстраций и клеветнических выпадов по адресу Царской Семьи, и газеты эти, подчеркнутые красным карандашом, были приподнесены Государю.

Полковник Кобылинский служил в гвардии, а помощником у него был армейский офицер поручик Коцебу¹⁶⁸. Эти два офицера относились к Узникам с человеческим состраданием, но оказывали они свое сострадание тайно, боясь грубых и жестоких красных товарищей.

Поручик Коцебу изредка заходил в комнату больной А. А. Вырубовой, добровольно пожелавшей быть неразлучной с Царской Семьей до конца. Это узнал один прапорщик из караула, сообщил солдатам и натравил их против поручика Коцебу. Из этого пустячного дела поднялась целая буря, кончившаяся большой неприятностью для Узников и увольнением поручика Коцебу. Вместо поручика Коцебу назначен был прапорщик Коравченко¹⁶⁹, известный своей грубостью и безчеловечной жестокостью. Не проходило дня, чтобы он кого-либо из

Узников не довел до слез. За чем бы самым необходимым ни обращались к нему Узники, он во всем грубо отказывал всегда, допуская в своих словах жестокие оскорбления.

У Цесаревича Алексея Николаевич была модель-винтовка, подаренная ему одним из заводов, как детская игрушка, со специально приготовленными не опасными пулями. Увидав эту модель у Алексея Николаевича, Коравченко с грубым оскорблением отбирает таковую у мальчика. Узнал об этом полковник Кобылинский, винтовку-модель взял к себе, разобрал ее и частями возвратил в комнату Цесаревича, где застал горько плачущим юного Узника.

Вообще красные товарищи только и думали о том, как бы изобрести новое оскорбление Страдальцам-Узникам. Узнали они, что у детей есть любимые две ангорские козы, и они их убивают на глазах детей, когда они были в саду. Единственное развлечение было у детей: в саду качели, куда они временами выходили. Товарищи и здесь ухитрились сотворить свое злобное дело: они на столбах качелей пишут самые безнравственные слова и рисуют порнографические картинки.

По заведенному обычаю во Дворце караульным начальникам выдавалось по полбутылки вина. Об этом Коравченко сообщил солдатам караула и натравил их, чтобы те требовали не только отмены выдачи вина, но и при смене караула являться на проверку к Государю и Семье. Цель этого требования была нанести новое нравственное оскорбление Узникам. Когда узнал об этом полковник Кобылинский, то он довел это дело до военного министра и настоял, чтобы не наносить этого нового оскорбления. После долгих споров решено было поступить так: делать смену караула во время завтрака Государя и Семьи, так, чтобы их видели караульные, а Государь и Семья не замечали бы, что их проверяют ежедневно как уголовных преступников.

17-го марта приехал во Дворец Керенский для ареста больной А. А. Вырубовой. Когда сообщили об этом Вырубовой, то она была сильно поражена таким неожиданным известием, но старалась крепиться духом и владеть собой. Керенский больную торопил, не предоставив даже самого короткого времени на сборы. Вырубова просила разрешения проститься с Государыней и детьми. Керенский долго не соглашался, но после слезной просьбы дал разрешение попрощаться в его присутствии. Когда это известие дошло до Государыни и детей, то они так горько заплакали, как никогда. Они все переносили, но этот новый

удар был для них слишком тяжел. С Государыней случилось дурно, но она скоро оправилась и встала. При прощании как Государыня, так и верная ей Вырубова горько плакали. Картина этого последнего прощания была потрясающая. Кажется смягчилось бы железное сердце, но грубое сердце временщика Керенского не смягчилось, а еще более ожесточилось, ибо он не ожидал такой преданности и взаимной любви. При прощании говорили они очень немного на английском языке, просили друг у друга прощения и молитв, затем крепко неоднократно поцеловались, оградили друг друга крестным знаменем; Вырубова, рыдая как дитя, пошла, а Государыня осталась на месте со слезами. Они чувствовали, что это их последнее свидание на земле¹⁷⁰.

Вырубову из Дворца вывели под руки, посадили в автомобиль и отвезли в Петропавловскую крепость, назначив самый строгий режим в сыром душном каземате.

Государь просил оставить Вырубову при них на правах арестованной, ибо вся Семья к ней была привязана, ценя ее преданность, детскую простоту и искреннюю любовь, но просьба была отвергнута. Лишиться такого преданного человека для Царской Семьи было большим ударом.

Но не успели опомниться от этого удара, как нагрянула новая беда. Приезжает в Царское Село из Петрограда один из товарищей с ордером, подписанным председателем совета рабочих депутатов Чхеидзе¹⁷¹ на взятие Государя из Дворца и заключение его в Петропавловской крепости. Полковник Кобылинский Государя приехавшему товарищу не выдал, говоря, что ему недостаточно этого ордера, а нужен документ за подписью временного правительства, в распоряжении которого он находится. Тогда товарищ потребовал показать ему Государя, дабы доложить своим товарищам, что он находится во Дворце; это для него было сделано. Издали посмотрев на Государя, товарищ уехал из Царского Села в Петроград и больше не являлся¹⁷².

Но этот приезд оставил по себе недобрый осадок. Солдаты, настроенные приезжавшим товарищем и проникшими в гарнизон инородцами, начали требовать назначить на должность коменданта Дворца выбранного ими прапорщика, но происхождению инородца, с большевицкими убеждениями. В это время Коравченко был уволен, а комендантом Дворца был назначен полковник Кобылинский, с оставлением за ним должности

начальника Царскосельского гарнизона. Кобылинский принял решительные меры против того, чтобы не допустить во Дворец этого прапорщика-инородца, всеми неправдами и интригами добивавшегося этого назначения. Он, в свою очередь, со своими товарищами-инородцами вероломными интригами настраивал солдат против полковника Кобылинского, дабы сместить его и самому стать на его место. Борьба была упорная, и кончилась тем, что Кобылинский остался комендантом Дворца, а этот назойливый прапорщик-иноплеменник был назначен помощником коменданта.

Трудно передать, по словам дворцовой прислуги, все то, что этот вероломный человек делал обидного для Узников. Он вел все время интриги и подстрекательство солдат против Государя и Семьи. Кобылинский его в комнаты Царской Семьи не допускал, а он нахально лез туда под предлогом проверки заключенных. В часы гуляния в саду Государя и его Семьи этот нахал все время торчал в саду на глазах гуляющих Узников, омрачая их настроение. Однажды Государь подошел к нему и подал руку, но он руки Государю не подал, грубо сказав: «Я помощник коменданта Дворца, подавать руки заключенным не желаю». Государь отвернулся от этого инородца и ушел. Когда об этом доложили военному министру Керенскому, то он, хотя назвал его хулиганом и нахалом, но убрать не убрал.

Так рану за раной беспощадно наносили растерзанным сердцам Царственных Страдальцев эти люди ложной свободы и гуманности.

Отвернулись из-за страха иудейского от Царственных Страдальцев почти все за исключением очень немногих. Великой Княжне Ольге Николаевне из многих близких подруг писала открыто только одна Хитрово¹⁷³, да еще одна под псевдонимом «Лили»¹⁷⁴, а больше никто не вспомнил свою подругу в тяжелом горе. Из родственников никто во Дворце не был, кроме Великого Князя Михаила Александровича, которого пожелал видеть Государь. Свидание было разрешено Керенским в его присутствии. О чем говорил Государь со своим братом осталось тайной.

Жизнь узников проходила во Дворце в следующем порядке: Государь вставал в 6 часов, а дети в 7 часов утра. Как Государь, так и дети совершали утреннюю молитву, читали Евангелие, затем дети приветствовали Отца, получали от него благословение и принимались за свои дела. Государь после этого ходил по комнате с сосредоточенным вниманием, затем читал книги, вел

запись своего дневника и занимался с Сыном по преподаванию наук. Великая Княжна Ольга Николаевна находила утешение в своих неизменных друзьях-книгах, прерывая углубленное чтение рукоделием и игрой на пианино, отдыхая измученной душой. Великая Княжна Татиана Николаевна заменяла больную свою Мать по хозяйству, в свободное время читала книги и занималась рукоделием. Великая Княжна Мария Николаевна помогала сестре по хозяйству, рукодельничала и занималась уроками высшей науки под руководством Матери. В свободные минуты отдыха Мария Николаевна выходила к дворцовой прислуге, присаживалась к ней как крестьянская русская девушка и вела свои сердечные беседы, веселя и развлекая их. Она всегда была желанной гостьей для прислуги, как ангел утешения. Вела она себя просто, не походя на Царскую Дочь, а скорее на рядовую простую религиозную девушку с горячо любящим и сострадательным сердцем и кристально чистой душой. Появление ее, куда бы она ни пришла, вносило любовь, радость и утешение. Временами заводила она разговор и с красными солдатами, которые, несмотря на свою внешнюю сердечную огрубелость, за время разговора с этой девушкой, полной любви и сострадания ко всем, включительно до своих врагов, смягчались и облагораживались. Хотя желания говорить они не выказывали, но старались находить предлоги завести разговор с этой юной Царственной Узницей.

Великая Княжна Анастасия Николаевна и Цесаревич Алексей Николаевич проводили время в изучении наук и своих невинных детских развлечениях, предпочитая свободное от занятий время проводить около Родителей и за чтением книг.

Императрица просыпалась в 7 часов утра, около часа лежала в постели, читая в это время книги духовного содержания или углублялась в размышления. Усиливающийся от тяжелых переживаний порок сердца давал о себе знать, а потому Императрица нуждалась в отдыхе, который позволяла себе за этот час лежания в постели. Вставши с постели, приведя себя в порядок, Государыня подолгу молилась и неизменно ежедневно читала несколько глав Евангелия. После молитвы Императрица приступала к своим материнским обязанностям и занималась с детьми уроками жизни и науки. Все дети приходили к Матери с утренним приветствием, получали от нее благословение и указание дневных работ и занятий. В час дня был завтрак, на который собиралась вся Семья. Бывало иногда Государь замедлит

своим приходом, тогда Семья ожидает его прихода и все вместе, помолясь Богу, садятся за стол. После завтрака Семья выходила в сад, где гуляла и занималась физическим трудом: рубка деревьев, которые пилили на дрова, а также уход за садом и огородом. Государыня же в саду гуляла мало, ибо болезнь ног и одышка не позволяли ей пользоваться и этим единственным удовольствием. Она в саду около своих детей сидела в кресле, занимаясь рукоделием и Иисусовой молитвой, которой училась под руководством великого молитвенника и чудотворца батюшки отца Иоанна Кронштадтского. В это время иногда подходили к Императрице караульные солдаты из простого любопытства, задавая ей разные вопросы, первое время с глупой иронией, но, увидев перед собой не гордую и надменную Царицу, а кроткую, любящую всех, и даже врагов, женщину, свое отношение изменяли в лучшую сторону. Кроткая и мудрая беседа Императрицы так запечатлевалась в грубых и черствых сердцах солдат, что со временем их какая-то сила тянула к тому месту, где сидела в кресле Императрица. Они уже приходили к ней не для праздного любопытства, а послушать ее теплые слова, исходящие из любящего сердца, приносящие облегчение их мятущейся совести. В это время в саду представлялась такая картина: Императрица сидит в кресле, около нее сидят караульные солдаты, внимательно слушая слова Царственной Узницы, а неподалеку Государь с детьми занимается физическим трудом.

Из сада Царская Семья возвращалась в помещение в 3–4 часа, где каждый член Семьи занимался своим делом. В 5 часов был чай, за которым каждый делился своими дневными впечатлениями. После чая расходились все по своим комнатам, занимаясь по своему усмотрению. Анастасия Николаевна и Алексей Николаевич, как дети, иногда занимались детскими развлечениями, а Ольга Николаевна и Татиана Николаевна проводили время в своих комнатах за чтением книг и записями в своих дневниках о переживаемых впечатлениях. Мария Николаевна любила в это время находиться среди прислуги, где была всегда желанной юной утешительницей. Выходила иногда к прислуге и Ольга Николаевна, а Татиана Николаевна бывала редко и избегала разговоров, была серьезна, более остро ощущала несправедливую обиду, нанесенную народом, которому она с юных лет отдавала всю себя на служение. Она предпочитала молчание и беседу с Богом чрез молитву, получая ответы на свои душевные запросы от святых небожителей чрез написанные ими кни-

ги. В чтении житий святых Татиана Николаевна находила себе утешение в эти трудные дни душевных волнений и телесных страданий.

Государь и Государыня в эти часы оставляли детей, уходили в свои комнаты, проводя это время в делах и подвигах, ведомых только Богу.

В 8 часов вечера вся Семья обедала, затем дети занимались уроками, совершали вечерние молитвы, прощались с родителями поцелуем, получали благословение чрез ограждение крестным знаменем и уходили на ночной отдых. В таком порядке проходили дни и ночи Царствующих Узников, этих великих пострадавших современных невольных затворников и праведных подвижников.

Видимо, постигла их та же тяжелая участь, какая постигла их предков. Как их предков оклеветали злые честолюбивые люди, так же и их. Но прошло смутное время, все клеветники их предков позорно погибли, а невинные страдальцы, хотя были и убиты, но торжество их сделалось вечным в род и род.

Так и здесь: развеется иноземный туман, пройдут, междуусобия и распри, устоит замутившееся море, и тогда русский народ ясно увидит подлинную правду, познает своих друзей и недругов, а Царственные Мученики тогда будут сиять, как яркие звезды на голубом фоне русского небосклона. С Божией помощью истинно русские патриоты все переживут, все они одолеют. Заговорит тогда религиозно-патриотическое чувство и у тех, в ком оно на время заснуло. Лихолетие злое прекратится и одаренный истинной мудростью святого избранника русский народ с Божией помощью и с молитвой вновь восстановит попорченную правду на Русской земле.

Эту правду злые коварные люди хотели растоптать еще 300 лет тому назад, но их вероломный план был разрушен. С чего начали они тогда? Также с клеветы и убийства любимых народом благородных и благочестивых братьев Романовых. Как прежде этим делом руководил первый появившийся под солнцем клеветник, так и ныне чрез своих агентов, живущих на земле, он сделал свое гнусное дело. Посмотрите, с чего начал свое преступное дело хитрый и вероломный честолюбец Борис Годунов? С клеветы, предательства и обмана. Как древле в убийстве Христа без Иуды не обошлось, так и Годунов, руководимый дьяволом, без иуды-предателя не обошелся. Где совершается гнусное и незаконное дело, там обязательно играет

видную роль иуда-предателя, ибо таков уж план действий древнего лжеца и обманщика дьявола. Как не лишенную интереса, приведу историческую справку о том, как погубили предков Царственных Узников, и тогда еще более ясно определится план действий людей, выполняющих волю дьявола, этого главного мятежника и виновника всех человеческих страданий и несчастий на земле.

Тогда роль иуды разыграл казначей боярина Александра Никитича Романова, Бартнев второй. Он, подкупленный Семеном Годуновым, взяв от него мешочек с ядовитыми кореньями, тайно положил его в ящик своего хозяина Романова, ключ от которого передал ему же. Сделав это, Бартнев доносит Борису Годунову, что А. Н. Романов задумал его отравить и приготовил для него ядовитые коренья, находящиеся у него в денежном ящике. Но нужно заметить, что весь этот план действий придумал сам Борис Годунов. На основании доноса посылается своя стража для обыска, которая, зная уже о своей роли наперед, выполнила таковую успешно, найдя в денежном ящике А. Н. Романова мешочек с ядовитыми кореньями. Далее совершается арест всех Романовых, суд, ссылка и убийство. Цель злодея была достигнута, он ликовал и радовался своей победе, но не долго. Нелицеприятный Вечный Судья, живущий на небесах, не замедлил совершить Свой праведный суд над вдохновителем гнусного вероломного убийства невинных братьев Романовых, наложив на него вечное клеймо каина, а невинно пострадавших увенчал высшей небесной наградой — неувядаемыми мученическими венцами; оставшегося в живых юного Михаила прославил здесь на земле, дав его праведному Роду спасти и возвысить Россию.

По тому же самому, уже многократно от начала мира испытанному плану агентов дьявола, совершено дело и в наше печальное время. Хочется верить, что как в прошедшие времена конечное торжество было на стороне творящих правду, так и ныне не замедлит Господь совершить Свой праведный суд над виновниками всех бед и несчастий народных, поразив их с той стороны, с которой они не ожидают своего падения и гибели.

Время шло и сцены на государственной арене быстро менялись. Мечты и чаяния взявших на себя всю полноту власти и ответственности, гордо говоривших, что их теперь никакая сила на земле не столкнет с захваченных ими министерских кресел, разлетелись в прах, и они, эти господа: Родзянко, Львов,

Милюков, Гучков и все иже с ними, — сошли со сцены государственной в область печальных преданий. Сходили один за другим со сцены и генералы: Рузский, Алексеев, Корнилов и другие нарушители святой присяги.

Во главе революционного правительства стал один из глупейших честолюбцев-мечтателей Керенский, с болезненной уверенностью как тень ловивший карьеру нового Наполеона.

Став во главе правительства России, Керенский неоднократно посещал Государя, показывая наружно вид, что он изменил свои отношения к нему к лучшему. Но это было только фарисейское лицемерие. Он как ранее был непримиримым врагом Государя, таким и остался, ища удобного случая покончить с ним.

Царская Семья относилась к этому противному честолюбцу с брезгливым презрением, что он не мог не заметить, приходя в злобное негодование.

Он вел свою двойную коварную игру во Дворце: Государю говорил, что все против него, а он только один своими мудрыми действиями хранит его от насилия толпы; товарищей же своих натравливал, чтобы Государя не выпускали за границу, где он вновь будет посажен на Царский Престол. С какой целью он это делал нетрудно догадаться. Он мечтал быть правителем России несменяемым, однако открыто покончить со своими соперниками боялся, а следовал приему прежде его бывшего временщика Бориса Годунова.

Как-то в это время приехал в Царское Село новый главнокомандующий Петроградским военным округом, молодой товарищ офицер с товарищем из тюрьмы, в грязной тужурке. Они явились в Дворец, требуя к себе Государя. Полковник Кобылинский, увидев этих товарищей в нетрезвом виде, нашел неудобным допустить их к Государю. Пока Кобылинский вел по поводу сего переговоры с товарищем главнокомандующим, другой товарищ его вел разговоры с придворной прислугой, гордясь тем, что он долго сидел в «Крестах» (тюрьма со строгим режимом). При этом разговоре этот товарищ нанес прислуге оскорбление словами: «Вы все здесь продажные шкуры». Один из прислуги, по происхождению крестьянин, ему возразил: «Вы, господин, жестоко ошибаетесь в нашей честности, благородстве и неподкупности; будущее покажет, кто окажется продажной шкурой». Получив вполне заслуженный резкий ответ, герой «Крестов» умолк и с кислой физиономией ушел ни с чем из Дворца.

Между тем развал в армии шел быстрым темпом; полное поражение на фронте и грубые ошибки Керенского окончательно расшатывали революционную власть. Вместо укрепления порядка на фронте и в тылу Керенский разрабатывал свой коварный план по отношению к Государю и Семье. Ему мерещилось военное восстание в пользу Цесаревича Алексея Николаевича, как имеющего право на престолонаследие, а письмо к Государю генерала Гурко¹⁷⁵, где говорилось о том, что русский народ в свое время осознает свою ошибку и для спасения погибающей России объединится около законного преемника престолонаследия, усугубило тревогу Керенского.

Однажды приезжает во Дворец Керенский и объявляет Государю, что хочет Его и Семью, помимо их воли, отправить в Англию. По словам прислуги, Государь и Семья ехать в Англию не желали, но, зная свое бессилие противиться воле всемогущего революционного временщика, они на всякий случай в половине июля собирались в поездку. Государыня близким лицам из прислуги говорила, что их хотят, против их воли, везти в Англию.

Как-то около 25-го июля* приезжает во дворец Керенский с объявлением Государю, чтобы он и его Семья собирались в поездку, не говоря места назначения, сказав только, чтобы брали больше теплых вещей.

С грустью Царственные Узники складывали свои чемоданы, не зная, куда их повезут. Сердце их тосковало, трепетало, предчувствуя что-то недоброе, тяжелое, роковое...

Комендантом в поездке был назначен полковник Кобылинский, которому было дано право по своему усмотрению выбрать офицеров и солдат для несения караульной службы в пути и в новом месте заточения Августейших Страдальцев. Нелегко было это сделать. Узнали об этом красные товарищи и выбрали в караул людей с крайними левыми убеждениями. Кобылинский решительно заявил Керенскому, что он с этим составом караула не поедет. Керенский сам по поводу сего приезжал в полк; товарищи и его не слушали, наставивая на своем. Здесь Керенский проявил свою власть военного министра, прикрикнув на непослушных, что он приказывает как военный министр. Хотя товарищи уступили воле военного министра, но, затаив злобу, приняли свои соответствующие меры, и в число караула все-таки попало немало офицеров и солдат с низкой дисциплиной.

* Числа во всей книге приводятся по старому церковному стилю.

29-го июля объявляется Государю Керенским, что он и Семья в ночь на 31-е июля должны будут выехать из Царского Села в г. Тобольск. Это известие накануне семейного праздника, дня рождения Цесаревича Алексея Николаевича, как громом поразило Государя и Семью. Любимый праздник Царской Семьи омрачился печальным известием, но они старались крепиться духом, прося помощи в этом новом испытании у Бога.

30-го июля, в день рождения Алексея Николаевича, по просьбе Государя, полковником Кобылинским был приглашен во Дворец священник, которым было отслужено благодарственное Господу Богу молебствие по случаю дня рождения Цесаревича и одновременно путешествие, по случаю предстоящей поездки. Многострадальная Царская Семья за этим последним молебствием в своем родном углу молилась усердно со слезами на глазах. Молилась и прислуга, назначенная в путешествие. Было у всех высокое молитвенное настроение. Слезная горячая молитва Страдальцев как пламя вместе с кадильным дымом восходила в небесную высь к живущему там Праведному Судии и Богу. После молебствия все присутствующие приложились ко св. Кресту, приняли от духовного отца благословение и окропление святой водой¹⁷⁶.

Девушка Хитрово, только одна из немногих оставшихся преданными своей подруге Великой Княжне Ольге Николаевне, узнав о предстоящей поездке Царской Семьи, не убоясь, пришла к полковнику Кобылинскому и, обливаясь слезами, просила сообщить, куда везут узников. Кобылинский успокоил эту редкую по преданности и искренности девушку, сообщив, что повезут Царскую Семью в более спокойное место, но не сказал самого места назначения.

В этот же день по просьбе Государя был у него брат Великий Князь Михаил Александрович. Когда он проходил в кабинет Государя, то Алексей Николаевич попросил разрешения у полковника Кобылинского встать за дверь и в последний раз посмотреть на дядю «Мими». Во время выхода из кабинета Государя Великого Князя Михаила Александровича Алексей Николаевич стоял за дверью и внимательно смотрел на своего дядю Мими. Этот милый мальчик был лишен возможности видиться со своим дядей и по русскому христианскому обычаю проститься в последний раз. Такова была свобода этих людей, которые, по слову апостола, употребляли свободу для прикрытия зла и безчеловечной жестокости (1 Петр. 2, 16).

Свидание Великого Князя Михаила Александровича с Государем было разрешено на несколько минут и в присутствии постороннего лица. Была проявлена и здесь безпримерная жестокость по отношению к Семье, которой не разрешено было видеться с Михаилом Александровичем и проститься в последний раз.

31-го июля в 4 часа утра Государь и Семья выехали из Дворца на автомобиле на вокзал. Керенский был на вокзале. В 5 часов утра поезд со Страдальцами отбыл из Царского Села. Тяжело и грустно было Государю и Семье оставлять свое родное насиженное гнездо, где они со всем сжились и сроднились. Они, взятые из своего родного гнезда, стояли у окон в вагоне, не сводили глаз с того места, где жили и страдали, а горькие слезы капались по их бледным щекам. Израненные сердца их трепетно прислушивались к неведомому предчувствию, что они уже больше никогда не вернутся туда, где так много пережили сладкого, горького, радостного и печального, где пролили немало слез и провели немало бессонных ночей.

Утешал их в эти безпримерные минуты скорби невидимо Дух Божий, приводя на память мысли Святых Отцов Церкви, о том, что никакие случайности не могут служить препятствием к выполнению Божественных намерений, ибо ничто без воли Его не совершается.

Действительно, безсилен всякий земнородный человек противиться воле Всевышнего. Думал ли Государь, что за 22 года неусыпных трудов для народа этот же народ поступит с ним так жестоко и безсердечно. Немало нужно было силы ему в эти минуты, чтобы успокоить не только себя, но и свою скорбную Семью. Здесь сказалась сила добродетели, ибо только с этой силой возможно было пережить эти ужасные минуты. Истинное несчастье не в изгнании на чужбине, а в неправде и грехе. Господь прежде всего желает дать любимым чадам Своим не земные временные блага, а вечные небесные. Много помогло страдальцам в перенесении этого тяжелого горя совместное неразумное пребывание, ибо всем вместе легче нести тяжелый крест испытания. Преживаемое испытание еще крепче скрепило доселе бывшее единодушие Царской Семьи. В переживаемом горе Императрица доказала, что она была для своего Мужа той спутницей жизни, к которой он прибегал как к тихому приюту от всех тревог и бурь житейских, находя успокоение волнуемого духа. Эта Жена Богом дана была Царственному Мужу, как верная и преданная помощница в перенесении тяжелых жизненных

испытаний и в особенности в дни крестного страдания. Императрица обладала редким для женщин даром не терять бодрости духа в самые трудные минуты испытаний. Она не предавалась отчаянию, проявляла необыкновенное терпение, имея надежду на благое Промышление Всевышнего, допускающего тяжелые скорби для того, чтобы увенчать победными светлыми небесными венцами. Только этим скорбным путем достигали славы небесной все святые, как сказано: *многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22); *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33); *хотящи благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут* (2 Тим. 3, 12).

Эта страдальческая Семья, как показало время испытаний, имела великое любомудрие, железное мужество, прочную духовную связь, святой союз любви. Это свидетельствует о том, что эта Семья не была оставлена Богом забытою в искушении. Это величайший знак Божия о них попечения.

Письма приближенных к Государыне еще более рельефно обрисовывают ее душевный портрет. Оставшиеся письма и дневники убитой юной сироты фрейлины Гендриковой¹⁷⁷, состоявшей при Государыне в заточении, без слез нельзя читать. Здесь писала рука девушки кристально чистой души, писала о том, что она переживала в дни своих ужасных страданий и как она относилась к горячо любимой ею Государыне, заменившей умершую мать. Эти письма и дневники 18-летней агницы Христовой дышат небесным воздухом любви и сострадания ко всем и прощения своим врагам. Этой же любовью дышат и письма Государыни к этой сироте, потерявшей отца и мать. Государыня утешает Гендрикову как горячо любящая мать свою скорбящую дочь, все письма начиная Божиим благословением и снабжая их примерами из жизни святых.

Государь, Государыня и дети взяли с собой только св. иконки и св. крестики, личное им благословение из святых мест, а иконы в дорожных ризах все остались во Дворце. В числе прочих иконок и св. крестиков Государь и Государыня взяли благословенные мною им в 1915 году серебряные нательные крестики, позолоченные с голубой и зеленой эмалью, в которых было вложено по несколько частиц св. мощей угодников Божиих, дарованных мне Вселенским Патриархом Иоакимом и старцами Афона. Они, особенно в трудные минуты жизни, прибегали к молитвой к угодникам Божиим, которые помогали им в тяжелом испытании. Теперь все земное от них отвернулось, как

древле от Самого Христа Жизнодавца. Имея при себе частицы мощей святых мучеников, они, невидимо утешаемые ими, бодро и смело шли на новое страдание и самую смерть, ибо верили в то, что смерть за правду есть приобретение победных венцев и славы; не временной на земле, а вечной на небе.

В Тобольск с Государем поехали следующие лица: Долгоруков¹⁷⁸, Татищев¹⁷⁹, доктор Боткин¹⁸⁰, преподаватель французского языка Жильяр¹⁸¹, комнатная девушка при детях Теглева (дочь полковника), комнатная девушка Эрсберг¹⁸² (дочь швейцара), заведующая хозяйством Тутельберг¹⁸³ (дочь простого поселянина), фрейлина Государыни 18-летняя девушка Гендрикова, заведующая одеждой Шнейдер¹⁸⁴, камердинер Государя Чемодуров (из крестьян), камердинер Императрицы Волков (из крестьян), повар Трупп¹⁸⁵ (из крестьян), лакей Иванов¹⁸⁶, Софронов¹⁸⁷ и Седнев¹⁸⁸ (все из крестьян) и мальчик племянник Седнева¹⁸⁹, сверстник и друг Алексея Николаевича.

Таков состав лиц прислуги Государя и Семьи, из которых большинство из крестьянского сословия, которые оказались во время скорби истинными друзьями и верными слугами своих хозяев. Они чужды были интриг и лести во время славы и величия хозяев, во время скорби оказались тверже и вернее тех, кто свою верность проявлял только на словах в собственных своих интересах.

Караульная стража ехала с Государем в одном поезде, но в отдельных вагонах. В вагоне Государя посменно стояли часовые. На больших станциях поезд не останавливался, делая только небольшие остановки на разъездах, на которых сменялись паровозы с нагруженным углем и запасом воды. На пути между разъездами поезд, по желанию Государя, иногда шел тихим ходом, а Государь и Семья шли за поездом пешком, хранимые стражей.

2-го августа поезд с Царственными узниками прошел Пермь, но перед этим городом на первом разъезде, по требованию железнодорожников, была сделана остановка поезда; они желали узнать, кто едет в поезде с японским флагом. Когда полковник Кобылинский и член Государственной думы Вершинин¹⁹⁰ показали этим товарищам свои письменные документы, поезд был пропущен для дальнейшего следования. Екатеринбург поезд прошел спокойно без задержки. Утром 5-го августа поезд прибыл в Тюмень. Здесь ожидали два парохода: один для Августейших узников, а второй для стражи. Около полудня из вагона

Государь и Семья были перевезены на пароход. Жители города Тюмени удостоились видеть Царственных Страдальцев и большинство из них отнеслись к ним с сочувственным состраданием.

В 3 часа дня пароход отвалил от пристани и повез Великих Стратотерпцев земли Русской. Второй пароход со стражей шел сзади, имея при себе легкие пушки и пулеметы. Пароходы шли безостановочно всю ночь и к утру 6 августа, в день праздника Преображения Господня, прибыли в Тобольск.

XI

ТОБОЛЬСКИЙ ПЕРИОД СТРАДАНИЙ

При восходе яркого солнца, в великий праздник Преображения Господня, когда Жизнодавец Христос на горе Фавор преобразился во славе Своей пред Своими учениками и апостолами, беседуя с пророками Илией и Моисеем о предстоящих страданиях и торжестве правды, вступил в пределы г. Тобольска многострадальный Русский Император со своей Семьей; по человеческому суждению это как будто было простое совпадение обстоятельств, но по Божественному Промыслению ничего не может быть случайным. Так и в этом случае, Господь как бы напомнил русскому народу о невинном страдании *Христа* по подстрекательству жестокого и мятежного народа и вместе с сим о торжестве оклеветанного Небесного Царя и о той славе, в которой Он явится в день Страшного Своего Суда над всеми народами мира. Одновременно с сим Господь утешал этим Своего Помазанника, чтобы он не падал духом, ибо если незаконные люди не побоялись Творца и Бога оклеветать, оплевать и убить, то что для них значило так поступить с земным Царем. Но конечное торжество будет на стороне гонимых за правду Божию, которых в свое время Господь прославит, а лживых клеветников и обманщиков поразит и унижит, дабы народы всех веков знали о их гнусных делах.

Как ученики Христа в дни страданий оставили своего Божественного Учителя, придя в малодушие и страх, так будет и в дни страданий верного последователя Христа Русского Царя: все придут в малодушие и оставят его одного на Голгофе страданий.

В Тобольске был предназначен для поселения Государя и Семьи губернаторский дом¹⁹¹, а для стражи — Корниловский

дом, стоящий напротив первого. Губернаторский дом не был приготовлен к приезду Государя, ибо в нем производился кое-какой ремонт. По этому случаю пароход остановился на противоположной стороне города, где Государь и Семья вышли подышать свежим луговым воздухом. Императрица с парохода на берег не выходила. За это время стоянки пароход неоднократно отходил от города на несколько верст и возвращался после на свое место. 10 августа пароход пристал к пристани Тобольска. Государь и дочери с пристани до квартиры шли пешком, а Императрица с Цесаревичем Алексеем Николаевичем ехали в пролетке сзади Государя. По пути следования Царственных Страдальцев стоял народ г. Тобольска и окрестностей. Почти весь народ, за исключением безбожников-товарищей и инородцев, относился к невинным Страдальцам сочувственно и многие, не только женщины, но и мужчины, от сострадания и жалости плакали.

Губернаторский дом не отличался величием и роскошью; это был небольшой обыкновенный двухэтажный каменный дом. В верхнем этаже дома поместился Государь с Семьей, а в нижнем этаже поместилась прислуга. В доме был небольшой балкон, вход на него был из комнаты верхнего этажа. У дома — небольшой сад.

На следующий день Государь попросил пригласить священника, которым было отслужено благодарственное молебствие Господу Богу по случаю благополучного прибытия. За молебствием умирительно пели сестры местного женского монастыря¹⁹². Одновременно, по просьбе Государя, был отслужен водосвятный молебен и все комнаты дома окроплены святой водой. Так с молитвой и благословением Божиим начался тобольский период страданий Государя и его Семьи.

Стража поместилась в Корниловском доме, выставив своих часовых в квартире Государя. Сопровождавшие Государя член Государственной думы Вершинин и товарищ из совета рабочих депутатов на следующий день выехали из Тобольска в Петроград.

Дневной распорядок жизни у Царственных Узников установился тот же, какой был и в Царском Селе.

Караульная стража первое время вела себя по отношению к Узникам, хотя грубо, но терпимо. Но с течением времени, благодаря подстрекательству агитаторов нерусской крови, солдаты начали нравственно разлагаться и свое отношение к Государю и Семье изменили в худую сторону.

Изредка Государь и Семья выходили на балкон, с которого они были видны народу, идущему по улице. Когда народ об этом узнал, то целыми толпами собирался к тому месту, с которого был виден балкон, и часами ждал того желанного момента, когда выйдут на балкон Государь и его Дети. Вообще в Тобольске народ относился к Государю сочувственно и с искренним сожалением. Видя такое сочувствие народа к Государю, враги его, безбожники и инородцы, стоявшие во главе революционной власти, запретили Государю и его Семье выходить на балкон.

Успенский пост Государь и Семья провели в молитве и воздержании, а в праздник Успения Божией Матери приобщились св. Христовых Таин в Благовещенской церкви, находившейся неподалеку от губернаторского дома. Ход в эту церковь был через сад и церковную площадь. Вся Семья ходила в церковь пешком, а на пути стояла стража, охраняя Узников и разгоняя народ, жаждущий видеть Царственных Страдальцев. В церковь посторонние лица не допускались.

В Тобольске Государь и Семья, также как и в Царском Селе, занимались в известные часы физическим трудом, как-то: рубкой деревьев, пилкой дров, приведением в порядок сада и т. п. Иногда с Государем пилили дрова Татищев, Долгоруков и Жильяр.

Государь наружно владел собой, показывая окружающим бодрый вид, стараясь скрыть свои тяжелые душевные переживания. Он страдал не только за свою горячо любимую Семью, но и за Россию, быстро подталкиваемую ложными благодетелями народа к краю пропасти. За это тяжелое время бурь и волнений Государь сильно похудел, постарел, начал уже седеть. Вид его лица был, хотя худой, с морщинами и бледный, но светлый и благообразный, подобный древнему христианскому затворнику. На Императрицу все пережитое повлияло еще больше, она сильно похудела и постарела, а седых волос у нее появилось больше, чем у Государя. Она так высохла, что остались, как говорится, кожа да кости. С таким худым и бледным, но вместе с тем благообразным лицом она походила не на Царицу Великой Империи, а самоотверженную инокиню-пустынницу древних времен. В самом деле, разве легко было ей все прошедшее пережить, перестрадать и остаться живой, да еще с пороком сердца! Только чудом Божиим она осталась после всего этого живой.

Человеку, с детства привыкшему к грубой обстановке жизни, бывает не так трудно переносить сильные толчки безошадной

судьбы, скорби и страдания, чем тем, которым суждено было годы юности и молодости провести в более нежной жизненной обстановке. Бог определяет небесную награду не по количеству труда, а по тяжести этого труда и страдания. Государь, будучи первым человеком не только в России, но во всем мире от рождения, после всего этого сделался самым жалким узником и страдальцем, которого обижали все, кто мог, и как желал. Все это пережить и перенести — чудо из чудес невидимой силы Божией. Если история Церкви говорит как о величайшем примере смирения о добровольном лишении жизненных удобств Сербского Царя Симеона, отца преподобного Саввы Сербского, то насколько величественнее подвиг смирения при жизненных невзгодах Государя и его Семьи. Св. Симеон, Царь Сербский оставил добровольно свой Царский престол и удалился на Афон к своему сыну Савве, где прожил короткое время и скончался кончиной праведника. Что же он получил от Бога за эти недолгие труды и лишения земных царских удовольствий? Бог не только простил ему все его вольные и невольные грехи, но прославил еще при жизни сына славой небесной. Его честные мощи были обретенны муроточивыми, имеющими благодатную силу исцелять больных и совершать знамения и чудеса. Так Богу приятны были его царственные подвиги смирения, уничтожения и лишения жизненных удобств. Нужно обратить внимание здесь на то, что подвиги этого Царя совершались под ласковым попечением сына и к тому же были добровольные, а потому он не переносил и малой доли тех страданий, которые переносил Государь со своей Семьей. Если Господь этого Царя Сербского так прославил еще здесь на земле, то неужели Он, Правосудный, не прославит наших современных величайших в истории Церкви Августейших Страстотерпцев?!

Приведу еще один пример из церковной истории: был один подвижник из знатного рода, имевший редкий Божий дар прозорливости. Пришел к нему за наставлением пустынный из простых крестьян. Придя в келью прозорливца, пустынный увидел обстановку не такую грубую, как у него, поэтому усомнился в прозорливости первого. Тогда прозорливец спросил пустытника: «Из какого ты, отец, сословия и как жил до пустыни в мире?» Пустынный ответил: «Я из бедных крестьян, с малых лет жил в грубой жизненной обстановке, терпя во всем большую нужду и лишения. Теперь моя жизнь в пустыни лучше и легче, чем была жизнь моя раньше». Прозорливец продолжал:

«Видишь, отец, оказывается ты от худой жизни перешел к лучшей и более легкой против прежней твоей жизни. Я же был одним из близких сановников при Царе, имея большой почет, всевозможные удобства хорошей жизни и какие хотел удовольствия, а теперь моя жизнь проходит в этой убогой обстановке, а ты меня в душе осуждаешь. Не перешел ли я от лучшей и легкой жизни к несравненно более худшей и тяжелой для меня, воспитанного в неге и удовольствиях?». Только после сего, когда этот подвижник по откровению Божию узнал даже сокровенные мысли пустытника, последний убедился в даре прозорливости этого подвижника и сознал свое горделивое высокоумие.

Из этих двух примеров мы видим, что Бог ценит труды и скорби не по количеству, а по той тяжести, какую они приносят человеку.

Теперь суди сам, читатель, по своей непристрастной совести, если она еще теплится в твоей душе: какая тяжесть страданий может сравниться с той тяжестью, какая выпала на долю Государя и его Семьи?

В момент прибытия Государя в Тобольске был на епископской кафедре Преосвященный Гермоген; тот Владыка, который долгое время дружил и верил в праведность Григория Распутина, а впоследствии, поверя расстриге Сергею Труфанову, бывшему иеромонаху Илиодору и прельщенному мнимому юродивому Мите¹⁹³, Козельскому мещанину, распространял клевету на Государыню и таким образом явился косвенным виновником тех страданий, какие переносили Государь и его Семья. Преосвященный Гермоген сознал свою жестокую ошибку и желал загладить ее пред Страдальцами. Но все сочувственные действия владыки Гермогена в смысле облегчения страдания Узников не достигали цели, а, напротив, благодаря его неумению действовать, еще более усугубляли их страдания. Не напрасно сказано: ошибки делаются большими людьми легко, а исправляются трудно. Владыка открыто признавал свою ошибку, что он верил клевете по отношению к Государю и особенно к Императрице. Он всем говорил, что Царское Семейство праведной и благочестивой жизни, но уже было поздно. Когда распространяет клевету рядовой человек, то она мало прилипает, а когда она исходит из уст известного всей России Архиерея, то она уже с трудом смывается. Забыл на этот раз владыка Гермоген печальную историю Хама, осудившего своего отца. Хорошо сделал епископ Гермоген, что он имел мужество при жизни сознать

свою ошибку: будучи заключен в Екатеринбургскую тюрьму, он перед своей смертью оставил своему духовнику о. Николаю трогательное письменное сознание своей ошибки по отношению к Государю и его Семье, где, называя Царскую Семью «многострадальным Святым Семейством», просил свое письмо огласить всему миру и умолял всех быть осторожными в осуждении всякого человека, а особенно Помазанника Божия — Царя^{*194}.

Не напрасно, как говорил св. Иоанн Златоуст, если Хам подвергся проклятию не только сам, но и дети его, только за то, что, увидав наготу отца, вместо того, чтобы прикрыть ее молчанием, он разглашал о ней, чем подверг отца осмеянию и поруганию, а братьев своих хотел сделать сообщниками своего гнусного поступка, то какое же последует сугубое проклятие и наказание не за разглашение ошибки, а за клевету на своего отца.

Август месяц провели Узники сравнительно сносно, без крупных неприятностей; о мелких нечего и говорить, ибо они были постоянны. С сентября пошли осложнения и крупные неприятности...

В один из больших праздников после Литургии, в присутствии Государя и Семьи, диакон произнес им многолетие. Это сравнительно пустое дело, происшедшее по забывчивости диакона, дало случай комиссарам-инородцам придрататься и раздуть целую бурю, кончившуюся тем, что Государю и Семье запрещено было ходить в церковь. Они были лишены и этого единственного духовного утешения в непрерывных скорбях. С трудом удалось Государю упросить разрешить приглашать священника по праздникам в дом и совершать там положенное по уставу богослужение.

Был такой случай: как-то на отпускном возгласе священник упомянул св. мученицу царицу Александру; эти же комиссары вновь подняли целый скандал, так что пришлось

* Преосвященный Гермоген был в Тобольске арестован красноармейцами и заключен в Екатеринбургскую тюрьму. В конце июня 1918 года он был отвезен из Екатеринбурга в Тюмень, а затем на пароходе около села Покровского принял муки и истязания и живым с камнем брошен в воду. Тело мученика прибило к берегу и по удалении красных палачей останки мученика были временно похоронены в ограде церковной села Покровского, а затем с подобающей славой перевезены в Тобольск, где и погребены.

коменданту и священнику показывать в календаре, что это поминалась не узница Царица Александра, а святая мученица Царица Александра.

Вообще эти безбожные люди, потерявшие человеческий облик, всеми средствами старались наносить оскорбления, как хищные коршуны, терзая свою незащитную добычу.

Царская Семья привыкла читать духовно-религиозные книги, но взять с собой их удалось мало¹⁹⁵, а потому нуждалась в книгах для чтения. Сестры монастыря, исполнявшие обязанности певчих во время богослужения, узнав об этом, ухитрились доставлять узникам духовные книги, передавая таковые чрез прислугу, чем доставляли им большое утешение. Эти сердобольные крестьянские девушки рады были чем-либо услужить и облегчить страдания невинных Страдальцев. Они относились к Царственным Узникам с глубоким благоговением и искренней любовью и, видя их пламенную молитву к Богу, они сами невольно согревались огнем любви к Нему и в их сердцах зажигалась молитвенная искра. Эти девушки-певчие говорили, что они считали для себя великим счастьем быть в покоях и видеть Великих Страстотерпцев, и всякий раз ощущали непонятное для них трепетное сердечное благоговение, а пели с необыкновенным подъемом духа и воодушевлением. «Мы без слез умиленного сожаления, — говорили они, — не могли смотреть на этих Царственных Страдальцев. Поем церковные песнопения, а у самих слезы льются из очей». Все это свидетельствует о том, что дух Божией благодати, немощных подкрепляющий, обитал в тесных темничных узам Страдальцах. Нельзя не отметить той великой любви насельниц женского монастыря, которую они оказали в трудные минуты Государю и Семье: они делились с Семьей Государя своим скудным пропитанием и имели мужество стать ближе всех к страдальцам, не боясь страха иудейского. Монастырь присылал все, что мог, как-то: молоко, яйца, масло и другие припасы. Здесь вновь как бы повторялась Голгофская история. Кто был у страждущего Христа на Голгофе? Пречистая Матерь Его, жены мироносицы и только один из учеников. Не то же ли и здесь мы видим? Кому нужно было, кто обязан был быть около Голгофы Царственного Страдальца, тех не было, они берегли свою жизнь и... не уберегли.

Никто из этих лиц не приехал в Тобольск, не говоря уже о попытке вырвать из рук злодеев¹⁹⁶, но хотя бы узнать о их жизни и страданиях, а приехала только опять-таки та девушка

Хитрово, о которой я уже писал. Она, эта девушка с кристально чистым любящим сердцем, не убоилась ничего, показав как надо любить и быть верным другом до гроба. Хотя она в Тобольске подверглась аресту и оскорблениям со стороны красных властей, но она не остановилась ни пред чем, показав что такое дружеская преданность и верность до конца.

Керенский в Царском Селе обещал солдатам караула усиленное довольствие, но обещания не выполнил, чем вызвал в них недовольство и ропот, а этим воспользовались крайне левые агитаторы в целях разложения караульной стражи.

Отправляя Государя из Царского Села, отобрали у него все средства, не дав ничего ни самому Государю, ни коменданту, предоставляя жить как угодно, питаться манной небесной. Хорошо что были небольшие средства при себе у Долгорукова, Татищева и прислуги, которые и содержали Царскую Семью. Средства эти скоро истощились. Денег на покупку продуктов уже не было. Покупали в лавках только самое необходимое, чтобы с голода не умереть, надеясь, что представитель революционной власти Керенский пошлет нужные на пропитание средства, но все ожидания оказались только пустой мечтой. Платить долги торговцам было нечем и они в дальнейшем отпуске в кредит продуктов отказали. Положение становилось ужасное. Хотя Долгоруков все это старался от Государя скрывать, но Царь все видел и все понимал. Бог весть, что только было на душе Государя. Не только прислугу, но и себя содержать уже было нечем. Сами кое-как питались монастырским приношением. Тяжело было Государю увольнять часть прислуги, но горькая нужда заставила. С величайшей сердечной болью пришлось расстаться Государю и Семье с теми, с которыми жили как родные. Со слезами на глазах прощались с ними Государь, Государыня и дети, но нужда была беспощадная, а люди жестоки. В числе других пришлось отпустить и любимую всей Семьей девушку Теглеву.

Сказал Государь со слезами на глазах и любимому своему слуге старику Чемодурову: «Жаль мне тебя, старик, ты верно служил и искренно любил меня и я тебя взаимно любил, но горькая нужда вынуждает и с тобой, мой друг, расстаться. У меня уже нет возможности содержать и тебя, а потому, что делать, иди, мой милый, куда хочешь на свободу, не забывай меня и мою Семью». Эти слова Царя Страстотерпца тронули старика и он горько заплакал. «Я с Вас ничего не хочу, — ска-

зал старик. — Я вижу Ваше бедственное положение; я все свои скудные средства отдам на содержание себя и Вас. Всегда я был верным Вам, хочу быть таковым до конца. Я от Вас не уйду». Такой ответ верного и любимого старика растрогал еще больше Государя. После минутного молчания Государь подошел к старику Чемодурову, обнял и поцеловал его. Старик остался верен своему слову, он был при Государе до конца, пока насильно не был взят в Екатеринбург*.

Нашелся в Тобольске один благочестивый человек, которому удалось дать Долгорукову денег на уплату долгов торговцам, отказавшим в отпуске продуктов в кредит.

Так безчеловечно поступали правители ложной свободы с Государем и Семьей. Но Господь правосуден, Он заставит этих бездушных людей испить до дна ту горькую чашу, которую они преподносили Невинным Страдальцам. Разве это не наказание Божие русскому народу за причиненные еще небывалые в истории народов страдания Помазаннику Божию и его Семье и пролитую их кровь, когда народ гибнет десятками миллионов от голода и меча. Кто смешал языки людей и ожесточил их сердца, так что они жаждут крови и убийств? Кто превратил людей в кровожадных зверей, пожирающих друг друга? Все это поущение Божие в наказание за все содеянное...

Видимо Бог искушал современного Царственного Иова в горниле бед и скорбей, в то же время подавая ему и великое терпение не ослабевать духом и не унывать в безпримерных испытаниях и страданиях. Тела Царственных Страдальцев, хотя еще не были растерзаны, но сердца их были изранены и обливались кровью.

Но Господь вчера и днесь той же и во веки. Он всегда был помощником всем верным рабам Своим в трудные минуты, когда нет человеческой помощи, утешая в немощах естество человеческое, соединяя скорбь с утешением, как это бывает при меньших скорбях: большая радость дает силу на время забывать

* Чемодуров от всего пережитого заболел и ему «товарищи» обещали отпуск, но вместо отпуска в Екатеринбурге посадили в тюрьму, в которой он находился до взятия города. Из Екатеринбурга он уехал в Тобольск, где только узнал об убиении Государя и Семьи. Это сильно на него повлияло; он проливал слезы и скорбел о Государе и от скорби этот верный своему долгу старик скончался кончиной праведника и отныне пребывает неразлучно со своим Государем на небе.

переживаемые скорби. То же самое было и с древними мучениками, тогда они, осеняемые невидимой духовной радостью, страдая в темнице, радовались; идя на смерть, веселились.

Эти избранные люди обнаружили великую мудрость и крепость духа, когда они среди единомыслия злых людей имели силу воли избегать заразы и не потерпеть от них никакого вреда, но как бы имея другую природу, сохранили твердость духа и, по собственному изволению устремившись к терпению, уклонились от греховного единомыслия с ними.

Наступила холодная сибирская зима со своими бурными метелями и сумрачными днями. Постоянные душевные тревоги и нравственные страдания изводили Узников до крайней степени.

Комендант полковник Кобылинский разрешил детям на дворе устроить ледяную гору, где бы они имели возможность немного развлечься и подышать свежим воздухом. Делали эту ледяную гору сам Государь, дети и прислуга. Это было единственное развлечение для узников-детей, но и оно было не надолго, и его они были лишены. Коварными комиссарами-инородцами были натравлены солдаты, которые разрушили эту ледяную гору. Были еще на дворе устроены качели, куда дети временами выходили, но и здесь злая рука жестоких людей сделала свое подлое дело. На качелях написали скверные слова: когда дети их увидели, то больше туда не выходили. Государь попросил Кобылинского совершенно их убрать.

Больше всех причиняли зла узникам два еврея: один приехавший в Тобольск с крупными суммами денег, а другой — редактор местной большевицкой газеты¹⁹⁷. Они подбивали местных рабочих и солдат перевести Государя и Семью в тюрьму. При помощи подкупов они многих темных людей склонили на свою сторону. Наконец эти люди достигли своей вероломной цели. Местный совдеп, в котором большинство были евреи, постановил перевести Государя и Семью в тюрьму, а охрану заменить своей местной охраной из коммунистов. Полковник Кобылинский, узнав об этом постановлении, постарался разъяснить своим караульным солдатам, что это делать без центральной власти нельзя, так как они ответственны перед народом за целостность Государя и Семьи, а в тюрьме нет помещения для стражи и труднее нести охрану. Солдаты, убежденные доводами своего коменданта, наотрез отказались подчиниться совдепу перевести узников в тюрьму и сдать караул местным коммунистам. Так первая интрига успеха не имела.

Но злые люди на этом не остановились, продолжали свою вероломную работу. Они при помощи подкупа привлекли на свою сторону темных безнравственных людей обоюбого пола, через которых зазывали солдат караула в разные притоны, где через продажных женщин и деньги развращали солдат и постепенно склоняли на свою сторону, вооружая их против полковника Кобылинского, как офицера царского режима. Этим путем им удалось всеять в солдат недовольство, озлобление, а тут еще помог обман Керенского выдавать усиленное довольствие. Большинство солдат были из Малороссии, они стремились домой, а потому в деньгах нуждались и их легко было поймать на эту удочку. Они с каждым днем все больше грубели и своей грубостью наносили обиды Узникам. Ускользала власть из рук полковника Кобылинского, он это видел и хотел уйти со своей должности коменданта. Он сказал об этом Государю, который умолял его ради беззащитной Семьи не оставлять их, ибо без него им будет совсем плохо и невыносимо. Кобылинский ждал над Страдальцами и согласился быть при них до последней возможности, пока его насильно не уберут.

В это время с большими затруднениями удавалось приглашать священника и певчих для богослужения по большим праздникам и то не всегда. По совету Кобылинского, Государь и дети избегали встреч с солдатами, дабы не подвергаться оскорблениям. По приказанию местного совдепа коменданту и Государю было предъявлено требование снять погоны. Государь погоны не снял, а во избежание насилия показывался солдатам в черном полушубке без погон. Затем тот же совдеп послал свою коллегию произвести обыск в квартире Узников, под предлогом отобрания оружия. Но этого не допустили солдаты караула, ибо это задевало их личное самолюбие.

Наконец местный совдеп решил достигнуть своей цели иным путем. Ему во что бы то ни стало хотелось захватить узников в свои кровавые руки. Пришел приказ центральной власти о роспуске солдат старых сроков. Вот этим-то приказом они и воспользовались: уволили многих солдат караула и заменили их своими коммунистами, лишили самостоятельной силы караул.

Ко всем переживаемым скорбям Государя и Семьи прибавилась новая скорбь: тяжело заболел Цесаревич Алексей Николаевич.

Действительно, невольное содрогнешься от всего этого. Многострадальный Богом данный Отец Русского народа отдается своим народом на терзание и мучение инородцам и зверообразным

преступным людям. И он, как агнец, преданный на заклание, смиренно переносит обиды, насилия и оскорбления.

В первых числах марта 1918 года прибыл в Тобольск из Москвы чрезвычайный комиссар Яковлев¹⁹⁸, имея при себе неограниченные полномочия. По происхождению он был из крестьян Уфимской губернии, долгое время жил в иностранных государствах, скрываясь от преследования судебных властей, владел английским, французским и немецким языками. Хотя он не имел систематического научного образования, но был человеком развитым и с большой начитанностью. С Яковлевым прибыл его штат служащих, в том числе был телеграфист, через которого он сносился по прямому проводу с Москвой, с председателем ЦИКа евреем Янкелем Свердловым¹⁹⁹, и получал от него все указания и распоряжения условным шифром. Все полномочия Яковлева были подписаны Свердловым, Лениным²⁰⁰ и Троцким²⁰¹. Яковлев был облечен неограниченными полномочиями включительно до расстрела на месте за неподчинение его приказанию. Цель приезда Яковлева заключалась главным образом в том, чтобы привести Государя в Москву, где насильно заставить его подписать Брестский мирный договор. На первый взгляд, такое действие представителей советских главарей кажется непонятным, но если серьезно вдуматься, то смысл этой вероломной интриги будет ясен. Мировым интриганам, волю которых исполняют их агенты, представители коммунизма, нужна была не подпись Государя под договором, а повод к тому, чтобы дискредитировать в глазах истинно русского народа Царскую Корону, одобрившую предательский Брестский договор. Коварство и вероломство этой интриги было продумано с такой тонкостью, что трудно себе и представить. Если бы эта интрига была выполнена, то не замедлили бы покончить с Государем, а народу предъявили бы подпись его под предательским договором, чем навсегда заклеямили бы Российскую Корону позорным предательским пятном и оттолкнули бы от Царя весь верующий, патриотически настроенный русский народ. Такова была вероломная московская чрезвычайная миссия комиссара Яковлева в Тобольск.

Выполнить же эту коварную миссию оказалось не так легко, как это думали представители ада. Прежде всего много трудов потратил Яковлев, чтобы убедить караульную стражу выдать Государя, что ему, однако, удалось сделать. Яковлев обещал недовольным солдатам караула выдать за

все месяцы неполученные деньги усиленного довольствия, желающих уволить по домам, взять с собой для охраны Государя солдат из состава караула и часть местных коммунистов.

Когда этот вопрос Яковлев уладил, явилось новое препятствие со стороны вышеупомянутых двух евреев, стоявших во главе местных коммунистов. Они не хотели выдать Яковлеву Государя, так как им мерещилось, что Государя хотят вывезти за границу. Глупо было такое их предположение: разве мог Государь оставить Семью и один уехать за границу? На этот раз у них с Яковлевым вышли большие недоразумения и последний взял верх только при помощи своего неограниченного полномочия. Но эти два интригана на этом не успокоились. Они решили: одному остаться в Тобольске продолжать дело в своем направлении, а другому тайно от Яковлева уехать из Тобольска в Екатеринбург, где настроить местных коммунистов, дабы они не пропускали Яковлева с Государем, а затем с той же целью отправиться в Омск.

Как раз в это время сильно болел Цесаревич Алексей Николаевич; болезнь была настолько серьезна, что Государь и Государыня посменно неотлучно находились при Сыне. Яковлев о цели своего приезда объявил Государю не сразу, а когда преодолел первые два вышеуказанные препятствия. Под предлогом проведать Узников он зашел в комнату Алексея Николаевича, дабы убедиться в его болезни.

Подготовив все к отъезду, Яковлев пришел к Узникам и объявил Государю, что его задача вывезти одного Государя в Москву, Семья же должна остаться в Тобольске. Это неожиданное объявление как громом ошеломило Государя. Он с трудом овладел собой, побледнел, но ничего не сказал на это Яковлеву, который добавил к своему объявлению, чтобы Государь собирался к отъезду без замедлений, ибо на днях они должны будут выехать из Тобольска. После долгой паузы Государь сказал Яковлеву: «Я знаю, куда и зачем хотят меня везти. Я не поеду. Пусть лучше отрубят мои руки, но я этого не сделаю». Яковлев предупредил Государя, что он считаться с его волей не будет: если добровольно не поедет, то будет увезен силой. После этого Яковлев ушел. Немного придя в себя, Государь с незнаваемо печальным видом пошел в комнату Государыни, где ей поведал эту новую скорбь. Пока Государь говорил, Императрица с трудом владела собой, но под конец не выдержала и сказала: «Достаточно сделать одну глупость, а вторую я не допущу:

одного тебя не пущу, вдвоем легче страдать и умирать. Лучше вместе умрем, но вероломной воли врагов не исполним». Императрица под глупостью подразумевала, видимо, отречения Государя от Престола. Эти слова Императрицы были сказаны с силой. Прошло несколько минут в этой грустной беседе, и они пошли к больному Сыну, который испытывал сильные страдания от приступов болезни. Видя его страдания, Родители не выдержали, оба горько заплакали. Они только здесь вполне сообразили, какое великое горе постигло их. Взять с собой больного Сына положительно было нельзя, а как оставить его в таком положении, ибо он без них может умереть и они больше его не увидят. Трудно даже себе представить, что только бедные Родители передумали и пережили в эти минуты у постели больного любимого Сына. Государь ушел в сад, где он, грустный, ходил не один час. Что он передумал в эти минуты великой печали знает только Один сердцеведец Бог.

Государыня осталась в комнате больного Сына. На этот раз ее нервы не выдержали, она горько плакала при Сыне, чего доселе избегала, боясь тревожить своими слезами больного. Она обнимала и целовала свое родное Дитя, как бы прощаясь с ним навсегда. Картина была настолько трогательная, что при виде ее вряд ли нашелся бы такой жестокий человек, который не расстрогался бы и не смягчил своего грубого сердца. Казалось все окружающее плакало, а с ним и самые небесные ангелы, невидимо здесь пребывавшие. Плакали дочери, плакала прислуга.

Из комнаты сына Государыня вышла в общую комнату, где, встав на колени, горячо со слезами молилась Богу, громко восклицая: «Господи, Ты всегда помогал мне в трудные минуты жизни! Не оставь же меня и ныне, когда ниспосланное Тобою испытание превышает мои силы. Укажи мне тот путь, на который я должна вступить; нет моей силы оставить больного Сына, не могу оставить одного и Мужа. Господи, Боже мой, помоги мне не пасть под тяжестью ниспосланного Тобою креста». После молитвы Императрица ходила по комнате с иступленным видом, неоднократно повторяя слова: «Нет, я его одного не пущу; бедный, милый мой Сын, на кого я тебя оставляю, кто заменит тебе мать, кто облегчит твои страдания». После долгого хождения по комнате Государыня упала на диван и горько заплакала. В таком положении прошел не один час, все боялись за Государыню, чтобы не случилось разрыва сердца. Никто не смел нарушить ее тяжелых переживаний. Государь не решался

из сада войти в дом, дабы дать возможность Государыне в слезах и молитве излить свое горе. Он более других понимал все то величайшее сердечное страдание Матери, которое она пережила, поэтому берег ее, дабы своим неосторожным поступком не разбередить ее сердечную рану. Великие Княжны по очереди дежурили у больного Цесаревича, в то же время следя за своей любимой Матерью, с сердечным трепетом дрожжа за ее жизнь. Молились они со слезами Богу, чтобы Он помог Родителям вынести это великое горе. Безсильно перо описать все то, что в эти часы происходило в доме Царственных Страдальцев. При одном мысленном представлении этой жуткой картины невольно сердце содрогается, слезы льются из глаз и хочется плакать и плакать.

Когда Императрица немного успокоилась, то вновь помолилась Богу и пошла в сад к Государю. При встрече в саду с Государем Императрица сказала, что она решила безвозвратно ехать с ним, а Алексея оставляет на попечение Татьяны и Ольги. Затем они немного походили по саду и уже успокоенные невидимой Божией силой вернулись в дом. Вечером вся Семья собралась вместе и обсуждала свое решение о предстоящей поездке. Было решено взять с собой Великую Княжну Марию Николаевну, а остальных оставить в Тобольске до открытия навигации, так как в то время была распутица и ни на санях, ни на телегах нельзя было везти больного Алексея; даже здоровому трудно было проехать.

Не говорит ли этот величайший подвиг Императрицы о том, что она безпредельно любила Россию! Она оставляет своего единственного горячо любимого Сына, быть может, навсегда, сознательно шла на верную смерть за честь России. Что дороже для матери своего сына? Но она предпочла пожертвовать Сыном за благо России. Она это доказала не словами, а делом, оставив пример, как надо любить Отчизну и умирать за нее.

На следующий день Яковлев пришел к Государю с напоминанием. Государь ему ответил, что один без Государыни он не поедет, а также берет с собой дочь Марию Николаевну, а больного Сына оставляет на попечение Татьяны и Ольги, если Яковлев даст честное слово доставить их к нему по открытии навигации. Яковлев сказал, что он лично ничего против этого не имеет, но должен будет переговорить с Москвой и получить оттуда указания. Вел переговоры Яковлев со Свердловым; тот долго не соглашался на то, чтобы с Государем ехала Государыня,

не объясняя причин своего несогласия. Яковлев тоже не соглашался со Свердловым на производство насильственного увоза Государя, убедившись в твердой решимости Государя без Государыни не ехать. После долгих переговоров с Москвой ЦИКом было дано разрешение взять с Государем Государыню и Марию Николаевну, а также дано обещание по открытию навигации привезти оставшихся в Тобольске детей к Государю.

Выезд из Тобольска был назначен на 13 марта. Дорога была невозможная. Снег на дороге таял от тепла, лошади вязли, в логах стояли глубокие лужи талой воды. Переезд по льду через реку был очень опасен, ибо лед расслаб и был покрыт водой, а местами проваливался. Ничего в расчет не принималось. Было приказано немедленно ехать.

Поданы были лошади, запряженные в простые крестьянские рабочие телеги, с навозными корзинами, в которых была положена грязная и вонючая солома, взятая из свиного хлева.

Августейшая Семья по-русскому христианскому обычаю помолилась Богу, дети пали в ноги Родителям, прося благословения, крепко расцеловались, а из глаз их катились горькие слезы. Затем Родители прошли в комнату к больному Сыну, где вновь помолились Богу, благословили больного своего Сына, оросили его постель горькими слезами, крепко-крепко целуя и с плачем оставили его. Весьма жуткая была картина этого прощания; вся прислуга плакала. Яковлев предложил Государю поехать с ним в одной телеге, а Государыне в другой с своим товарищем, а Марии Николаевне в третьей телеге, с красноармейцем. Государь согласился поехать вместе с Яковлевым, а Государыня со своей телеги отстранила «товарища» и посадила с собой Марию Николаевну. Протест Яковлева Государыня решительно отвергла, сказав, что она не может допустить, чтобы ее юная дочь ехала с кем-либо другим, кроме Матери. Яковлев уступил воле Государыни, ибо совесть ему подсказала, что его предложение было неразумно.

Так повезли из Тобольска Августейших Страдальцев в навозных душных корзинах устланных гнилой и загаженной соломой из свиного хлева.

При виде такого еще небывалого унижения Царственных Страдальцев благочестивые люди удивлялись их кротости и смирению; с трепетным благоговением невидимо сопровождало их и воинство небесное, охраняя и утешая их.

Печальное путешествие Русского Царя и его Семьи к пределу роковой развязки началось. Впереди и сзади узников ехали красноармейцы, вооруженные ружьями, ручными гранатами и пулеметами.

Что пережили за это роковое путешествие многострадальные Узники, известно только Одному Богу. Помимо личных мучений и грозящей опасности, сердца их терзала тяжелая дума о своих страдальцах детях, которые, не осушая глаз, плакали и тосковали о своих милых и любимых Родителях в своем одиночестве. Много мы знаем из церковной истории многострадальных праведных семейств, но все их страдания вряд ли могут равняться по своей тяжести и продолжительности со страданиями наших современных величайших в истории Христианства Мучеников.

С Государем были взяты из Тобольска следующие лица: Долгоруков, Татищев, камердинер Волков, фрейлина Гендрикова, Шнейдер, лакей Седнев, повар Трупп и комнатная девушка Демидова²⁰². В Тобольске при детях остались: доктор Боткин, камердинер Чемодуров, француз Жильяр, комнатные девушки Тутельберг и Эрсберг.

Дорога была невозможная. Лога и малые речушки наполнились снежной водой, приходилось проезжать с опасностью опрокинуться в холодную воду. В пути пришлось проезжать по льду залитому водой большую реку, на которой были проталины и провалы льда. Лошадей перепрягали на станциях, не делая остановок, чем причиняли тяжелые муки путешественникам, которых по плохой дороге растрясло и измучило; отдых на станциях был необходим, но он не предоставлялся только потому, чтобы больше нанести боли Страдальцам. В селе Покровском лошадью перепрягали напротив дома Григория Распутина, в котором жила его семья — жена и две дочери²⁰³; они, выйдя на улицу, все время перепряжки лошадей стояли у дома, не сводя глаз с Царственных Путников, а слезы катились по их щекам. Когда Путники поехали, то они осенили их святыми иконами и молились за них. На следующий день измученные Узники прибыли в Тюмень, где прямо из телег прошли в вагон. Без замедления поезд вышел из Тюмени по направлению на Екатеринбург.

Уехавший ранее из Тобольска в Екатеринбург вышеупомянутый коммунист-еврей при помощи лжи и интриг настроил уральский областной совдеп против Яковлева, уверил, что он

везет Государя не в Москву, а за границу. Поверив этой клевете, екатеринбургские коммунисты постановили поезд с Государем не пропускать. Узнав об этом постановлении, Яковлев поезд с Государем вернул обратно в Тюмень, затем намеревался с поездом проехать в Москву через Омск, Челябинск, Уфу и Самару. Но его противник успел ранее Царского поезда проехать из Екатеринбурга в Омск, где сделал тоже, что и в Екатеринбурге. Помимо этого Уральский областной совдеп дал знать о проезде Государя Омскому совдепу, дабы последний не пропустил поезда с Государем. В Омске этот лжец распространил новую клевету, что Яковлев, подкупленный белогвардейцами, везет Государя в Японию. Перед Омском поезд был задержан. Начались переговоры с Москвой, после которых Яковлев получил приказание от Свердлова везти Государя в Екатеринбург и сдать его Уральскому областному совету.

19-го марта поезд с Царственными Узниками прибыл в роковой Екатеринбург.

ХП

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ПЕРИОД СТРАДАНИЙ И МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

*«Говорю же вам, друзьям Моим:
не бойтесь убивающих тело
и потом не могущих ничего более сделать»
(Лк. 12, 4).*

*«Сберегийший душу свою потеряет ее;
а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»
(Мф. 10, 39).*

В Екатеринбурге для заточения Царственных Узников реквизировали у инженера Ипатьева каменный двухэтажный дом²⁰⁴, находящийся на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Этот дом огородили высоким деревянным забором, так что из-за забора не видать было окон верхнего этажа, назвав его «Дом особого назначения».

Ночью перевезли на автомобиле из вагона в Дом особого назначения Государя, Государыню, Великую Княжну Марию Николаевну, лакея Седнева, повара Труппа и комнатную девушку Демидову. Остальных же прибывших с Государем:

Долгорукова, Татищева, камердинера Волкова, фрейлину Гендрикову и Шнейдер — из вагона увезли в тюрьму*.

В момент жестокой бури вступили Августейшие Страдальцы в хладные уральские пределы, презирая свирепые бушующие волны злых страстей и непостоянство ветров человеческого вероломства, имея в виду надежду вечную, неизменную, жизнь нетленную, блаженную, небесную, веря в слова Божественного откровения: *«Вемы же, яко любящим Бога вся поспешествуют во благое»*. Теперь уже не страшны были для них ни свирепость их врагов, ни угрозы, ни мучения, — все то, что для обычных людей бывает страшно, ибо не суетны слова апостола: *«Непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас»* (Рим. 8, 18).

Настоящие бедствия, как бы тяжки они ни были, в сравнении с будущими благами, ничто, ибо первые пройдут как кошмарный сон, а вторые будут постоянны, вечны. Что бы ни случилось с любящими Бога, все будет во благо, ибо безчисленная польза бывает от терпения скорбей.

Жизнь показала Царственным Страдальцам, насколько мирские блага скоротечны, подобны исчезающему дыму; они проходят в настоящей жизни. Былые их слава и могущество заменились безславием; довольство благами земными — скудостью и голодом; почести и власть, — унижением и поношением. Царский дворец заменил угрюмый дом заключения с печальным мраком полусвета; былые восторги и ликование народа сменили поношения укоризны и поругания. После тихой погоды внезапно подул свирепый адский ветер и вырвал украшенное плодами и листьями русское дерево с корнем. Разбежались притворные друзья и поклонники могущества. Все это подобно

* Долгоруков, Татищев, Волков, Гендрикова и Шнейдер были из Екатеринбурга перевезены в г. Пермь и заключены в губернскую тюрьму. В Перми они все, за исключением Волкова, были большевиками расстреляны. Волкову удалось бежать в момент, когда их вели на расстрел. Сам Бог чудесным образом сохранил его, как живого свидетеля всех переживаний Царственных Страдальцев.

Весной 1919 года Пермь была взята войсками народной армии и при раскопках были найдены тела убитых. Особенно было обращено внимание на тело кристально чистой души благочестивой девушки фрейлины Гендриковой: оно не разложилось подобно тому, как сохранялись целыми тела древних мучениц.

ночи и сновидениям, которые с наступлением дня исчезают; то же, что весенние цветы: пройдет их пора, и они увядают; была тень и прошла; был дым и рассеялся. Таковы коварство, притворство и лицемерие неблагодарного человечества. Эти люди не пощадили и Самого Богочеловека, пришедшего на землю с миром, любовью и с вестью о вечном блаженстве.

Царственный Страдалец не двадцать ли два года успокаивал смятения, укрощал волны, утишал бурю, спасал терпевших крушение, умело вводил утопавших в тихую пристань покойной жизни, неусыпно заботился о всех; а теперь, по коварной злобе людей крови и ненависти, умолк, сидит безгласным, униженным, оклеветанным, опозоренным в печальном доме заключения, среди гор седого Урала.

Такое непостоянство людей еще крепче прилепило любовь к будущим благам сердца Царственных Узников, помогло им презирать настоящие неустойчивые земные блага и еще более убедиться в непреложности слов Святого Писания: «*Суэта суетствий, всяческая суета*» (Еккл. 1, 2).

Что же за все это получили неблагодарные русские люди? Жестокое крушение, море крови и слез. Разъяренное море политических страстей ежедневно приносит жестокие крушения. Все исполнено смут и волнения; везде скалы и стремнины; везде подводные камни и утесы; страхи, опасности, подозрения, ужасы и беспокойства. Никто никому не доверяет, каждый боится ближнего своего, исполнилось слово пророка: «*Не верите другом ни надейтесь на старейшины*» (Мих. 7, 5). Вместо желанного свободного жития, наступило время лукаво: «*Всяк брат затинанием запнет, и всяк друг льстиво наскочит*» (Иерем. 9, 4). Не стало верного друга, нет надежного брата. Как дым исчезло благо любви, всеми овладела междоусобная война; всюду скрытые личные счеты; люди превратились в кровожадных зверей и стало гораздо опаснее жить в городах, чем в пустынях среди диких зверей. Те, которые вчера заискивали и льстили, целовали руки, теперь сделались злейшими врагами, сбросив свою лицемерную личину. Всюду проникли зависть, гордость, неверие, жестокость, неподчинение старшим, разложение семейного очага и еще небывалая безнравственность. Сильные волны и жестокая буря все рвут и разрушают, стремясь окончательно потопить государственный корабль без опытного кормчего, которого насильно взяли те, кому нужно было на русской крови и слезах созидать свое земное счастье.

Хотя Царственные Страдальцы и находились в тяжелых узах, но они теперь еще крепче утвердились на камне веры, охраняемые покровом упования. Этот камень уже не достигаем для жестоких волн свирепого моря, стремящегося потопить души страдальцев, ибо они отныне охраняются не предательской стражей земной, а Самим Жизнодавцем Христом, Которому повинуются все: видимое и невидимое. Для них теперь уже нет ничего страшного на земле. Смерть они презирают, взывая с апостолом: «*Мне бо еже жити, Христос: и еже умрети, приобретение есть*» (Флп. 1, 21). Узничество и ссылка для них уже близилась к концу: «*Господня земля и исполнение ея*» (Пс. 23, 1). Отнятое имущество земное уже не привлекало к себе, оно скоро совсем не будет нужно: «*Ничтоже бо внесохом в мир сей: яве, яко ниже изнести что можем*» (1 Тим. 6, 7). Теперь все страшное для них стало презренным, а земное изменчивое удовольствие смешным. Для них уже лучше смерть, чем жизнь среди неправды людей. Одного только они желали: быть неразлучно с Богом и друг с другом и ждали той минуты, когда исполнится обещание Христа Жизнодавца: «*Паки же узрю вы, [...] и радости вашей никтоже возьмет*» (Ин. 16, 22). Они уже имели высший дар от Бога: радость по Боге во время скорби и страдания (Деян. 5, 40).

Для Государя, Семьи и прислуги отвели помещение в верхнем этаже дома, а для караула назначен был нижний этаж и рядом стоящий дом Попова. Посторонних лиц в Дом особого назначения никого не допускали.

После отъезда Государя из Тобольска прежняя караульная стража была уволена и заменена коммунистами. Жизнь детей в Тобольске без Родителей сделалась еще более скорбной и тяжелой. Помимо мучительной тоски о Родителях, они терпели ужасные оскорбления от коммунистов и комиссаров-евреев. Полковник Кобылинский, хотя числился еще комендантом, но фактически власти совершенно не имел.

17-го апреля Царские дети из Тобольска были вывезены на пароходе. Полковник Кобылинский был отстранен*, а его

* Полковник Евгений Степанович Кобылинский за время своего пребывания на должности коменданта изменил свое прежнее мнение о Царственных Узниках, относился к ним сочувственно, с человеческим сожалением, стараясь, сколько мог, облегчить их страдания. Он Царственных Страдальцев искренно уважал и особенно полюбил Алексея

место занял тот комиссар-еврей, который ездил в Екатеринбург и Омск²⁰⁵. Этот зверски жестокий человек относился при путешествии с детьми безпримерно жестоко. Помимо всевозможных оскорблений и словом и делом, он даже запретил красноармейцам и прислуге помогать детям выносить свой багаж. Этим изнуренным, измученным, слабым девочкам пришлось самим с великим трудом выносить непосильные им чемоданы. Юная Великая Княжна Анастасия с горькими слезами и великим трудом волокла свой чемодан. Великие Княжны Ольга и Татиана переносили больного брата Алексея Николаевича. А жестокие красные палачи своим сатанинским смехом и циничными насмешками безсердечно издевались над своими беззащитными жертвами, доводя их до слез.

На пароходе детей довели до г. Тюмени, а далее по железной дороге до г. Екатеринбурга, куда они прибыли в Великую Субботу 21-го апреля и были перевезены в Дом особого назначения к своим Родителям. С ними же был заключен доктор Боткин, а комнатные девушки Тутельберг, Эрсберг и француз Жильяр оставлены в Тобольске. Разместили узников в квартире в следующем порядке: в угловой небольшой комнате поместились Государь, Государыня и Цесаревич; в следующей комнате, чрез которую идет ход из угловой, поместились Великие Княжны, так что Государю приходилось ходить через их комнату, что было весьма неудобно. Для Государя, Государыни и Цесаревича были даны кровати без постельных принадлежностей, а Великим Княжнам пришлось долгое время спать на голлом холодном полу. Так издевались над невинными Страдальцами. Но этого мало, было приказано двери комнат держать открытыми день и ночь, а красноармейцы ходили по комнатам, под предлогом проверки, днем и ночью. Так же было приказано не затворять двери в уборную, вблизи которой стоял красноармеец. В ужас и содрогание приходишь от всего этого еще небывалого под солнцем позорного издевательства над личностью беззащитных людей. Для комнатной девушки Демидовой была отведена отдельная комната, а также для доктора Боткина. Для

Николаевича. Когда он узнал о кровавой расправе с Царственными Страдальцами, то не мог удержаться от слез, заплакал. Господь сохранил его жизнь по молитвам Царственных Мучеников, дабы он, как живой свидетель, сказал миру правду о наших Великих Страстотерпцах.

повара Труппа, лакея Седнева и его племянника-мальчика отведена одна комната. В столовой обедали и занимались с детьми, а в зале занимался Государь. При входе в помещение первую комнату занимал комендант охраны, где была и его канцелярия. Вообще разместили Узников тесно и без всяких удобств.

Встреча Родителей с детьми была для них неопишимо радостной. В эти часы забылись они в своей великой скорби, ибо радость встречи подавила все скорбное и горькое. Они радовались и торжествовали и величие их радости трудно выразить пером. Это можно было обнять только любящим сердцем с той силой любви, какую имели эти Царственные Страдальцы.

Сам Жизнодавец Христос послал радость Своим Великим Крестоносцам к дню Своего Светлого Воскресения. Все вкупе они встретили светлый день Святой Пасхи в своем заключении, радуясь радостью неземной, в предвкушении радости небесной.

По просьбе Государя был на Пасху приглашен священник, который служил для узников Светлую Пасхальную службу. В этих темничных узах возносились победные пасхальные песнопения служителем Бога Вышнего и Царственными Страдальцами, забывшимися от переживаемого кошмара в эту Священную и светозарную ночь. Я нисколько не сомневаюсь в том, что Христос, как древле в день Своего Воскресения, первую навестил всех более перенесшую скорбей Свою Пречистую Матерь, так и в этот раз Он прежде всех навестил Царственных Страдальцев, влив в их растерзанные сердца бальзам небесного утешения, дающий чудодейственную силу радоваться и веселиться в страданиях.

Это не случайное совпадение обстоятельств: приезд детей к празднику Светлого Воскресения Христова, дабы вместе отпраздновать последнюю Пасху на земле, а затем уже вечно праздновать Пасху Господню в Торжествующей Церкви на небеси. Господь этим как бы невидимо утешал Страдальцев Своим примером земных страданий, крестной позорной смерти, Своим Живоносным Воскресением, победоносным торжеством над врагами, светоносным восстанием, веселием вечным, празднованием всего мира видимого и невидимого. А церковное песнопение воспевало: отныне всех страдальцев ждет веселие вечное, для них отверсты райские двери, ибо празднуем мы ныне смерти умерщвление, ада разрушение, иного жития вечного начало. Сия священная, светозарная, светоносная ночь, предвестница того святого момента, когда и вы будете нового

винограда рождением для божественного веселия, приобщитесь к Царствию Христову в небесном Сионе, куда соберутся все праведники от запада и севера и юга и востока, с которыми Воскресший Христос обещался неложно быть навсегда, дабы праздновать вечную Пасху в невечернем дне Царствия Своего.

Пищу для Царственных Узников первое время приносили из советской столовой, находящейся на Главном проспекте; носила пищу женская прислуга столовой, передавая таковую, не входя в дом, красноармейцам, которые уже передавали ее Узникам. Пища приносилась или недоваренная, или переваренная и всегда холодная, ибо пока ее несли да пока передавали красноармейцы, за это время она остывала. Пища эта приносила только вред для слабых организмов Страдальцев. Спустя долгое время, когда Узники совершенно не могли принимать эту пищу, с трудом было разрешено готовить для них пищу в квартире заключения их повару. Нередко были такие печальные случаи: жестокие охранники половину пищи съедят добавят холодной воды, насыплют табаку, а иногда наплюют, затем в таком виде передадут Страдальцам, предварительно обругав их как могут. При таком отношении часто приходилось Страдальцам оставаться без пищи.

Настоятельница Екатеринбургского Тихвинского монастыря игумения Ангелина не убоилась страха иудейского, посылала разные продукты Узникам со своей келейницей послушницей Верой, которая героически выполняла трудное послушание. Как бы над ней ни смеялись и как бы ни застрашивали ее красноармейцы, она не переставала приносить хлеб, яйца и фрукты от матушки игумении. Все это она передавала стоящей у дверей дома страже, а передавала ли последняя Узникам трудно сказать, ибо все они одновременно были убиты. Потомство будет восхвалять из рода в род подвиг любви и сострадания этих двух женщин-героинь, но не будет вспомнят добрым словом местный епископ Григорий²⁰⁶, забывший на этот раз упрек Христа стоящим ошуюю: *«в темнице бых и не посетисте Мене»*. Он в это время вел с большевиками примирительно-соглашательскую политику и имел возможность оказать свое влияние на них и своим сочувствием облегчить участь Страдальцев, но ничего такого он не сделал. К матушке же игумении впоследствии отношение изменил так, что она от скорби преждевременно сошла в могилу*.

* В начале июля 1919 г. Екатеринбург был оставлен войсками на-

В праздники по желанию Узников был приглашаем для совершения Богослужения священник; разговаривать последнему с Узниками не разрешалось.

Первое время комендантом охраны был рабочий местной Злоказовской суконной фабрики Александр Авдеев²⁰⁷, помощником его рабочий той же фабрики Мошкин²⁰⁸, а охрана состояла из местных красноармейцев. Во главе Уральского областного совдепа в это время стоял Голощекин²⁰⁹ (еврей), который нашел коменданта, помощника и караул ненадежными. Он в конце мая назначил комендантом Юровского²¹⁰ (еврея), а караул приказал набрать из рабочих коммунистов Сысертского завода Злоказовской фабрики и латышей. Были выбраны разводящие караула с уголовным прошлым, которые по очереди днем и ночью наблюдали за исправностью караула. Караул стоял внутри и снаружи дома. Юровский со своим помощником все время находились в доме заключения; если отлучался один, то другой оставался там.

В усадьбе дома был небольшой сад, куда разрешалось выходить Узникам. Ход в сад был с террасы дома, выходящей в сторону сада. Цесаревич Алексей Николаевич ходить не мог, его выносил в сад Государь, ухаживая за ним сам. Государыня в сад совсем не выходила, а изредка выходила лишь на террасу. Когда же стены террасы были исписаны красноармейцами безнравственными словами и иллюстрациями, то с этого времени Государыня не выходила и на террасу. Не только терраса, но уборная и другие видные места были исписаны подобными гадостями²¹¹. После этого не стали выходить в сад и на террасу и дети. Временами Узники выходили подышать свежим воздухом на парадное крыльцо, огороженное высоким забором. Алексея Николаевича выносили на руках и садили на коляску, а Государыня сидела рядом с ним на стуле. Мать любила Сына безумно; не было дня, чтобы она не поцеловала сотни раз своего милого и родного юного страдальца. Без него для матери не существовало жизни, только с ним она забывалась в переживаемом кошмаре.

Здесь Узники еще больше похудели, но вид их лиц был, хотя бледный, однако чистый и свежий с грустно-задумчивыми глазами. На лицах детей отражалась невинность и чистота, как на

родной армии, епископ Григорий остался, веря в прежнюю милость большевиков, но на этот раз он был казнен ими.

белоснежных благоухающих ароматом цветах. Сами красноармейцы не понимали причины тому, что ни голод, ни варварский режим, ни скорби не в силах были привести этих девственных узниц в безобразный вид, в какой приходят уголовные преступники в заключении. Но того они не ведали, что хранил и украшал их Тот же Бог, Который хранил и украшал некогда праведных трех отроков Вавилонских, брошенных в разженную печь и вышедших из нее по воле Бога невредимыми.

Разговаривать охранникам с Узниками было запрещено, да и сами Узники не желали иметь с ними разговоров. Был однажды случай, когда Государь спросил одного красноармейца в саду, что делается в России. Красноармеец сказал: «Льется кровь рекой от междоусобной войны. Люди уничтожают друг друга». Государь ничего не ответил, тяжело вздохнул, обратив свой взор к небу. Здесь сказало, как он любил Россию и народ, который с ним так жестоко поступил. Он не радовался несчастью этого народа, но, как любящий отец, восскорбел скорбию тяжелою, вознося свой мысленный взор к небу, прося простить свой неблагодарный и жестокий народ. Он поступил по примеру праведного и многоскорбного Царя-пророка Давида, когда тот при известии о гибели своих врагов, во главе со своим сыном предателем Авессаломом, не возрадовался, а восскорбел. Непредложны слова Святого Писания: «Видех нечестиваго превозносящася и высящася яко кедры ливанския и мимоидох и се не бе» (Пс. 36, 35–36).

Государь из Екатеринбурга написал к Ленину письмо, в котором говорилось: «События имеют свою историческую неизбежность и с этой стороны я не жалею на то, что произошло в феврале 1917 года. Но против последующего позвольте мне горячо протестовать. Именно против угнетения моей личности, не как бывшего Императора, а как добровольно объявившего себя гражданином Николаем Романовым.

Этот гражданин в вашей, господин комиссар, республике угнетается до того, что ему не позволено иметь на руках обычный арестантский порцион 25 коп. в сутки, как равно не позволено пользоваться своим столом»*. Далее в письме перечисляются все ужасные обстоятельства жизни.

* Письмо было помещено в «Московских Известиях». На письме Лениным положена резолюция: «Одерните, в самом деле, этих екатеринбургских саврасов».

В начале мая была привезена из Москвы в Екатеринбург сестра Императрицы Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, пробывшая здесь несколько дней. Как Великая Княгиня, так и Царственные Узники просили разрешить свидание, ибо чувствовали, что больше здесь на земле не увидятся, но разрешение не было дано. Такова была жестокость кровожадных извергов рода человеческого.

Справедливо Дух Святой в 108-м псалме выражает против таких людей сильнейший и пламенный гнев, наполненный проклятиями, которые распространяются на детей нечестивца, жену и родителей, наводя не только несчастья, но прилагая бедствия к бедствиям.

Подробно об этом говорит великий Вселенский учитель святой Иоанн Златоуст, этот неустрашимый защитник и заступник гонимых и страждущих в своем толковании на этот псалом (т. 5. С. 274–275).

Так грозно прещение Святого Божественного откровения на этих жестоких безсердечных и безжалостных людей, терзавших Царственных Страдальцев. Теперь судите сами, кто несчастный: тот ли, кто терпит, или тот, кто обижает? Конечно, последний. Небо и земля мимо идут, но слово Божие не пройдет мимо, оно в свое время в полной точности исполнится. Внимательно проследите и увидите, с какой точностью все уже начинает исполняться.

С вступлением в должность коменданта Юровского жизнь узников стала ужасной; он по своей жестокости и циничному издевательству превосходил всех своих предшественников. Голощекин его в этом поддерживал, ибо эти два изверга действовали согласованно и имели одну определенную коварную цель. Июнь месяц был для узников сплошным безпросветным голгофским страданием, от боли и мук которого не могла не изнемогать всякая плоть человеческая. Никто из людей не видел этих страданий, кроме ангелов хранителей, невидимо пребывавших с ними.

Кровавая развязка становилась все ближе и ближе. Люди ненависти и крови при помощи своего отца, отца лжи, составили план небывалого в истории народов преступления.

К узникам уже не допускали священника для богослужений. Они лишены были последнего христианского предсмертного священного напутствия. Но история Церкви дает нам много Божественных откровений, как в таких случаях Бог посылал для

напутствия страдальцев небожителей, для которых не могли преградить вход к страстотерпцам и тяжелые затворы темниц. Невольно припоминается случай, как одна бедная благочестивая вдова, жившая на окраине города Константинополя, находясь на смертном одре и не имея никого из людей, кто бы облегчил ее страдания, была утешена явлением небесных дев и Самой Божией Матери, не оставлявших страдальцы до последней минуты земной жизни, когда душа ее была взята посланными Богом ангелами. Для верующего человека нет никакого сомнения, что Царственные Страдальцы в эти дни и часы не оставлены были без небесного Божественного утешения. Если Божия Мать не погнушалась прийти к больной вдовице, то разве Она могла не быть при Царственных Страдальцах, которые так чтит и любила Ее? Если Сам Божественный Сын Ее пред Своими грядущими страданиями изнемогал, то Она разве могла оставить без Своего матерняго Покрова Помазанника Божия и его многострадальную Семью? Нет, этого быть не могло. Нет никакого сомнения и в том, что они в последние часы земной жизни были предупреждены вестником неба о предстоящем разрешении их от грешного и жестокого к ним мира. Что они думали и переживали в эти последние минуты жизни, от нас сокрыто, но сам читатель может себе дать полное представление об этой еще небывалой драме. Для нас, слабых духом, это кажется чем-то ужасным, кошмарным, от чего стынет в жилах кровь и замирает сердце. Отчасти проник из этого жестокого кровавого дома заключения как бы луч света, освещающий то, что переживали и думали Великие Страстотерпцы. Осталось не уничтоженным и чудесным образом сохраненным собственноручно написанное Великой Княжной Ольгой Николаевной накануне смерти стихотворение²¹².

Вот эта молитва-стихотворение:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.*

*Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.*

*И в дни мятежного волненья,
Когда терзают нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги!*

*Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час!*

*И у преддверия могилы
Вдохни в уста Своих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.*

*Царица неба и земли,
Скорбящих утешенье, —
Молитве грешников внимли, —
В Тебе надежда и спасенье!*

*Погрязли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока,
Но... наша Родина! О, к ней
Склони всевидящее око.*

*Святая Русь! Твой светлый дом
Почти что погибает,
К Тебе, Заступница, зовем —
Иной никто из нас не знает.*

*О, не оставь Своих детей,
Скорбящих в упованьи,
Не отврати Своих очей
От скорби и страданья.*

Какое жестокое сердце не омочит слезами эти святые строки молитвенного вопля, кристально чистой девственной агницы Христовой, идущей на закланье? Она, родная, забыла все обиды, и в эти последние минуты умоляет Бога за врагов своих, просит помощи, изнемогая в слабой юности своей. Она не забыла и родины. Не дышат ли эти святые строки небесным воздухом любви? Не благоухают ли они ароматом святого незлобия?

После этого какой вероломный клеветнический язык еще дерзнет не умолкнуть? Пред этим молитвенным воплем, исшедшим от избытка святого сердца юной Великомученицы, героини христианского духа, невесты Христовой, с позором да заградится и со стыдом да умолкнет всякий злоречивый язык.

Не напрасно сказано Христом: по делам их узнаете их. Здесь мы видим в лице Царственной Страстотерпицы девицу, которая в юности своей приобрела великое духовное совершенство, которого не многие достигали даже из святых: при великих страданиях не приходит в малодушие и ропот удел немногих, ибо, по слову св. Иоанна Златоуста, уста в скорби, не произносящие ропота, равны устам святых мучеников.

4-го июля в екатеринбургских газетах появилось объявление президиума уральского областного совета рабочих и красноармейских депутатов, в котором говорилось, что в виду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала — Екатеринбургу* и в виду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда, президиум совета постановил: расстрелять бывшего Царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом, каковое постановление в ночь с 16 на 17-е июля (по новому стилю) приведено в исполнение. Семья же Николая Романова в ограждение безопасности вывезена в надежное место²¹³.

Таково было объявление подлинных кровавых палачей, но на самом деле ими было совершено зверское убийство не одного Государя, но всей его Семьи, доктора Боткина, лакея Труппа, повара Седнева и комнатной девушки Демидовой. Это кровавое преступление было совершено по приказанию Свердлова из Москвы. Были обнаружены шифрованные телеграфные сношения Свердлова с Голощекиным, в которых уведомлялось, что с 16 на 17-е июля исполнено дело в Екатеринбурге, а с 17 на 18-е в Алапаевске, где были брошены живыми

* К Екатеринбургу подходил отряд чехословаков под командой генерала Войцеховского, которым и был взят город. Войцеховский должен был прежде окружения Екатеринбурга послать экспедицию спасти Царственных Узников, но он этого не сделал, почему, думаю, он не безвиновен в этом. Особенной нужды в ускорении взятии Екатеринбурга не было ибо он был сдан обратно. Если бы это им было сделано, то он снял бы с себя ответственность, а раз этой предосторожности сделано не было, то вряд ли можно его в этом оправдывать.

в шахту Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Великие Князья*.

По показанию одного из участников убийства Государя и его Семьи, дело представлялось в следующем виде.

16-го июля по новому стилю 1918 года перед вечером комендантом Юровским было приказано отобрать у всех караульных, стоявших на постах при охране дома, револьверы системы «Нагана», каковых было собрано и положено на стол в его канцелярии 12 штук. В этот же день утром, по приказанию Юровского, был уведен мальчик — племянник Седнева и помещен в караульном помещении соседнего дома Попова. Юровский сказал человеку, собравшему револьверы, в 8 часов вечера: «Сегодня мы будем расстреливать все семейство», — и в 10 часов вечера приказал ему предупредить команду о том, что, если команда услышит выстрелы, то не тревожилась бы, что им и было исполнено.

В 12 часов ночи комендант Юровский начал будить Узников. Государь, Семья и прислуга встали, оделись, умылись и приблизительно через час времени все 11 человек вышли из своих комнат. Все они на вид были спокойны и как будто никакой опасности не ожидали. Из верхнего этажа дома они спустились по лестнице в нижний этаж и были проведены в глухую комнату в конце дома. Государь нес Сына Алексея на руках. Приказано было Узникам нести с собой по подушке. В эту комнату Юровский приказал принести три стула, на которые посадил Государя, Государыню и Цесаревича, а остальным приказал встать к стене. Убивали Царственных Страдальцев Юровский, его помощник, два члена из чрезвычайки и 7 латышей²¹⁴. Убитые мученики лежали на полу в разных положениях в лужах крови. Дольше всех мучился и стонал Цесаревич Алексей Николаевич. Юровский еще после этого несколько раз выстрелил в юного Страдальца и он перестал стонать. Передающий сие говорил, что вид убитых Царственных Мучеников настолько повлиял на него, что его начало тошнить и он вышел из комнаты. При выходе этого участника убийства из комнаты, его на улице встретили два разводящих красноармейца и спросили его: «лично ли застрелили Николая II; вместо его чтоб другого не застрелили,

* Подробно об Алапаевском зверском преступлении мною написано в книге под заглавием: «Мученики христианского долга».

а то тебе отвечать придется, ты принимал его». На это он ответил им: «Хорошо лично видел, что они застрелены т. е. Николай II, его Семья, доктор и трое прислуги, всего 11 человек». По его словам, у каждого убитого было по несколько ран в разных местах тела, лица у всех были залиты кровью, одежда у всех также была в крови. Покойные, видимо, ничего до самого момента расстрела о грозившей им опасности не знали, причем все время были спокойны.

Что покойные духом были Мученики, сомнения нет, но чтобы они не знали, что их повели на смерть, этого быть не могло. Они ясно видели, зачем их ночью разбудили и привели в глухую комнату. Почему они были покойны духом? Потому что им Бог был Прибежищем и Силой, Помощником в эти трагические минуты (Пс. 45, 1-3). Они имели надежду высшую, которая могущественнее всякой земной силы. Имеющий эту надежду и пред лицом смерти не поддается малодушию, но до последней минуты сохраняет присутствие духа.

По приказанию Юровского тела убитых были вынесены из комнаты, положены на грузовой автомобиль на разостланное серое солдатское сукно и покрыты таким же сукном. С убитых все ценное было обобрано и передано Юровскому. Пол в комнате, где совершено убийство, приказано красноармейцам ночью же вымыть, а также замыть кровь на парадном крыльце, в ограде и на месте стоянки автомобиля.

Автомобиль с 11 телами убитых Мучеников, по словам одного участника этого дела, был направлен на Верх-Исетский завод, где тела были брошены в шахту, которую взорвали, бросая туда бомбы, чтобы она засыпалась землей.

Но следствию удалось обнаружить около одной шахты за Верх-Исетским заводом место, где по предположению сжигались тела Мучеников, так как на этом пепелище были найдены вещи Царственных Мучеников. Также есть и другие основания, доказывающие, что тела Мучеников сожжены при помощи бензина и азотной кислоты²¹⁵.

Так закончили свою многострадальную жизнь Царственные Страстотерпцы и их верные слуги. Совершено злодеяние еще небывалое в истории народов мира.

Бог проклял Каина, убившего из зависти своего праведного брата Авеля, и наложил на него знамение, по которому всякий, кто бы ни встретился с ним, узнавал бы его: «Стеняй и трясись будешь», — сказал ему Бог. О, зависть дьявольская! — не щадит

она и невинную добродетель, но и самого обладателя своего жестоко карает и мучит.

Наши Царственные Страстотерпцы до скончания века будут улажаться не только Православной Русской, но и Вселенской Церковью, как святые мученики, за Христову правду пострадавшие. Убийцы же их и все содействовавшие этому злодейству в тесноте и терзаниях будут влачить свою жизнь на земле, ибо сама тварь, по слову Божию, вооружится против них для отмщения им; а по смерти, в памяти потомства, покроются они несмываемым позором, как отверженные и проклятые Богом дети дьявола. Это в настоящей конечной жизни. Какое слово может изобразить блаженство и славу, уготованные в вечном Царстве Христовом невинным Страдальцам, и те муки, которые ожидают проклятых злодеев, не убоявшихся совершить волю отца своего — дьявола, вопреки повелению Божию?

Царственные Мученики наследуют Царство Небесное и вечные обители, где лики патриархов, пророков и апостолов, и собор Всех святых. И будут они царствовать в нескончаемые веки с Небесным Царем Иисусом Христом, Единородным Сыном Божиим. А убийцы, их повелители и единомышленники пойдут в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его.

Пройдут скорбные дни лихолетья и русский народ, испив до дна чашу безпримерных бед и скорбей в наказание за невинно пролитую кровь Помазанника Божия и его Семьи, сознает свою вину, как некогда, убив своего короля Карла I, английский народ сознал потом свою кровавую ошибку. Ежегодно теперь празднует Англия память убитого короля, прося этим у него прощения. Так будет праздновать память своего Благочестивейшего Царя-Мученика и раскаявшийся русский народ, прося у него прощения в своем тяжком грехе против него и его Семьи.

Пока этого раскаяния в русском народе не будет, до тех пор не будет и милости от Бога. Не будем лгать перед собою: мы все, только в разной степени, повинны в этом грехе.

Он лично в этом ныне не нуждается, он уже ушел от нас, прияв крест за нас. Нуждаемся мы, оставшиеся в кровавом хаосе тяжелых переживаний. Дальнейшее зависит от нас самих, и чем скорее мы принесем покаяние, тем скорее мы приблизимся к мирному и покойному житию и скорее пройдет наставший страшный час мрака русской ночи, скорее засияет луч скрывшейся от нас любви.

Царственные Мученики, дыша отныне небесным воздухом любви, скорбят за нас, молят Бога, дабы мы вновь правду полюбили и Бога не забыли. Они теперь за дорогую им Россию крепкие заступники и, верится, не оставят свою Отчизну в несчастьи своем.

Итак, совершилось. Великие Страдальцы преступили земной предел. Уже нет надежды не верить этому концу. Их уже нет. Они отошли к Творцу. Их бессмертный дух улетел в небесный рай, тот рай, из которого, идя туда, послала с ангелом на землю живые благоухающие пунцовые цветы св. мученица Дорофея (6 февраля).

Они, сняв с себя тленные земные короны, увенчаны Христом нетленными райскими венцами не из золота земного, а из неуядасмых райских цветов.

«Вспомни, Господи, поношение рабов Твоих, которое я переносил в груди моей от многих народов, коим носили враги Твои, Господи, коим носили перемену с Помазанником Твоим! Благословен Господь во век. Да будет, да будет».*

МУЧЕНИКИ ХРИСТИАНСКОГО ДОЛГА

* Пс. 88, 51–53.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

(Ин. 15, 13)

«Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокрытого, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы».

(Лк. 8, 17)

«Праведники живут во веки; награда их в Господе, и попетение о них у Вышнего».

(Проч. Слз. 5, 15)

Дела правды и любви познаются не словами, но делами. Сам Господь явил любовь Свою к нам не словами только, но главным образом делами. От природы человек старается видеть доброе только в себе, а в других одно плохое, не замечая своих недостатков. Только человек, просвещенный благодатию Святаго Духа, чрез благочестивую жизнь, видит свои недостатки и добрые дела других, имея мужество говорить правду, не взирая на сильных мира сего; за правду страдать и умереть. Для таких людей нет выше счастья на земле, как быть на стороне правды, хотя бы обиженным, униженным, оплеванным и всеми оставленным. Он легко переносит скорби и страдания, сознавая, что его ждет высшее счастье в загробном мире, — быть в числе мучеников и исповедников правды Божией. Если такому выпадает тяжелый жребий быть лишенным всего, как-то: славы, имущества, чести, свободы, родного своего гнезда и быть нищим, холодным и голодным в тяжелом плену на чужбине, то он будет себя успокаивать тем, что Господня земля и исполнение ее во вселенной, т. е., где бы он ни был, всюду с ним Господь, а с Господом легко и страдать, с надеждой получить не временную, а вечную славу.

О лишении имущества он сильно не скорбит, помня, что ничего он не принес с собой при рождении и уйдет отсюда, оставит все: и честь, и славу, и все земное состояние. Даже самой смерти он не страшится, глубоко уповая, что живет для Христа, если умрет, не преклонив колена пред кумиром мира сего, получит вечное приобретение, которого отнять уже никто не может. Все труды и страдания для таких не тягостны, они их увеселяют сознанием своей правоты и чистоты совести. Подобные люди имеют любовь к Богу и ближним, как огненный источник: в какой мере он источает питье, в такой же мере распаляет жаждущего. Они из любви к Богу преданы Его Святой воле, и что бы их ни постигло, они все приемлют как от руки Божией, с твердой верою, что все это послужит к их душевной пользе, к испытанию их терпения, чрез что соделывается вечное спасение; таковым некогда скажет Господь: *«рабе благий и верный, о мале ми был еси верен; над многими тя поставлю, вниди в радость Господа твоего»* (Мф. 25, 23).

Эти люди не увлекаются соблазнительными течениями мира сего, не страшатся угроз его, не преклоняются лестию его; они ради славы Божией готовы лишиться всех благ временных, терпеть все поношения и гонения и даже самую смерть, идя на место казни как на брачный пир, не проклиная своих мучителей, не с грустью в душе, а духовно радуясь, воспевая священные песнопения, воодушевляемые невидимым действием Промысла Божия. Дивно бывает терпение у таковых людей Божиих, этих непобедимых, невинных страдальцев. Св. Иоанн Златоуст некогда говорил своему сильному врагу: «Если повелишь перепилить, распили, то же было с Исаниею; если захочешь бросить меня в море, брось, я все помню об Ионе; если ввергнешь в огненную печь, я знаю трех отроков; предашь диким зверям на растерзание? Был предан им и Даниил во рву львином; захочешь отсечь главу? Я буду иметь в том сообщником Иоанна; побить камнями? Я найду иметь в том сообщником Иоанна; отнять все блага и имущество? Отнимай все: наг изыдох из чрева матери моей, наг и отыду. *«Кто ны разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Во всех сих препобеждаем за возлюбившаго ны»* (Рим. 8, 35).

Вот где кроется тайна несокрушимости духа избранных Божиих, увенчанных высшей наградой, светлыми неувядаемыми мученическими венцами.

Напрасно современные философы мира сего унижают этих мучеников долга, славных богатырей Христова духа, считая их несчастными людьми. Нет, это самые счастливые люди, насельники неба, обладатели некрадомого богатства, участники вечной славы небесной, общники насельников рая, друзья Божии и соучастники в славе великих Святых. Разве не был, по слову Самого Господа, Св. Иоанн Креститель большим из рожденных женами? Кто ближе был ко Христу, как не Апостолы? Чем они кончили жизнь на грешной, неправедной земле? Страданием, заточением и насильственной смертью.

Как земной царь, посылая любимых воинов на поле брани не по ненависти к ним, а по любви, дабы дать возможность заработать им боевую награду, недостижимую другим путем, так и Небесный Царь, попуская своим любимым слугам страдание, мучение и насильственную смерть, тем самым давая возможность заработать неувядаемые мученические венцы, недостижимые обычным путем мирной и спокойной жизни. Говорит

о сем Божественное откровение: *«Кого я люблю, тех обличаю и наказываю»* (Отк. 3, 19). Тайноведец ясно раскрывает сию не ведомую миру тайну Божию: *«Я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которые они имели, и возопили они громким голосом, говоря: доколе Владыка Святейший и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белая, и сказано им, что бы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их, которые будут убиты как и они дополнят число»* (Отк. 6, 9–11). «Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца. За это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них» (Отк. 7, 14–15). Воистину блаженны и счастливы те, кому суждено неизвестными путями Промысла Божия быть в числе сонма мучеников, пострадавших за правду Божию; они умерли в Господе, успокоятся от трудов своих и дела их пойдут вслед за ними (Отк. 14, 13). Торжествующая Христова Церковь не забудет их здесь на земле до тех пор, пока светят солнце и луна; сохранит Господь все кости их и не едина от них сокрушится.

Таковые, имея чистую совесть при жизни на земле, имеют вместе с сим и духовную радость, ибо не величие власти, не множество денег, не обширность имущества, не крепость телесная, не роскошный стол, не пышные одежды, не прочие человеческие преимущества доставляют благодущие и радость; но бывает сие плодом только духовного благоустройства и доброй совести. Имеющий добрую совесть, хотя одет в рубище, хотя борется с голодом, благодущнее живущих роскошно; но сознающий за собою худое, хотя обложен кучами денег, беднее всех. Посему-то мученики долга, хотя живут почти во всегдашнем голоде и нищете, хотя каждый день принимают побои и циничные оскорбления, радуются и веселятся духовно более их мучителей и угнетателей с виновной совестью.

К числу подобных сим мучеников христианского долга, ничтоже сумняся, причислю и современных новых мучеников, из Царского Рода, с небывалой лютой жестокостью замученных людьми, потерявшими не только добрую совесть, но и человеческий образ.

Моя задача по возможности точнее представить читателю душевные портреты этих Стратотерпцев Христовых. Некоторые из них мне лично были известны при жизни, а потому мое

слабое перо пишет не только со слов других, а и со своего личного наблюдения о их жизни и делах. Для этого нужна кисть великого художника и перо талантливого писателя, но и мое скудное перо несет свою убогую лепту на святое и благороднейшее дело. Пусть обманутый рукоплескавший русский народ познает и узрит, кого зверски убили не благодетели его, а коварно-вероломные вековые враги...

Начну с той, о которой знал весь мир как о великой женщине любви, принесшей на алтарь страждущего человечества не только честь и славу, все свое состояние, все часы своей жизни, но и самую жизнь и за все это получившей в награду жестокие страдания и мученическую смерть.

Православная Церковь уже знает о деянии многих великих жен, которые наравне с великими праведниками подвизались в делах Божиих и лили неповинную кровь за правду Божию и добрые дела.

Мое слово о Великой Княгине Елисавете Феодоровне, настоятельнице Марфо-Мариинской обители в Москве, той, которая оставила мир, как рядовая сестра лично обмывала гной и раны страдальцам; та, которая устроила Св. обитель любви и милосердия.

Хотя она ушла от нас в иной, лучший небесный мир, но дела ее, связанные узами любви, пребудут на веки нерушимы, ибо любовь крепче не только всего человечества, но и самой смерти. Ее не расторгает расстояние, не приводит в забвение время, не скрывает мрачная могила, но она, как солнце, всюду своими лучами согревает оледеневшие сердца и оживляет потерянную веру падшего и отчаявшегося человечества, в прохождении жизни, как бы говоря, что не все еще заразились самолюбивым эгоизмом, есть люди любви, своим примером указывающие верный путь к правде, счастью земному и небесному.

Покойная имела своим девизом: прощать своим врагам и быть для всех слугой, помня слова Спасителя: *Иже аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга; и иже аще хочет в вас быть старший, да будет всем раб* (Мк. 10, 43–44). Ее непреложным законом было: чтобы сильное подавало помощь слабому, низшее поддерживалось высшим; сильные несли немощи немощных. Она ставила во главу угла своей жизни и всех дел любовь, считая ее крепче всякой стены, тверже адаманта, превосходящей все. Эта любовь трудное для нее делала легким и удобным, служение страждущему человечеству привлекательным, прощение врагам возможным.

Она часто говорила, что истинная любовь не допускает греха, напоминая любимые слова Свят. Иоанна Златоуста: «Любовь друг к другу делает нас непорочными. Нет, решительно нет, ни одного греха, который бы, подобно огню, не истребляла сила любви. Удобнее слабому хворосту устоять против сильного огня, нежели естеству греха против силы любви. Возрастим же сию любовь в душах своих, дабы стать со всеми святыми, ибо и они все благоугождали Богу любовью к ближним. Отчего Авель убит, а не убил? Конечно, оттого, что, сильно любя брата, не мог и помыслить об этом. Откуда Каин воспринял зависти яд? — я не хотел бы его более называть и братом Авеля, — оттого, что не утвердился в нем незыблемо основания любви. Чем заслужили похвалу два сына Ноевы? Не тем ли, что сильно любили отца и не могли видеть наготы его? А за что один подпал проклятию? Не за то ли, что не любил? Чем также Авраам прославился? Не любовью ли, с какою он заботился о племяннике и тем, что ходатайствовал о содомлянах? Ибо святые были весьма любвеобильны и сострадательны... Если бы человек сильно постился, молился, спал на голой земле, но не заботился о благе других, он ничего еще доброго не сделал». Эти слова она не только говорила, но и старалась делом их исполнять, хотя находились люди с неочищенной благодатию совестью, которым ее дела любви казались в ином свете.

Любовь отчетливо отличает истинного ученика Христова, ибо Христос ясно и определенно сказал: *«О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою»* (Ин. 13, 36). Вот верный знак, важнее всех знамений, которым запечатлена была покойная Великая Княгиня. Она не совершила видных чудес, но отдала душу и тело свое за человечество бедное и страждущее и умоляла Бога, дабы получили Царствие небесное и те самые, которые мучили ее и жестоко убили, взывая: *«Господи, прости им, ибо не ведают, что делают»*.

Вот ее были знаменья и чудеса: была горячо любящей матерью сиротам и вдовам; полицей и кормилицей голодных и холодных, всеми оставленных; оказывала услуги не только благодетелям, но и врагам, делала добро всем своим и чужим, верным и неверным; поддерживала слабых, неся немощи безсильных, прикрывала недостатки других, будучи строга к себе и снисходительна к другим; прощала обиды, молилась и за своих врагов и в заключение всего пожертвовала собой за других, исполняя завет Апостола любви: *«Любовь познали мы в том, что Он*

положил за нас душу свою: и мы должны полагать душу Свою за братьев» (1 Ин. 3, 16).

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна родилась 20 октября 1864 года, будучи родной внучкой покойной Императрицы Марии Александровны, супруги Царя-Освободителя Александра II и Английской Королевы Виктории, родной Августейшей сестрой Государыни Императрицы Александры Феодоровны, была в супружестве с Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергием Александровичем, убитым в Москве 4-го февраля 1905 года.

По крови женской линии Великая Княгиня происходила от Царственного Рода Рюриковичей, о чем подробно описано в книге, составленной и напечатанной князем М. С. Путятиным¹.

В жилах ее текла кровь любвеобильной сострадательной к горю других матери, Принцессы Гессенской Алисы, дочери Английской Королевы Виктории, стяжавшей себе славу женщины необыкновенно чистой души и сердобольного сердца, вышедшей в этом отношении из уровня века.

Нося имя святой праведной Елисаветы (5 сентября), она в скорбной жизни ее, черпала себе в часы скорби утешение и ободрение. Жизнь ее, как особой избранницы Божией, с юных лет была усеяна не цветами, а терниями и скорбями. Немало она пролила слез и среди украшенных царственных палат.

В юных летах, лишившись горячо любимой своей матери, она познала всю тяжесть сиротства без материнской ласки, почему она впоследствии и старалась, хотя отчасти, заменить материнскую ласку безприютным сиротам. Воспитывалась и большее время юности провела Великая Княгиня у своей родной, мудрой бабушки Английской Королевы Виктории, закаляясь в терпении в ее твердых и суровых приемах воспитания. Здесь она, лишенная материнской ласки, видела больше сухих учительских приемов воспитательниц с притворной безжизненной холодной любовью. Всю драму сироты без матери, во всей силе, может познать и оценить только тот, кто сам был в сиротстве лишенным нежной материнской любви. Как бы ни была внешняя любовь участливой, но она не может заменить любви родной матери. Бабушка, хотя любила ее, но мало имела свободного времени, будучи занята государственными делами, для нежно-участливого внимания, не говоря уже о том, что никогда не могла заменить нежно любящую ласку матери.

С раннего возраста она была прилежна к изучению наук, особенно философских и Богословских. Богословские науки сильно действовали на впечатлительную девушку, которая еще в ранней юности начинала постигать всю суетность земной славы и величия; она еще тогда задумывалась временами о жизни вечной.

Пройдя суровую школу воспитания, подчинения и послушания, она, будучи одарена высоким качеством благородства и любви, запечатлела в своем любящем сердце и доброе и худое, стараясь первому подражать, а последнее отвергать.

Будучи в возрасте невесты, она обращала на себя особенное внимание многих царственных женихов не только необыкновенной красотой, умом и мудростью, но главным образом кротостью и красотой душевной, которые были для нее наивысшим сокровищем, которое давало ей общее уважение и любовь.

Много говорили и писали в иноземных странах об этой редкой девице и прочили ей блестящее будущее. Но не таковы были судьбы Промысла Божия, готовившего ее чрез горнило скорбей совершенно к иной жизни и иному концу...

Непреложно слово Божие, что от Господа стопы человеку исправляются. Господь готовил ей скорби, дабы делами любви и сострадания, якоже пресветлая луна, светила среди тьмы и эгоизма людского, в начале в золотой великокняжеской короне, затем презревшей всю суету земную, в звании смиренной сестры любви и милосердия, а в заключение среди угроз и страшных мучений остаться верной своему призванию, с молитвой совершить великий подвиг и венец нетленный приобрести.

Императрица Мария Александровна избирает ее в невесты своему младшему сыну, Великому Князю Сергию Александровичу; привыкшая покоряться воле старших, юная принцесса Елисавета Феодоровна подчиняется предложению родных, хотя душевного расположения не чувствовала к этому браку, который не принес ей истинной семейной радости. Жизнь ее в супружестве была сплошным тернистым путем. Только Одному Богу известны все ее скорби и переживания, среди злата и серебра в великокняжеских палатах.

Как она несла свой тяжелый крест безропотно, не говоря о нем никому, так и мы пока умолчим...

Скажем только одно, что на долю ее жизни выпало столько скорбей, как редко на кого; но она с надеждой на Бога несла свой крест бодро и смело, не озираясь назад. В трудные минуты

она представляла своему мысленному взору тех несчастных женщин, жизнь которых еще тяжелее, чем ее, и тяжесть скорбных переживаний ее облегчалась. Затем она старалась находить себе утешение в делах любви и милосердия. Вся Москва, особенно обездоленная беднота, знала светлое имя Великой Княгини, отирающее слезы и облегчающее страдание.

Немало пришлось ей перенести от коварных безчестных людей циничной клеветы и напраслин. Но в этом случае она утешала себя примером своей небесной покровительницы праведной Елисаветы и сродницы ее праведной Анны, переносивших клеветы и напраслины от злобных и грешных людей. Конечно, нелегко терпеть клевету и напраслину, даже святые и те иногда этим возмущались, тем более они язвительнее отражались на больном и скорбном сердце Августейшей Страдалицы, по наружному виду кажущейся редкой счастливницей. Неведомы сердечные тайны человека никому, кроме Бога, а потому легко люди в своих суждениях ошибаются.

Так шли скорбные дни за днями в богатых палатах и неведомо никому лились горькие слезы среди злата и серебра. А казалось взору людскому счастливым житие родной сестры царствующей Царицы и супруги Великого Князя, дяди Государя.

Не таковы отношения Господа Бога к таким великим людям, которые отмечены перстом Божиим и ведутся к высшей небесной славе, чрез горнило скорбей и страданий.

4-го февраля 1905 года супруг Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, Великий Князь Сергей Александрович бомбой, брошенной злыми людьми на стогнах Московского Кремля, был убит. Тяжело отразилась эта мученическая смерть на многоскорбном сердце Великой Княгини, нанеся новую тяжелую рану. Но она перенесла этот сильный удар судьбы с христианским мужеством и терпением. По ее просьбе Государь разрешил мученические останки ее Августейшего Супруга похоронить в склепе Московского Чудова монастыря, где была впоследствии ею устроена церковь во имя преподобного Сергия, ангела почившего.

Ее любящее сердце не только простило гнусного убийцу, но просило даже о его помиловании. На месте убийства она поставила деревянный крест с неугасимой лампадой и надписью: *«Отче! прости им; ибо не знают, что делают»* (Лк. 23, 34). Этими словами Спасителя Великая Княгиня невольно открыла свою тайную завесу душевную, где таилось то духовное

приобретение, от которого впоследствии изливались обильные струи дел любви и милосердия.

Она, испытываемая скорбями и бедствиями, не роптала на свою судьбу, а тем более на Бога, помня, что судьбы Божии всегда благие и премудрые, но часто непостижимые и сокровенные от испытываемых.

Она и в постигшем ее несчастии благодарила и славилла Бога, говоря с Иовом: *«Господь даде — Господь отъят; яко Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно»* (Иов. 1, 21). Она, как героиня духа, от великой печали не пришла в изнеможение, как бывает со многими женами. Она больше всего скорбела о внезапной смерти своего супруга, боясь за его загробную участь, но ее утешали духовные старцы, что он своею кровью омыл все свои ведомые и неведомые грехи и ошибки, ибо нет человека, который бы за время своей земной жизни в чем-либо не погрешил против Закона Божия. Его мученическая смерть явилась искупительной жертвой за ошибки и вместе с сим наградой за его добрые дела, которых он делал немало, а особенно для града Божия Иерусалима, где пострадал и воскрес Христос и Бог наш.

Утешала она себя словами Св. Иоанна Златоуста, которого любила читать и некоторые слова даже запоминать: *«Если ты оплакиваешь мужа, потому что остаешься без защиты и покровительства, то прибегни к общему для всех защитнику и Покровителю Всеблагому Богу — к защите необоримой, под кров постоянной всегда и везде о нас промышляющему»*. *«Если ты покоришься благоразумию и размыслишь о том, Кто взял его, и о том, что ты, перенося великодушно свое сиротство, приносишь свой разум в жертву Богу: то ты в состоянии будешь преодолеть скорбь свою; а за безропотное перенесение постигшей тебя скорби получишь от Бога блистательнейший венец»*. *«Рано или поздно ты увидишься с умершим, и тем радостнее будет свидание ваше, чем печальнее была разлука. И где увидите? — Там, где никогда уже не будет разлуки»*.

Бог действовал с избранницей Своей неисповедимыми путями Своего Промысла, попуская постепенно все большие и большие скорби, как сильной духом, могущей их понести, дабы умножились ей венцы и мздовоздаяния; ибо по числу искушений и скорбей умножаются и награды: *«нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас»*. (Рим. 8, 18).

Враг хотел привести ее к ропоту, внушая вероломные мысли: «Где же правда у Бога, когда люди праведные терпят бедствия, а злые и порочные благоденствуют?» Но она и на эту вражью преступную мысль нашла себе в ответ у Св. Иоанна Златоуста: «Как нет праведника, который бы не имел греха, так нет и грешника, который бы не имел хоть какого-нибудь добра. А как есть воздаяние за вся, то бывает, что грешник получает за добрые свои дела соответствующее воздаяние, как бы ни было маловажно его добро (т. е. в наслаждении временным счастьем на земле) и праведник воспримлет за грех свой соразмерное осуждение (т. е. перенесение временных скорбей и напастей) — хотя бы он сделал и не важное зло».

До смерти помнила она рассказанный ей в утешение поучительный пример воздаяния праведным и злым, как инок, пришедши из пустыни в город, увидел торжественные похороны грешного, злого и несправедливого властителя города. Он подумал: «За что такой честной смерти и погребения удостоился этот недостойный человек?» Смущенный, он возвратился в пустыню и был поражен недоумением о путях Промысла Божия, когда увидел своего благочестивого старца, растерзанного зверем. Хорошо зная святую жизнь своего старца, погибшего внезапной насильственной смертью, инок недоумевал и близок был к ропоту на Бога. Господь послал ему Ангела, открыть неведомую тайну Промысла Божия. «Властитель города, — сказал Ангел, — хотя был действительно человек порочной жизни, но у него было одно доброе дело, и он получил в награду себе честную смерть, затем его ожидает грозный суд Божий и осуждение за прочие несправедные его дела; святой старец подвергся скоростижной смерти за то, что он, как человек, имел один грех, заслуживавший наказания; благость Божия, в очищение за этот грех, и вменяет ему бедственную смерть, так что за этим временным бедствием он является пред лицом Божиим очищенным и оправданным».

При всем возвышенном настроении трагическая смерть ее Супруга сильно потрясла ее душевное состояние и она решила покончить с миром, посвятить остальные дни своей жизни на полное служение Богу и ближним. Хотя эта святая мысль первое время являлась ей еще в самой ранней юности, но житейские волны всячески тушили эту искру Божию. Наконец пришел решительный перелом. Великая Княгиня, надевшая черный траур, осталась в нем до конца жизни земной. Она теперь во всей

ясности поняла всю ложь, неправду и непостоянство суетного мира сего. Она часто говаривала: «Ныне трудно найти правду на земле, затопляемой все сильнее и сильнее греховными волнами; чтобы не разочароваться в жизни, надо правду искать на небе, куда она ушла от нас».

После долгих бессонных ночей и размышлений, по совету духовных старцев, она без душевного колебания решила раз навсегда покончить с жизнью мирской, избрав жизнь иную, жизнь самоотверженную, аскетическую с совокупным служением страждущему человечеству. Она желала не носить только одежду сестры любви и милосердия, но и на деле доказать святость этого звания.

Начала она с азбуки иноческой — смирения, послушания и отсечения своей воли. Она понимала, что благодать Божия есть живая и животворная сила, явно и влиятельно в нас действующая, которой не достигнешь одними наставлениями, без благочестивой жизни не открыть вход притокам ее.

Так действием благодати Божией и молитвами старцев Августейшая подвижница начала свой аскетический подвиг, строго содержа воздержание в пище, питии и сне.

Она особенно, с самого начала и до конца своей аскетической жизни, отличалась полным внешним и сердечным послушанием старцу, без благословения которого ничего не делала; за что и получила внутреннее утешение и мир в душе своей.

Постоянными местами ее [пребывания] стали: церковь, келлия и места страждущего человечества.

На этом не остановилось ее любящее сердце, она, по совету и благословию опытных в духовной жизни архипастырей-старцев, начала думать об устройстве обители, где бы можно совместить с аскетическими подвигами подвиги любви и милосердия.

У одного благочестивого человека, в Москве на Большой Ордынке, покупается дом с усадьбой, где и закипела работа создания тихой пристани среди бурного житейского моря. Составлен устав для будущей обители по примеру иноческих общежительных монастырей. Название получает этот новый маяк среди тьмы мирской: «Марфо-Мариинская обитель милосердия», дабы совместить подвиг Марии, сидящей у ног Спасителя, слушающей Божественные глаголы, так и Марфы, заботящейся по жизненному хозяйству.

Уходит великая женщина из богатого великокняжеского уюта в одинокую келлию, к неразвлекаемой молитве, к тишине

богослужений в темноте ночной, к вольной тяжелой и чистой жертве.

Из обычной усадьбы с домом начала вырастать целая обитель с разными благотворительными учреждениями. Все устроилось под личным наблюдением Великой Княгини; все планы на постройки составлялись ею. Можно сказать, что не было дерева, которое не было бы посажено по ее указанию, не было гвоздя, вбитого не по ее распоряжению. Благодать Святаго Духа со всех концов России, всякого звания и состояния собирала насельниц в юную святую обитель со строгим монастырским общежитием и уставом. Была создана домовая церковь и освящена во имя Святых жен Марфы и Марии; устроены корпуса для сестер, больница, амбулатория для приходящих больных, бесплатная аптека, приют с училищем для неприютных девочек-сирот, рукодельные мастерские.

Великая Княгиня и несколько сестер за всенощным бдением после великого славословия принимают в храме звание крестовых сестер любви и милосердия, дают обет проводить девственную жизнь по примеру иноческому; за Литургией на них возлагаются Высокопреосвященнейшим Митрополитом Московским Владимиром нагрудные кипарисовые кресты и знаки иноческого одеяния. Одновременно с сим Великая Княгиня Архипастырем возводится в сан настоятельницы ею созданной обители.

Вскоре было приступлено к постройке в древнем стиле собора, который освящен в 1912 году, где выстроен склеп для Августейшей Настоятельницы, любимое место, куда она ходила размышлять о смертном часе и исходе отсюда в загробную жизнь. Одного она желала и просила у Бога — быть не только духом в любимой своей обители, но и своими костями. Этот скромный склеп ждет не дождется мученических останков своей хозяйки-строительницы, освятившей его своими слезами. Вел. Княгиня не ограничивалась расходом своих средств на свою обитель, но она благотворила всем, кто к ней обращался, и сама находила бедных сирот, не могущих до нее дойти. Какой сельский батюшка, задумавший строить церковь или приют, уходит от ее щедрой руки без помощи; какой труженик труда непросветного, многими забытый современный апостол-миссионер не был обласкан и ободрен в своем трудном деле; кто, обиженный и обездоленный, не был успокоен и утешен? Все шло к ней, как к родной матери, черпали утешение, ободрение и помощь моральную и материальную? Пишущий эти строки сам испытал

теплоту этой редкой доброй материнской любви и заботы, особенно за время минувшей войны; измученный, обезсиленный духом, приезжал к Великой матушке любви, и, отдохнув духом, вновь бодро шел на свои труды. Если забуду эту материнскую ласку и любовь, то буди забвена десница моя.

Августейшая Матушка настоятельница стремилась к достижению живого монашества, ибо полагала, что никакие монашеские обеты и правила не помешают любить ближнего, как самого себя, служить болящим, призывать сырых и убогих, питать нищих, учить науке вечного живота. Она учредила у себя в обители общежитие, где больше можно достигнуть, как в деле своего духовного совершенствования, так и помочь другим. По ее взгляду обитель иноческая есть духовная крепость и душевная врачевница, почему она почти не прибегала к средству удаления из обители, старалась уврачевать, умело применять к делу способности каждой, жить с сестрами одною жизнью, знать их душу, чтобы правильно врачевать.

Сама Великая Княгиня помещалась в скромной келлии, как рядовая сестра, за исключением приемной и молитвенной комнат. Она чутко прислушивалась к голосу своего сердца и всюду шла на помощь в несчастии, горе и нужде. У нее была одна мысль, одно горячее желание послужить людям в несчастии, помочь и утешить в страданиях. Всю душу вложила Великая Княгиня в свое святое дело помощи больным; сама, как рядовая сестра, ухаживала за больными, отдавая этому делу все свои силы, с полным самоотвержением забывая о себе, нередко проводя целые ночи около больных. С одинаковым материнским участием относилась она и к больным врагам, видя в них только страдающих людей. Ее ласка и забота трогала даже грубые сердца людские. Да иначе и не могло быть с той, которая отказалась от всех радостей жизни и всецело посвятила себя делам милосердия. Тысячи страдальцев молились за нее и благословляли ее имя калёки; больные женщины и дети испытали на себе, как велика была ее любовь к ближнему, как высоко ее христианское милосердие. Немало приходилось ей даже слышать упреков и нареканий от людей, любящих только себя. Сердце этой доброй женщины обливалось кровью при виде ужасов несчастия, когда она сама непосредственно тайно подходила к нему. Будет время, когда талантливые поэты воспоют в стихах ее возвышенную душу, ее светлые подвиги, не только аскетические, но любви и милосердия. Эти прекрасные возвышенные дела ее,

эта жертва, как жертва, приносимая на алтарь любви, никогда не изгладятся из памяти благородного человечества, которое будет благословлять ее, как Великую жену любви.

Приведу хотя один из многих примеров, как эта Великая женщина относилась к больным.

Привезли в ее больницу жену одного из фабричных рабочих, человека совершенно неверующего и враждебно настроенного вообще к Царствующему Дому, в частности и к Великой Княгине, наслушавшись лживых слухов о ней, как женщине самолюбивой, заботящейся только о самой себе.

Больная, как бедная женщина, была принята в больницу обители, где пользовалась уходом в числе прочих больных самой Августейшей сестрой милосердия. Муж навещал свою больную жену и нередко бывал около нее часами, а когда она была тяжело больна, то иногда находился и до поздних часов ночи. При своих посещениях он увидел совершенно иное, чем ему говорили злые языки.

Он особенно обратил свое внимание на одну сестру, которая с сострадательным материнским участливым вниманием относилась к больным и к его тяжело больной жене.

То она поправит подушку, то подаст воды, то погладит голову и руки, то подаст лекарство, какие-либо лакомства, то сядет к больной на кровать и ласковым словом ободряет больную в терпении.

Тяжко больным предлагает исповедоваться и приобщиться; так было предложено и его жене, которая изъявила свое согласие. Но видимо болезнь его жены была роковая и ей суждено [было] Богом перейти в загробную жизнь.

Около умирающей неотлучно всю ночь находится эта сестра, на которую обратил свое особое внимание неверующий муж умирающей, оказывая ей самое нежное внимание, стараясь всячески облегчить ее предсмертные страдания. На руках сестры умирает больная. Затем эта же сестра, при помощи пришедших сестер, обмывает умершую, одевает и служитя первая панихида о упокоении новопреставленной. Все это так поразило мужа умершей, что невольно его грубое сердце растопилось как воск, глаза, с детства не плакавшие, выронили слезу. Ему казалось, что родная мать не могла оказать такое внимание к его жене, какое оказала эта особенная сестра. Он спросил: как зовут эту сестру и, когда ему сказали, что это Великая Княгиня, то он не выдержал, зарыдал, как дитя...

Он подходит к Августейшей сестре милосердия, просит прощение, что заочно ее поносил и унижал, будучи врагом; он теперь только понял, как ошибался в своих убеждениях и легко верил злостной вероломной клевете.

Ласковое обращение с ним Великой Княгини и полное прощение еще более растрогали его и он с этого момента стал верующим человеком. Все, кто имел хотя бы короткое общение с этой женщиной любви, никогда не забудут ее; когда больные уходили из ее больницы, [то] буквально плакали, жаль было им расставаться с Великой матушкой, как ее они называли. А она всегда со смирением говорила: «Какие добрые люди. За что к нам так люди скоро привыкают, мы же грубы и не внимательны к ним, а они-то по своей доброте хорошего мнения о нас?»

Смирение ее было удивительное. Она без совета старцев и своего постоянного духовника протоиерея Митрофана Серебрянского, как говорится, шагу не ступала. Когда узнает, что своим каким-нибудь поступком, соблазнила или оскорбила кого, то не замедлит извиниться и испросить прощение. Лично для себя Великая Княгиня не требовала услуг, сама все делала для себя, была не белоручка, а с детства приученной к труду и всякой женской работе. При ней была келейницей крестовая сестра Варвара Яковлева, редкая по скромности и послушанию, которая несла и другие послушания. Вообще, Великая Княгиня всеми силами старалась идти впереди сестер обители в их общем деле, делая все, как рядовая сестра, оставляя по себе глубокие следы в своих великих делах. При одном воспоминании знающих о ней, наполняет душу религиозным благоговением пред ее подвижнической жизнью, пред ее великими думами, ее великого любящего сердца. Насельницы обители без слез не могут вспомнить о своей Великой матушке, ласковее которой и добрее им не приходилось еще встречать никого за всю свою жизнь.

Помимо всего этого она несла строгий пост и молитвенные подвиги. Пищу употребляла все время постную, растительную и очень редко молочное. Предавалась сну на самое короткое время, не более четырех часов в сутки. Посещала все церковные богослужения в своей обители, а нередко еще рано утром посещала богослужения в обителях Москвы и большом Успенском Соборе в Кремле. Обращено было внимание ею и на совершенно опустившихся людей, бродящих на Хитровом рынке, а также на мальчиков и девочек, случаями судьбы заброшенных в плохую среду, откуда она их чрез особо назначенных сестер извлекала,

устраивала или отправляла на родину к родителям и родным. Сколько чрез ее посредство устроилось на службу людей всякого звания и состояния. Безсильно мое перо перечислить все дела ее, ибо она любила делать так, чтобы не знала левая рука, что делает правая.

Ежегодно Великая Княгиня путешествовала, как рядовая паломница на богомолье в монастыри, пользующиеся известностью в духовной жизни, даже далекие, как Соловки и Пермские обители. В Пермской епархии, в память ее посещения в 1914 году, создан в центре раскола Елисаветинский женский скит. Присутствовала она и на всех духовных торжествах — открытии Св. мощей угодников Божиих, начиная с Сарова, включительно до Тамбова. Писателю сих строк приходилось лично видеть ее тайные подвиги на этих торжествах, как она в одежде простой сестры ночами ухаживала за больными и приводила их к мощам новоявленных угодников Божиих.

Объявление войны застало Великую Княгиню неожиданно, ибо она в это время была в обителях Пермской епархии. Помню хорошо, как во время нашей духовной беседы в Серафимово-Алексеевском ските, была получена ею телеграмма от Августейшей Сестры Государыни Императрицы, которая просила молить, ибо надвигалась кровавая гроза. Прочитав телеграмму, Ее Высочество побледнела и несколько минут не могла ничего сказать. На мой вопрос: что случилось? Она сказала: «Сестра просит молиться, чтобы Бог отвел войну, ибо войну желают враги России, желая гибели ей», — и слезы полились из ее глаз. Ее чуткое пронзительное сердце чувствовало, что втягивали Россию в войну не доброжелатели, а враги и она не ошиблась. Последствия войны доказали правильность ее сердечного предчувствия. Затем она поехала в Верхотурье, на поклонение мощам св. праведного Симеона, где и застало ее начало войны. В Верхотурье Великая Княгиня говела и приобщалась Святых Христовых Таин.

Во время войны труды и подвиги ее умножились, ибо помню всех своих дел она принимала самое живое участие по лечению раненых воинов. Ежедневно посещала лазареты, утешала своим вниманием воинов, наделяя их нательными образками, а также посылала подарки. Первое время посещала она раненых и противной стороны, видя в них только страдающих людей, помня завет Христа: посещать больных; но когда услыхала вероломные выпады подлинных врагов России, то,

чтобы не подавать соблазн, уже не посещала лазареты с ранеными противной стороны. Тяжело было ее любящему сердцу слышать гнусную клевету, что якобы она неприятельским раненым воинам при посещении давала по рублю, а русским по разку. Она лично мне об этом говорила, глубоко скорбела о коварстве клеветников. Ни одного рубля она не давала раненым противной стороны, а посещала их, считая страждущими людьми, ибо лежачего, обезоруженного и раненого не бьют. Поступала она совершенно правильно по завету Христа Жизнодавца. Но коварно-вероломная злоба потерявших совесть людей всегда старается грязнить, порочить кристально чистых людей; сваливать с своей большой головы на здоровую. Знаю из неоднократных долгих бесед за время войны, как она любила Россию и как скорбела о ее гибели, к которой вели те, кто руководит мировой политикой, заливая землю кровью и слезами... Помню, как я приезжал с фронта к шестому августа 1915 года в Москву и к Рождеству Христову 1916 года, проводя эти праздники в ее обители, при духовном разговоре касался и войны. Она мне говорила, что Государь войны не желал, война вспыхнула вопреки его воле, как вспыхивает пожар вопреки хозяину дома. Винила она возгордившегося Императора Вильгельма, что он послушался тайного внушения мировых врагов, потрясающих основы мира своим вероломным тайным действием, нарушил завет Фридриха Великого и Бисмарка, которые просили жить в мире и дружбе с Россией, ибо война приведет к гибели и ту и другую. Так думали все великие люди, любящие родину, желающие ей истинного блага, а не призрачного.

Покойный П. А. Столыпин прозревал это своим мудрым умом и просил своего ставленника министра иностранных дел Сазонова принять все меры [для] недопущения войны с Германией, а он воли его не исполнил. Результаты всего на лицо... Сказано в Евангелии: «*ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы известно*» (Мф. 10, 16). В свое время правда выйдет наружу и укажет подлинных виновников мировой войны и тех бедствий, которые постигли Россию.

Напрасно говорили вероломные враги России, что Великая Княгиня сочувственно относилась к Германии; она жалела Россию, ибо ясно понимала и видела, что война была нужна не России, а врагам России. Мое слово, сказанное шестого августа за Литургией, в храме ее обители, по поводу наших неудач

на фронте, в ее присутствии, говорит за то, как она любила Россию и скорбела о ее неудачах. Это же слово по ее желанию было тотчас же напечатано в одном журнале.

Покойная была умудрена настолько, что редко ошибалась в людях. Она глубоко скорбела, что епископ Феофан, будучи духовником и духовным руководителем Государыни, верил Григорию Распутину и представил его, как редкого в наше время подвижника-прозорливца.

По ее мнению, он была в прелести, думая, что делает добро, а на самом деле — делал зло тем, что давал повод врагам чрез его голову бросать грязь на Царя и его кристально чистую, Святую Семью. Пред Государем и Государыней она благоговела, зная их безукоризненно чистую семейную жизнь. По ее словам, Государыня особенно отличалась своею редкою в наше время, глубокой религиозностью, будучи строгой подвижницей среди мира в семейной жизни. Одна была ошибка Государыни, что она верила в Григория как истинного молитвенника и провидца и в этом больше виноват епископ Феофан, который представил и рекомендовал его как такового, ибо людям с сильной волей, с глубокой религиозностью, но не имеющим духовного прозрения, трудно разочаровываться в людях. Мы знаем, как Великий Вселенский учитель Григорий Богослов, человек, имеющий дар духовной прозорливости, держал у себя в числе самого приближенного человека, который впоследствии сделался главным его врагом. Когда его спросили: почему он его держал около себя? — он ответил: что же поделаю, когда Бог не открыл об этом.

Сколько бы Григорий и другие подобные ему люди ни добились приема у Великой Княгини, она в этом отношении была тверда, как алмаз, — ни разу никого из таких не принимала. Ее двери были открыты для истинных смиренных, духовно настроенных рабов Божиих, но закрыты для прельщенных мнимых и гордых самозванцев.

Последний раз мне пришлось видеться с Ее Высочеством после переворота, в начале 1917 года; так повлияло на ее любящее сердце это событие, что она сильно похудела и постарела за несколько недель.

Душа ее настолько была потрясена, что она без слез не могла говорить. Она чувствовала всю будущую гибельную трагедию России и плакала, горько плакала за Россию, которую так любила, как любила ее бабушка Императрица Мария Александровна:

заболев, будучи за границей, просила немедленно ее больную везти в Россию — сказав, что она после Бога больше всего любить Россию.

А что она любила Россию не притворно, то об этом яснее слов говорит то, что за тридцатипятилетнее пребывание в России, [она], кажется, ни разу не бывала в Германии, а также [то, что] не только все свое состояние, [она] даже продала свой родовой дворец в Петрограде, обратив его на благотворительные дела, но и жизнь свою отдала ни кому другому, как русскому народу.

Скорбела она и о многострадальных истинных печальниках о России, Царе и его Семье, при воспоминании о них слезы лились из ее очей в буквальном смысле ручьем.

За себя она не боялась, ибо смерти не страшилась. Ей предлагали поехать за границу, но она решительно отвергла предложение.

Рассказывала мне, как в начале переворота явились люди во главе с каким-то студентом арестовать ее, когда она шла в храм на молитву, но Бог не допустил. Она, бедная, чувствовала душой, что ждет ее трагическая кончина и высказывала свое единственное желание — быть верной Христу до последнего момента земной жизни и быть своими костями в своей родной, ею созданной обители. Больше ничего она не желала от Господа Бога, ибо видела всю ложь и лезть современного грешного мира.

На третий день Святой Пасхи, когда празднуется в честь Иверской иконы Божией Матери, Святейший Патриарх Московский Тихон служил Божественную литургию в Иверском храме, стоящем против Марфо-Мариинской обители, где молилась и Великая Княгиня.

После Литургии Святейший Патриарх посетил Святую обитель любви и милосердия, служил молебен, ободрял в скорбях Августейшую настоятельницу и сестер, обещал со своей стороны отеческое попечение и защиту. Пробыл Его Святейшество в обители до 4-го часа дня, ведя себя как чадолюбивый отец среди скорбных детей.

Все сестры ободрились — забыв на время свои скорби и не ожидая грозной бури. Проводив Патриарха, духовно ободренные, как пчелки, ютились около своей любимой Матки, не думая, что они ее видят последний раз. Только сама Великая Княгиня, хотя показывала бодрый вид, но на душе у нее что-то

было тяжелое; она ждала что-то неожиданное, как бывает после тихой жаркой погоды с раскатами грома гроза. Чувствительное сердце ее не ошиблось, оно как барометр предвещало великую и грозную бурю.

Проходит полчаса после отъезда Патриарха, неожиданно являются в обитель кровожадные и безсердечные красные ястребы, без спроса и доклада проходят в приемную комнату Великой Княгини, где она была среди сестер, грубо приказывают немедленно одеваться и ехать с ними на вокзал. Духовная радость превратилась в горький плач, все растерялись, окружили Великую Княгиню, ухватились за нее и горько рыдали, как беззащитные птенцы, желая спасти свою голубицу. Они сразу все почувствовали, что везут их горячо любимую Мать на терзание, мучение и заклание. Картина была настолько трогательна и умилительна, что, кажется, могла смягчить железное сердце, но сынов дьявола это еще больше раздражало и они своей грубой силой, с жестокими побоями, оторвали от своей Матки цыпляток и через пять минут уже тащили свою похищенную жертву. Так поступили коварно-вероломные мнимые благодетели народа с той Женщиной любви, какими дарит нас Господь Бог не годами, а веками.

Всю ночь в обители был непрерывный плач, стон и горячая молитва. Но Великая жена, героиня богатырского духа не растерялась; хотя ей не дали проститься с сестрами, сказать им последнее слово наставления и последнее прости, она, идя как агница на заклание, всех плачущих сестер вообще оградила крестным знаменем, благословила своим последним материнским благословением, тихо проливая слезы — простилась навсегда с своей любимой обителью, где так много трудилась, много пережила, много перечувствовала.

Всю ночь она в вагоне не спала, ей представлялись те милые плачущие лица ее осиротевших цыпляток, потерявших крылышко защиты. С пути она написала сестрам весьма трогательное письмо, которое писано было, как говорится, не чернилами, а слезами. Без слез нельзя его читать. Письмо писано чрез шесть часов после отъезда из Москвы, положено было в пути в почтовый ящик. В нем она пишет, что не может забыть вчерашнего дня, особенно плачущих своих духовных деточек. Затем всех ободряет и умоляет безропотно нести ниспосланное испытание, которое не без воли Божией ниспослано нам.

Мать Божия знает, почему в Ее день праздника Ее Божественный Сын послал нам испытание. Просила не роптать, ибо кто безропотно переносит тяжкие скорби, то подвиг его делается равным подвигу мученическому. В письме просила епископа Тихона взять под свое крылышко осиротевших ее цыпляток. В заключение письма писала: милые мои деточки, ради Жизнодавца Христа, принявшего за нас крестную смерть, не падайте духом и не ослабляйте своих трудов и подвигов. Все Святые шли к Богу тернистым скорбным путем и мы, подражая им, в скорби будем взывать с св. Иоанном Златоустом: «*Слава Богу за все*». За себя просила не беспокоиться, ибо она, по милости Божией, бодрости духа не теряет, всецело, как дитя, предается в волю Божию. В письме также писала, что стакан чайный купили на станции Троицко-Сергиевой Лавры, а чайник им дали добрые люди.

Жалею, что не имею возможности привести подлинного текста письма, за неимением его в настоящее время при себе.

С Великой Княгиней поехали две сестры — Варвара и Екатерина.

По пути была остановка в городе Екатеринбурге, где пришлось Великой узнице пробыть под строгим надзором несколько дней, а затем из Екатеринбурга она была отправлена в заштатный город Алапаевск, где заключили ее с сестрами в приготовленном Напольном училище. Сюда же привезли арестованных Великого Князя Сергея Михайловича², Князей: Иоанна Константиновича³, с супругой Еленой Петровной⁴, с детьми Всеволодом⁵ и Екатериной⁶, Константина Константиновича⁷, Игоря Константиновича⁸, графа Владимира Павловича Палей⁹, управляющего Двором Великого Князя Сергея Михайловича, Федора Семеновича Ремеза¹⁰, — заключив вместе в школе.

Жизнь Узников первое время проходила хотя под строгим караулом красноармейцев, но давали им возможность ходить по праздникам в церковь и работать в школьном саду, который они за месяц разработали так, что сами враги их пришли в удивление.

Временами давали возможность под стражей гулять и даже разговаривать с посторонними. С посторонними они говорили мало, только отвечали на вопросы, с благородной вежливостью, ведя себя мужественно, не показывая виду своей сердечной боли.

Проводили жизнь в строгом подвижническом и молитвенном духе. Утром и вечером долго молились, а Великая Княгиня

большее время ночи проводила на молитве. Полуночный час всегда заставал ее на молитве.

Великий Князь Сергей Михайлович, младший сын Великого Князя Михаила Николаевича, Брата Царя-Освободителя Александра Николаевича, родился 25 сентября 1869 года. Имя носил преподобного Сергия Радонежского, печальника и молитвенника Русской земли.

С детских лет он любил труд и занятие, а за время путешествия по России с Отцом познакомился с нуждою простых людей и всей душой любил русский народ. Стоя на высоком служебном посту генерал-инспектора артиллерии, в чине генерал-адъютанта; он всегда всех приходящих к нему принимал, внимательно выслушивал, делая возможное просителям. Он особенно отличался среди главноначальствующих своей простотой и искренним ласковым обращением. Припоминаю, как мне лично пришлось быть в 1910 году, по народному делу, у Великого Князя и по этому же делу у военного министра Сухомятина.

Великий Князь принял меня немедленно, в тот же день, как я прибыл в Петроград и обошелся так, как обходится любящий родной отец, а к Сухомятину я с трудом пробился через неделю, получив сухой, надменный и безрезультатный пустой разговор. Доступ до Великого Князя был открыт для всех, начиная от простого крестьянина до высокого сановника. Он был верным, искренним и преданным слугой Царю и родине до конца.

Три родные брата Князя Иоанн, Константин и Игорь, — дети Великого Князя Константина Константиновича, сына Великого Князя Константина Николаевича¹¹, ревностного поборника освобождения крестьян от крепостной зависимости и Матери — бывшей Принцессы Саксен-Альтенбургской, ныне Великой Княгини Елисаветы Мавриковны¹². Это дети известного ученому миру Августейшего поэта, президента Императорской Академии Наук, генерал-инспектора военно-учебных заведений. Это дети того Отца-поэта, вдохновенные строки которого любила и знала вся родная Православная Русь, написавшего в одном из своих стихотворений:

*Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что Царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь;*

*Но тем, что песни русские родные
Я буду петь немолчно до конца
И что во славу матушки России
Священный подвиг совершу певца.*

Это Дети того Великого государственного мужа, высокие и многообразные дарования [которого] ознаменовали его деятельность выдающимися заслугами в самых разнообразных отраслях государственной и общественной жизни. Это братья того великого современного Августейшего героя, павшего на ратном поле в бою, юного доблестного витязя, Князя Олега Константиновича¹³, жизнь которого оплакивали вся Россия и армия.

Благодарный Князь Иоанн Константинович родился 23 июня 1886 года, нося имя святого Иоанна Крестителя, пострадавшего за правду Божию и кончившего жизнь темницей и мученической смертью, женат на дочери Сербского Короля Елене Петровне. У них дети: Всеволод Иоаннович, родился 7-го января 1914 года и Екатерина Иоанновна, родилась 12 июля 1915 года. Покойный отличался редкостным духовно-религиозным настроением и сострадательностью к несчастным, обездоленным судьбой. Он был близок душевно всем, знатным и простым, трогательно чуток и прост к солдатам и тем людям, которые сделали жертвой суровой судьбы. Он помнил завет своего Отца: «Не изменяй высокому призванью и сей добро на родине своей». В часы тяжелого изгнания он утешал себя словами своего Отца-поэта: «Блажен, кто улыбается, кто с радостным лицом несет свой крест безропотно»...

На всех исторических духовных торжествах Князь Иоанн Константинович был представителем Государя Императора. По духу своей религиозной жизни он был близок к Великой Княгине Елисавете Феодоровне, с которой проводил многие часы в беседах по религиозно-нравственным вопросам. Хотя он был среди семьи родной, но и среди семейной обстановки являлся подвижником молитв, любви и чистых вдохновений, живя не для житейских, сумрачных мгновений, но для вечности святой — оставя завет родным: правду, добро, любовь и человечность.

Князь Константин Константинович родился 20 декабря 1890 года, тезоименитство 21-го мая. Он был весьма скромным офицером Лейб-гвардии Измайловского полка, любимым

офицерами и солдатами, вместе с сим был храбрым воином, отличившимся в минувшую войну. Мне лично приходилось видеть его в окопах среди солдат во время опасности для жизни.

Князь Игорь Константинович родился 29 мая 1894 года, тезоименитство 5-го июня. И этот Мученик долга был достойным сыном Великого отца. Вообще все почившие три Брата, помимо верности гражданскому долгу, были верными и долгу христианскому.

Граф Владимир Павлович Палей был сыном Великого Князя Павла Александровича, от второго мorganатического, но церковно-законного брака с графиней Палей.

Он был юным 18-летним мальчиком, расцветшим, как цветок, и быстро поблекшим. Его высокий статный рост, красивые задумчивые голубые глаза, детская простота, с редкой мягкостью душевной, невольно заставляли его любить и уважать.

Крестовая сестра Марфо-Мариинской обители любви и милосердия Варвара Яковлева была из числа первоначальниц обители и верной исполнительницей всех традиций обители. Хотя она была самым близким человеком к Великой Княгине, но этим не гордилась, была как рядовая сестра всем доступна, ласкова и обходительна. Никто лихом ее не помянет. Осталась верной своей Великой матушке до конца и добровольно пошла на страдание и смерть, исполнив завет Христа: *«Нет больше любви, да кто душу свою положит за други своя»* (Ин. 15, 13).

Болярин Федор Семенович Ремез, состоя управляющим Двором Великого Князя Сергея Михайловича, оставался верным своему хозяину даже до смерти мучительной. Он своим примером показал, как надо служить и быть верным до гроба своим благодетелям. Не напрасно сказано: в скорби познаются истинные друзья.

Вот краткие биографические строки о почивших.

Май месяц Царственные Узники провели сравнительно сносно, хотя испытывали немало обид и оскорблений от своих вероломных угнетателей. В июне режим стал еще суровее. Помимо лишения полной свободы, были отобраны имеющиеся деньги, золотые и серебряные вещи, вообще все, что получше, была оставлена самая плохая одежда и перемена белья. Пища давалась самая плохая и в ограниченном количестве. Один Бог ведает, что они, бедные Страдальцы, перенесли, перестрадали и передумали за эти роковые дни в кровавом Алапаевске.

В последних числах июня по старому стилю от Великой Княгини были взяты сестра Варвара и Екатерина, увезены в Екатеринбург. Трогательно было прощание их с Великой своей матушкой, все трое плакали, как малые дети. Умоляли оставить их при Великой Княгине до конца, но слезы и просьбы умолить жестокие сердца были бессильны. Великая Княгиня осталась одинокой, без преданных своих келейниц. Как ни крепилась она, но временами не выдерживала, плакала перед иконой Богоматери, как малое дитя. Она теперь ясно видела, к чему все идет. Как бы духовно ни была [она] настроена, но была человеком во плоти, у которого дух бодр, но плоть немощна. Только невидимо Божественная благодать поддерживала ее и укрепляла в трудные минуты душевных и телесных страданий.

Когда сестер Варвару и Екатерину привезли в Екатеринбург, представили областному совету, то они начали со слезами умолять своих временных властителей вернуть их к Великой Княгине, ибо они не желают идти на свободу, оставив свою Духовную мать одинокой в тяжелом заточении.

Но в просьбе им было грубо отказано. Сестры становились на колени, вновь неотступно умоляли уважить их просьбу. Наконец, желая запугать их своим жестоким ответом, дабы этим охладить их пылкое желание, они говорят: одну из вас, постарше, возвратим в Алапаевск при условии, если даст нам подписку вместе со своей Настоятельницей мучиться и умереть; предупреждаем, что страдание и мучение будет такое жестокое, какого еще не видали люди. Так как Варвара была старше и самая близкая келейница Великой Княгини, [то она] не растерялась, смело ответила: согласна дать подписку, просимую вами, не только чернилами, но, если нужно, собственной кровью. Такой ответ привел в замешательство грубых людей, а гордость их вынудила выполнить сказанное слово. Они никогда не думали, что эта слабая девица, вместо свободы, добровольно пойдет на страдание и смерть.

Эту героиню духа, сестру Варвару приказали возвратить в Алапаевск в заточение, а сестру Екатерину отпустили на свободу; [хотя она] со слезами умоляла вместо свободы отправить и ее в заточение вместе с Варварой, но безуспешно.

По приезде в Алапаевск сколько было радости при свидании с своей верной духовной дочкой. Не успели порадоваться Узники, как получили новый толчок неумолимой судьбы. 1 июля увозят жену Князя Иоанна Константиновича, Княгиню Елену Петровну с детьми.

Ни слезы Матери, ни слезы детей не умолили безсердечных людей не разлучать Мужа с Женой, Отца с детьми. Они были увезены в Пермь, где несколько времени находились в тюрьме, [но потом,] по требованию иностранных правительств, были отправлены из Перми в Москву, а затем в Сербию.

После этого тяжелого удара судьбы Августейшие Узники сразу поняли, что их ждет в недалеком будущем. Они сознательно готовились к смерти, молились и просили Бога укрепить их в страдании. Теперь ни о чем земном, кроме милых родных, они не думали, размышляя о смерти, переходе чрез мытарства, страшном суде, вечных муках и вечной радости в обителях небесных. Высказывали они неоднократно в своей беседе желание, чтобы их грешные кости Бог сохранил от поругания на радость и утешение родным и дорогим сердцу людям, которые будут помнить о них. Просили друг друга умолять Бога о сем, ибо чувствовали, что с ним поступят жестоко и постараются скрыть следы своего преступления.

Пишут письма и записки с своими последними заветами, кладут их в ладонки, надевают на шею вместе с нательными Крестами, с надеждой, что чрез них родные узнают об их предсмертных заветах.

Обливаясь слезами, писал письмо своей горячо любимой Супруге с малыми детками и Князь Иоанн Константинович.

Скорбели они за Россию, терзаемую смутами, междоусобиями, своими предателями и чужими иноземными, погибающую без Государя и правительства, верующего в вековые устои и преданного Святой вере предков. Они чувствовали, что только Недремлющее Око, с высоты Престола, могло следить за сокровенными поступками криводушного судьи, за самоуправством правителя, за развратом мотов, за жестокосердием грубых людей. Их души чувствовали и видели признак последних времен, все на земле понсшаталось, клятвопреступничество одобрялось, живые вести неба не признавались.

3 июля убирают от узников живших с ними людей, ставят усиленный караул. План кровавого жестокого преступления вероломными заклятыми врагами разработан до мельчайших деталей не в Алапаевске. В основу его положено: жестокая мучительная смерть и сокрытие преступления.

В ночь на 5 июля 1918 года по старому стилю, в память преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, кровавый коварный план приводится в исполнение. Симулируется тревога, убиваются два невинных человека, якобы убитых белогвардейцами,

украденными Великих Князей. Но на самом деле совершенно небывалое в истории народов жестокое злодеяние. Привозят Царственных Страдальцев к угольной шахте (яме) глубиною более 20 сажен и живыми бросают одного за другим в шахту. Это такой ужас, такая жестокость, такое злодеяние, что от одного воспоминания сердце обливается кровью и душа просит молитв за Страдальцев, а язык невольно произносит проклятие, этим извергам рода человеческого. Эта проклятая шахта будет вечным свидетелем жестокости убийц.

Бог услышал молитву Страдальцев и Сам непостижимыми судьбами раскрыл это небывалое преступление. Не раньше, не позже оказался вблизи этой роковой шахты на отдыхе ночном благочестивый местный крестьянин.

Слышит вдали какой-то шум, встает, прислушивается; приближаются какие-то люди; узнает Царственных Узников, которые, окруженные красноармейцами, поя духовные песнопения, идут на смерть. Видел он, как Великой Княгине Елисавете Феодоровне завязывали глаза, затем подвели к шахте и живую с размаху бросили, а она успела еще сказать: *«Господи, прости им, не ведают они, что делают»*. Притаившись, затаив дыхание, мужичок видел, как и остальных живыми бросали в шахту с незавязанными глазами, ругаясь площадною бранью, с адским сатанинским смехом. Затем в шахту было брошено несколько гранат, которые разрывами засыпали таковую.

Совершив кровавое сатанинское дело, красные палачи, с циничным смехом, ушли от шахты. Мужичок более суток был на своем месте, боясь выйти, думая, что шахта кругом оцеплена караулом. Он слышал в шахте глухие непонятные голоса страстотерпцев Христовых. Одни сразу убились, а другие расшиблись сильно, но не убились, испытывали страшные муки и страдания от боли, голода, пребывание с мертвыми в непроницаемой тьме утробы земли. Кто в силах передать эти страдания и муки словом и описать пером. Как показало впоследствии медицинское вскрытие, некоторые жили [еще] несколько дней, страшно мучились, ибо в гортани была земля, что свидетельствовало о их голоде, муках и голодной мучительной смерти.

Злоба представителей ада торжествовала. Во всех газетах оповестили, что Великих Князей белые бандиты украли и увезли.

Проходят три месяца и эта гнусная ложь подлинных уголовных бандитов раскрывается.

В начале октября по новому стилю отряд народной правительственной армии занимает гор. Алапаевск. Началось чрезвычайное следствие о зверствах, совершенных красными. Видевший кошмарное кровавое дело, совершенное в ночь на 5 июля, сообщил властям. Началось следственное дело. Приступили к раскопке шахты, из которой 9 октября извлекли первым Федора Семеновича Ремеза, второй Варвару Яковлеву и третьим графа Владимира Павловича Палей; 10 октября извлекли Великого Князя Сергея Михайловича, Князей Игоря Константиновича, Константина Константиновича, а 11 октября Князя Иоанна Константиновича и Великую Княгиню Елисавету Феодоровну. Всех Мучеников близко знавшие их узнали и никому в голову не приходило какого-либо сомнения, ибо наружный вид не разложившихся тел убитых яснее слов свидетелей и вещественных доказательств раскрывал преступление врагов человечества.

Почившие были в своих одеждах, в которых они были в зачтении и при них оказались их личные документы, дневники, записки и письма с последними завещаниями. Найдено между прочим при Князе Иоанне Константиновиче письмо с последним прощальным заветом к жене и детям. Все эти предсмертные строки говорили о том, как возвышенно были настроены эти современные Великие мученики христианского долга.

После следствия и медицинского осмотра тела Царственных Мучеников были обмыты и одеты в чистое, но убогое (за неимением одеяния по чину каждого почившего, они были одеты в убогие белые саваны, как бедные смиренные рабы Христовы) погребальное одеяние; затем положены в сделанные деревянные простые гробы, внутри с футлярами из кровельного железа и поставлены в кладбищенскую церковь, где совершались панихиды и неусыпное чтение псалтири.

Вечером 18 октября собором духовенства в числе 13 протоиереев и священников была отслужена заупокойная всенощная. Народу было так много, что не только заполнен был храм, но и вся окружающая площадь храма. Утром 19 октября из Свято-Троицкого собора пришли крестным ходом в кладбищенскую церковь, где отслужили панихиду, и с пением «Святой Боже» гробы понесли в собор, где была совершена заупокойная Литургия, а после таковой отпевание мученически пострадавших Августейших Страстотерпцев.

На отпевании было еще больше народу, ибо собрались люди не только Алапаевска, но и из окрестных деревень. Многие

плакали навзрыд. Тут была и одна особа из близких к Великой Княгине, тайно следившая за всеми жизненными этапами своей любимой Великой Страстотерпицы.

После отпевания певчие пели трогательные стихиры святого Иоанна Дамаскина, народ прощался с Мучениками, а после прощания гробы были взяты на руки и при пении многолюдного хора «Святой Боже», похоронном перезвоне колоколов и духовной военной музыке «Коль Славен» были перенесены в каменный склеп, по правую сторону алтаря собора, где были поставлены и вход в склеп заложен кирпичом.

Так кончили жизнью земную люди, которые стремились делать только добро всем: и своим, и чужим.

Такова судьба людей, верных завету Христа; по Его примеру пострадавших за правду.

По слову Евангелия, блаженны они, когда возненавидели их люди греха и беззакония, отлучили от родных, поносили, унижали, безчестили, отныне они возрадуются и возвеселятся, ибо велика им награда на небесах (Лк. 6, 22-23). Они отвергли идеи несправедливого мира, взяли крест свой и до конца следовали за Христом, потеряв земную жизнь, приобрели вечную, небесную жизнь, где уже нет злобы, дышится воздухом любви.

Погибнет память гнусных убийц, не то будет с людьми, мученически кончившими жизнь. Пройдут годы, пройдут столетия, и чем дальше будет удаляться день их праведной кончины, тем светлее будет виден их светлый образ душевной чистоты, который никто уже не в силах будет зачернить.

Наступит время, настанет час, когда исполнится желание почивших — быть костями среди родных, в земле родной, тогда народ познает свою ошибку, вереницами пойдет на могилы Страстотерпцев искать утешения и облегчения от неправды людской.

Но путями неисповедимого Промысла Божия пришлось бежать от пресловутых благодетелей народа не только живым, но и мертвым, над которыми совершали кощунственные надругательства и сожигание их священных телесных останков.

Ввиду предстоящего вторичного занятия этими злыми людьми Алапаевска, по особому указанию Божию, добрыми людьми гробы с телами мучеников 1 июля 1919 года по ст. ст. были вывезены в глубокий тыл, куда прибыли 17 августа по ст. ст. и почивали в приличествующем святом месте шесть месяцев; здесь совершалась молитва, исходили струи кадильного благоухания и мерцала неугасимая лампада.

Но волна адского смрада двигалась вперед и вновь пришлось 26 февраля 1920 года по ст. ст. мученические останки увезти в более надежное место их временного упокоения, каковым судьбами Промысла Божия избрано место в чужой иноземной стране, которая свято чтит покой умерших предков. Здесь они 3 апреля 1920 года по ст. ст. в Светлую Пятницу, под сенью святого храма во имя Преподобного Серафима Саровского, нашли гостеприимный прием своими соотечественниками и православными инородцами, при пении победного Пасхального песнопения.

Без воли Божией ничего не совершается в нашей жизни, а тем более не могло совершиться без воли Господа Бога прибытие мученических останков Августейших Страстотерпцев в страну далекую, страну иноземную, для временного укрытия от поругания и уничтожения от руки зверообразных людей.

Тайны судеб Божиих пока от нас сокрыты, но несомненно то, что временное пребывание Царственных Мучеников оставит по себе благие следы, на которых расцветут цветы Христовой любви и милосердия к бедному народу, с любовью их приютившему.

Они не останутся в долгу, ибо предстоят у Престола Небесного Царя и имеют большее дерзновение, чем прежде.

Не будут посрамлены те, кто при жизни смирялся пред крепкой рукой Божией, кто все заботы возлагал на Бога и Он вознесет его в свое время, ибо Он печется о нем (1 Петр. 5, 6-7). «Зане Христос пострада за нас, нам остави образ, да последуем стопам Его; иже греха не сотвори, ни обретесе леть во устех Его; иже укаряли, противу не укаряше, стражда не прещаше, предающе же Седящему праведно». Не замедлит перемена, все случающееся в мире сем бывает изменчиво и непостоянно. Кратка здешняя временная жизнь и безконечна вечность загробная. Истинная цель наша не есть видимое и временное, но невидимое и вечное. Все земное, как то: честь, слава, почести, наряды — есть суета сует и всяческая суета. Одно дуновение ветра смерти и все уничтожит. Останется одна безпредельная вечность.

Почившие Мученики Христианского долга не потеряли, а приобрели вечное некрадмое богатство и славу, которые уже бессильны от них отнять люди греха и ада.

Им сказано Христом: *«радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех»* (Мф. 5, 12).

Игумен СЕРАФИМ

